

СПАСТИ МИР И НЕ КАШЛЯТЬ

—◆— ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР —◆—

Александр Логвинов

Спасти мир и не кашлять

«Литнет»

2026

Логвинов А.

Спасти мир и не кашлять / А. Логвинов — «Литнет», 2026

Эраст Акакиевич Кунилин уже спасал мир, пытался не жениться, всё-таки женился, познакомился с тещей и даже пережил встречу с большой политикой. Казалось бы, теперь его трудно чем-нибудь удивить. Но однажды обычный кашель оказывается предупреждением: в глубинах времени пробуждается сила, существовавшая задолго до драконов, людей и самого понятия «здравый смысл». Чтобы предотвратить новую катастрофу, Эраст, Вера и неизменно предприимчивый Тарас Ананиевич отправляются туда, где ещё нет привычных законов мироздания. Их ждут древние титаны, забытые боги, гигантские существа, разумная энергия, первый и последний драконы, а также Автор, которого герои однажды решают привлечь к ответственности за всё написанное. Времена смешиваются, варианты будущего начинают спорить друг с другом, а перед Тихоном встаёт невозможный выбор: сохранить мир людей или позволить родиться миру драконов. Однако герои давно знают, что между двумя безвыходными решениями обычно прячется третье — особенно если рядом теща с чайником и Тарас с книгой учёта. «Спасти мир и не кашлять» — масштабное юмористическое фэнтези о драконах, титанах, свободе выбора и цене любого спасения. Это история о мире, который однажды должен перестать ждать героя и научиться спасать себя сам.

© Логвинов А., 2026

© Литнет, 2026

Спасти мир и не кашлять

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР

СПАСТИ МИР И НЕ КАШЛЯТЬ

юмористическое фэнтези

Книга пятая

Пролог

Когда драконов ещё не придумали

До драконов мир был устроен проще. Именно поэтому жить в нём было значительно опаснее.

Неба ещё не существовало. Над головой находилось то же самое, что под ногами, — густая золотистая энергия, способная стать камнем, мыслью или хищником в зависимости от настроения. Настроение у неё менялось часто, поскольку календарь тоже ещё не изобрели.

В этой энергии ходили титаны. Они не рождались и не умирали, а постепенно становились настолько тяжёлыми, что окружающая действительность начинала считать их существование фактом. самого старшего звали Кайр Безмерный. Имя придумали позже; при жизни он обходился ощущением, что спорить с ним неудобно.

Кайр держал на плечах расстояние. Если он уставал и опускал руки, далёкие места сближались, горы сталкивались лбами, а гигантские звери случайно съедали собственное потомство, приняв его за соседний материк.

Рядом с ним жила Савара, хранительница памяти. Богиней она ещё не считалась: богов тогда не было, потому что никто не догадался им поклоняться. Савара помнила всё, включая события, которые мир в последний момент решил не совершать. От этого у неё болела голова и появлялся скверный характер — первые признаки будущей божественности.

По бескрайним равнинам бродили исполины. Каменные киты паслись в долинах времени, шестиногие горы искали место потише, а огромные птицы откладывали яйца, из которых вылуплялись небольшие луны. Одну луну забыли забрать, и значительно позднее люди стали считать её естественным спутником.

Но древнее всего была энергия. Титаны называли её Дыханием, потому что она входила в мир, выходила из него и никогда не спрашивала разрешения. Дыхание не имело тела, зато имело желания. Оно хотело одновременно стать всем возможным и ничем определённым.

— Так продолжаться не может, — однажды сказала Савара.

Это была первая административная фраза во Вселенной. Последствия ощущались до сих пор.

Титаны собрались у Горла Мира — места, где Дыхание было особенно плотным. Кайр предложил разделить энергию на части: свету позволить светить, тяжести — падать, времени — идти только в одну сторону. Савара предупредила, что всякое разделение однажды потребует отдела по согласованию границ.

Её не послушали. Так появились законы природы, а вместе с ними — первые нарушители.

Когда каждый поток энергии получил имя, из имён возникли боги. Они явились молодыми, прекрасными и сразу потребовали уточнить полномочия. Бог Огня объявил пламя своей исключительной собственностью. Богиня Времени установила часы приёма по вечности. Бог Войны опоздал, но всё равно победил в споре.

Дыхание не захотело становиться ведомством. Оно поднялось из Горла Мира и вошло в Кайра.

Титан вдохнул все неназванные возможности разом. Внутри него оказались несозданные моря, нерождённые существа, отменённые дороги и миллионы миров, которым ещё только предстояло ошибиться.

Кайр попытался удержать их. Сначала задрожал. Потом побледнел, хотя цвета кожи ещё не утвердили. Затем прикрыл рот ладонью.

— Только не кашляй, — сказала Савара.

Кайр кашлянул.

Первый кашель расколол единый мир на множество миров. Второй выбросил в пустоту звёзды. Третий разбудил гигантских существ, которым пришлось объяснять, почему они внезапно стали ископаемыми.

Перед четвёртым Савара остановила время. Боги связали Кайра собственными именами, титаны легли поверх разломов, а из огня, камня и обязанности сторожить создали драконов. Каждый дракон свернулся вокруг одной трещины и стал живым замком.

— Сколько кашлей осталось? — спросил юный бог Счёта.

— Четыре, — ответила Савара.

— Почему четыре?

— Потому что я помню один, которого ещё не было.

Она вынула из груди Кайра последний вдох и спрятала там, где его не могла найти ни одна власть, — в человеке, который откажется ею стать.

После этого появились драконы. Потом короли. Потом летописцы, которые поменяли порядок и записали, что короли были всегда.

О временах до драконов забыли.

Дыхание — нет.

Часть первая

Первый кашель

Глава первая

Утро человеческого масштаба

Через тридцать один день после выборов Эраст Акакиевич проснулся от того, что мир не заканчивался.

Он прислушался. Небо не трескалось, драконы не ревели, государственные органы не просили добровольно исполнить обязательное предназначение. С кухни доносился стук ножа, во дворе ругались из-за лужи, а Дом тихо переставлял кладовую на место бывшей избирательной комиссии.

Обычная жизнь подозрительно хорошо притворялась обычной.

— Хлеб купил? — спросила Вера, когда он вошёл на кухню.

— Вчера.

— Вчера ты собирался.

— Намерение было искренним.

— Тогда намажем на него масло.

На столе сидел маленький зелёный дракон Миры и грел чайник хвостом. После отмены представительной реальности драконы получили право считаться личностями, но обязанность не поджигать занавески выполняли по-прежнему выборочно.

Тихон собирался в школу. В рюкзак он положил учебник, тетрадь, деревянный меч и справку о том, что меч не является средством самообороны до тех пор, пока окружающие не начинают вести себя как чудовища.

— Сегодня история, — сказал он. — Про древние времена.

— Запоминай, — посоветовал Эраст. — Через год их перепишут и проверят, внимательно ли ты учил старую версию.

Дом открыл входную дверь. За ней стоял Тарас Ананиевич с батоном под мышкой и выражением лица человека, который уже продал половину батона как историческое наследие.

— Я принёс хлеб, — объявил он.

— Я просила Эраста.

— Он делегировал общественную потребность частному сектору.

— Я ничего не делегировал.

— Значит, частный сектор проявил инициативу. С тебя восемьдесят рублей.

Эраст отрезал кусок. В мякише блеснула тонкая серебряная нить.

Он замер. Точно такие нити остались от мандата, рассыпавшегося на площади. Тогда каждая вернулась к человеку, который привык говорить, что от него ничего не зависит. Видимо, одна нить заблудилась и решила начать с хлебобулочных изделий.

Дракон понюхал хлеб и чихнул искрой. Нить поднялась в воздух, свернулась вопросительным знаком и исчезла у Эраста под носом.

В горле защекотало.

— Только не говори, что простыл, — сказала Вера. — Мама сразу приедет.

Эраст хотел ответить, но вместо ответа кашлянул.

Чашки подпрыгнули. Чай на мгновение потёк вверх. За окном умолкли автомобили, птицы и сосед, который с шести утра объяснял луже её конструктивные недостатки.

Кашель был коротким, сухим и совершенно обыкновенным. Необыкновенным оказалось эхо. Оно ушло не в стены, а куда-то вниз, под пол, под город и под всё время, на котором стоял город.

Дом втянул окна, будто ноздри.

— Что это было? — спросил Тихон.

— Папа кашлянул, — сказала Вера.

— Я про то, что было до этого.

Во дворе лужа раскрыла глаз.

Глаз оказался размером с песочницу. Радужка медленно повернулась, отразив не дома и припаркованные машины, а золотое небо без солнца. Из глубины посмотрело существо, для которого многоэтажка была бы удобной ступенькой.

Сосед перестал ругать лужу и вежливо поздоровался.

Из глаза донёсся голос, похожий на движение материков:

— Четвёртый вдох найден.

Лужа снова стала лужей. На её поверхности плавал окурок, быстро возвращая реальности привычный масштаб.

Тарас первым пришёл в себя.

— Никому не рассказывайте, — сказал он. — Пока я не зарегистрировал название экскурсии.

Глава вторая

Справка о конце света

Через девять минут во двор въехала белая карета с красной полосой. Лошадей у неё не было: карету везла вперёд уверенность, что все обязаны уступить дорогу.

На борту золотыми буквами значилось: «СЛУЖБА НЕОТЛОЖНЫХ И НЕУСТАНОВЛЕННЫХ СОСТОЯНИЙ». Ниже мелким шрифтом было добавлено: «Вызов считается ложным до подтверждения катастрофы».

Из кареты вышли двое санитаров в серых мантиях и женщина с серебряным фонендоскопом. Она представилась профессором Серафимой Гордеевной Гортанной, заведующей кафедрой дыхательной магии Академии Семи Истоков.

— Кто кашлял? — спросила она.

Все показали на Эраста. Даже лужа пустила круги в его сторону.

- Один раз?
- Один.
- Миры раздвоились?
- Пока нет.
- Время отхаркивалось?
- Не заметил.
- Гигантские существа являлись?

Сосед поднял руку:

- Глаз считается?

Профессор закрыла бланк и с уважением посмотрела на Эраста.

- Поздравляю. У вас не простуда.
- Уже легче.
- У вас предмирный резонанс четвёртой степени.
- Снова тяжелее.

Санитары развернули вокруг него карантинную ленту. Лента сама завязалась на соседнем дереве, прочла инструкцию и отодвинулась подальше.

Серафима Гордеевна приложила фонендоскоп к груди Эраста. Из серебряной трубки послышался шум моря, удары молота и чей-то сонный вопрос: «Драконы уже закончились?»

Профессор побледнела.

- Внутри вас кто-то есть.

Вера встала рядом с мужем.

- Это можно вылечить?
- Смотря кого считать пациентом.
- Моего мужа.

— Тогда сложнее. То, что дышит через него, старше медицины. И, возможно, старше болезней.

Тарас заглянул в бланк.

- Страховка покрывает?
- Только плановые концы света. Этот начался без направления.

Из кареты вынесли стеклянный колпак. На нём висела табличка: «Для лиц, способных заразить действительность собой». Эраст отказался залезать внутрь.

- Отказ зафиксируем как симптом, — сказала профессор.
- У меня после выборов аллергия на фиксацию.
- Это тоже симптом.

В этот момент у подъезда появилась Маргарита Всеволодовна. Никто её не вызывал, однако некоторые матери обладают собственным каналом экстренной связи, основанным на внезапном чувстве, что зять опять делает что-то неправильно.

В одной руке она держала сумку, в другой — банку мёда и горчичники.

— Разойдитесь, — приказала она специалистам. — Человек кашляет, а они его протоколируют.

- Гражданка, возможно заражение времён до драконов.
- У него шарф тонкий. Вот и все ваши времена.

Маргарита Всеволодовна потрогала Эрасту лоб, посмотрела горло и велела открыть рот шире. В глубине вместо обычной темноты на мгновение проступило золотое пространство, по которому шёл силуэт высотой с горный хребет.

Тёща прищурилась.

- Налёт есть.

Серафима Гордеевна отступила.

- Вы видели титана.

— Я и не таких видела в районной поликлинике. Там запись на две недели вперёд. Она вручила Эрасту кружку горячего молока с мёдом. Молоко закипело, стало серебряным и само попросило не пить его после полуночи.

Профессор достала второй бланк.

— До выяснения причин вам запрещается кашлять, чихать, громко вздыхать и произносить слова, содержащие больше трёх букв «р».

— А дышать можно?

— Желательно неглубоко и под расписку.

Тарас тут же предложил продавать разрешения на вдох.

Эраст посмотрел на семью, санитаров, лужу и колпак.

— Сколько у нас времени?

Серафима Гордеевна взглянула на часы. Стрелки пятились назад.

— До второго кашля.

Глава третья

Дом учится дышать

Карантин установили вокруг Дома, но Дом с границами не согласился. Он перенёс парадную дверь за ленту, затем вернул обратно, когда понял, что снаружи дежурят журналисты.

Первый корреспондент спросил, правда ли Эраст скрывает древнюю инфекцию. Второй уточнил, намерен ли он кашлять в интересах иностранных миров. Третий уже выпустил материал под заголовком «БЫВШИЙ КАНДИДАТ ВДОХНУЛ ПРОШЛОЕ» и просил не менять события до вечернего выпуска.

Эраста посадили на кухне. Перед ним стояли три чашки: с мёдом, с травами и с жидкостью, которую Маргарита Всеволодовна назвала проверенным средством, отказавшись уточнить, кем именно оно проверялось и выжил ли проверявший.

— Пить по очереди, — сказала она.

— А если станет хуже?

— Значит, болезнь испугалась и сопротивляется.

Серафима Гордеевна раскладывала на столе приборы. Магический термометр показывал не температуру, а эпоху. В подмышке Эраста стрелка прошла каменный век, задержалась на времени первых богов и остановилась напротив надписи «РАНЫШЕ».

— Нехорошо, — сказала профессор.

— Насколько?

— Шкала закончилась.

Дом тем временем начал дышать. Стены медленно раздвигались и сходились, занавески втягивались в окна, а дымоход выпускал тёплый воздух с запахом древнего дождя.

— Он повторяет за Эрастом, — заметил Тихон.

Эраст задержал дыхание. Дом замер. На втором этаже упал шкаф, не успевший закончить шаг.

Эраст выдохнул. Дом облегло распахнул все двери, включая ту, которая вела в прошлый четверг.

Из двери вышел Тарас с батоном.

— Я, кажется, опоздал вчера, — сказал он. — Там хлеб дешевле.

Серафима Гордеевна подошла к стене и приложила ладонь. Под обоями билось что-то огромное.

— Ваш Дом построен на разломе.

— Он построен на фундаменте, — возразила Маргарита Всеволодовна. — Я документы видела.

— Фундамент тоже на разломе.

— Тогда почему разлом не указан в техническом паспорте?

Профессор впервые растерялась. С древним злом она умела спорить, с вопросами собственности — только по предварительной записи.

Мира вошла через окно. За ней пролетели три дракона, сделали круг над крышей и отказались садиться.

— Они боятся Дома, — сказала она.

— Драконы?

— Не Дома. Того, что под ним. Они называют это Старшим Гнездом, хотя там никто не гнезвился. В драконьем языке одно слово может означать место рождения, место смерти и недвижимость с плохими соседями.

Её самый законопослушный дракон всё-таки влетел на кухню. Увидев Эраста, он лёг на пол, закрыл морду лапами и произнёс человеческим голосом:

— Хозяин дыхания.

— Я не хозяин.

Дракон приподнял голову.

— Поэтому хозяин.

Эраст почувствовал знакомое раздражение. Мир снова назначал его главным на основании нежелания быть главным.

Из-под пола донёсся стук. Три медленных удара, будто кто-то снизу просил открыть и располагал вечностью, чтобы дожидаться.

Дом отодвинул кухонный стол. Под ним обнаружился люк, которого вчера не было. На крышке проступила надпись буквами, похожими на трещины:

«ДО ДРАКОНОВ».

Тарас присел рядом.

— Подвал?

— Временной, — ответила профессор.

— Его можно сдавать?

— Там могут находиться силы, существовавшие до собственности.

— Значит, документы действительно будут сложные.

Люк снова стукнул. На этот раз изнутри.

Тихон достал деревянный меч.

Вера взяла Эраста за руку.

Маргарита Всеволодовна собрала лекарства в сумку.

— Куда вы? — спросила Серафима Гордеевна.

— С ними. Кто-то должен следить, чтобы зять не спускался в эпоху титанов с мокрой шеей.

Эраст открыл люк.

Снизу пахло воздухом, который ещё не решил, станет ли он воздухом.

Глава четвёртая

Подвал глубже прошлого

Лестница начиналась под кухней и уходила вниз раньше основания мира.

Первые ступени были деревянными, следующие — каменными, затем материал закончился. Приходилось наступать на обещания будущей твёрдости. Они слегка прогибались и требовали верить в инфраструктурный проект.

Впереди шла Серафима Гордеевна с фонарём. Свет от него падал не на стены, а на возраст предметов. Молодые камни сияли белым, древние — золотым, а одна ступень оказалась настолько старой, что свет поклонился ей и обошёл стороной.

За профессором спускались Эраст и Вера. Тихона оставили наверху, но через десять ступеней он вышел им навстречу снизу.

— Дом решил, что безопаснее держать нас вместе, — объяснил он.

— А мама?

— Пошла другой лестницей. Сказала, что эта сквозит.

Маргарита Всеволодовна действительно появилась из стены и сообщила, что нашла короткую дорогу через кладовку. Последним шёл Тарас. Он мелом отмечал перспективные места для будущих экскурсий.

— Ничего не трогай, — предупредил Эраст.

— Я не трогаю. Я оцениваю культурный потенциал.

— Ты уже написал цену на колонне.

— Это не цена. Это предполагаемый размер добровольного пожертвования.

Лестница закончилась на берегу золотого моря. Волны в нём не двигались, а меняли значение: одна становилась теплом, другая — расстоянием, третья ненадолго превратила Тараса в человека, который никогда не торговался. Все испугались, особенно Тарас, и волна вернула всё обратно.

Над морем не было неба. В вышине плавали острова, корни гор и прозрачные скелеты существ размером с города. Между ними медленно проходили светящиеся стада, похожие одновременно на китов, облака и воспоминания о чём-то огромном.

— Эпоха до драконов, — прошептала Серафима Гордеевна. — Слой первичной энергии.

— Почему он находится у нас под кухней? — спросила Вера.

— Потому что ваш Дом не перемещается между мирами. Он помнит время, когда миров ещё не разделили.

Дом высунул из люка дверную ручку и гордо повернул её.

На берегу стояла статуя титана. Её ноги уходили в золотое море, плечи поддерживали невидимую тяжесть, а лицо было закрыто семью каменными масками. На груди зияла круглая впадина.

Эраст приблизился. Впадина точно повторяла форму исчезнувшего мандата.

— Нет, — сказал он.

— Что? — спросила Вера.

— Ещё ничего. Но это место уже собирается объяснить, что только я могу что-то вставить, принять или возглавить.

Статуя открыла нижнюю маску.

— Отказавшийся найден, — произнесла она.

— Вот.

— Четвёртый вдох вернулся.

— Никуда я не возвращался.

— Возражение подтверждает личность.

Тарас сочувственно кивнул:

— У древних тоже хорошая бюрократия. Даже бланков не надо.

Из моря поднялась золотая нить и потянулась к горлу Эраста. Вера перехватила её рукой. Нить обвилась вокруг пальцев, прислушалась к сердцу и вдруг отступила.

— Почему она тебя послушалась? — спросила профессор.

— Я не приказывала.

— Именно поэтому, — сказал дракон, который незаметно спустился следом.

Статуя повернула головы к Вере.

— Связующая присутствует. Хранительница порога присутствует. Свидетель выгоды присутствует.

— Это он про меня? — обрадовался Тарас.

— Несовершеннолетний наследник присутствует, — продолжила статуя, глядя на Тихона.

Мальчик крепче сжал меч.

— Чей наследник?

Верхняя маска треснула.

— Того, кто ещё не кашлянул в последний раз.

Золотое море дрогнуло. Далеко под поверхностью открылся второй глаз — больше первого и намного ближе.

Маргарита Всеволодовна достала из сумки шарф.

— Сначала горло закроем. Потом будете наследовать.

Глава пятая

Врач по заболеваниям мироздания

Вернувшись на кухню, они обнаружили там нового посетителя. Худой мужчина в чёрном сюртуке сидел за столом, пил чай Эраста и заполнял историю болезни почерком, от которого заболевали даже буквы.

— Доктор Аполлинарий Кашлевич Тишин, — представился он. — Специалист по заболеваниям, которыми мир болел до появления пациентов.

— Кто вас впустил? — спросила Вера.

Доктор показал на Дом.

— Он пожаловался на одышку и архитектурную тревожность.

Дом виновато прикрыл дверь.

Тишин осмотрел Эраста. Попросил вдохнуть настоящее, выдохнуть прошлое и не думать о будущем, поскольку от этого результаты обычно получались завышенными.

— Что со мной?

— В вас пробуждается фрагмент Первого Дыхания.

— Можно вынуть?

— Можно. Вместе с дыханием.

— Другие варианты?

— Не кашлять.

— Долго?

— До конца времён. Возможно, дольше, если конец перенесут.

Маргарита Всеволодовна поставила перед доктором банку мёда.

— А нормальное лечение?

— Это и есть нормальное. Для ненормального случая.

Доктор объяснил, что драконы были не первыми великими существами, а последними замками, поставленными на древнюю энергию. До них мир принадлежал титанам, богам и исполинам, которые не различали тело, мысль и стихию. Гора могла обидеться, буря — вступить в брак, а человеческих проблем не существовало по причине отсутствия людей.

— Золотой век, — вздохнул Тарас.

— Исполины ели время. Если стадо проходило рядом, у мира исчезало несколько веков.

— Тогда налоги были меньше.

— Налогоплательщиков тоже не было.

— Не бывает совершенства.

Тишин нарисовал семь кругов. Три перечеркнул.

— Кайр Безмерный кашлянул трижды. Каждый кашель отделил часть возможного от невозможного. Затем его остановили. Четыре оставшихся вдоха спрятали в будущих людях.

— Людях? — переспросил Эраст.

— В каждом веке находился тот, кто мог получить абсолютную власть и отказывался. Его отказ создавал пустое место, в котором Дыхание не подчинялось ни богам, ни законам. До вас носители умирали, так и не пробудившись.

— А я пробудился из-за мандата?

— Из-за того, что сделали с ним. Серебряные нити вернули людям ответственность, но одна из них была древнее остальных. Она искала человека, способного не взять чужую волю даже ради спасения мира.

Вера посмотрела на мужа.

— Значит, он заболел принципиальностью?

— Запущенная форма.

Эраст взял лист с кругами.

— Что произойдёт после моего кашля?

— После первого древний слой увидел настоящее. После второго настоящее увидит его. После третьего проснутся исполины. После четвёртого боги вспомнят, что были до веры в них. Последствия пятого и шестого в источниках зачёркнуты.

— А седьмого?

Доктор помолчал.

— Мир станет единым.

— Звучит неплохо, — сказал Тарас.

— Люди, камни, мысли, хищники и энергия снова перестанут отличаться друг от друга.

— Звучит менее удобно.

В окно постучала сова размером с телёнка. Она была каменной, носила очки и держала в клюве чёрный конверт с золотой печатью.

— Почта Академии, — сказала Серафима Гордеевна.

— Я никуда не поступаю, — предупредил Эраст.

Сова уронила конверт ему на голову. На конверте проступила надпись:

«ЭРАСТУ АКАКИЕВИЧУ КУНИЛИНУ, ВРЕМЕННОМУ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
ОТКАЗА ОТ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ».

Ниже появилась приписка:

«Неявка считается согласием вести занятия заочно».

Эраст посмотрел на профессора.

— У вас там все документы так работают?

— Нет. Некоторые ещё кусаются.

Глава шестая

Академия Семи Истоков

Академия не находилась ни в одном мире. Это позволяло ей не платить земельный налог и сохранять нейтралитет во всех войнах, кроме внутренних заседаний кафедр.

Добирались туда через дверь школьного гардероба. Серафима Гордеевна трижды постучала по табличке «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН», после чего слово «воспрещён» устало отодвинулось.

Эраст вошёл первым. Он ожидал коридор, лестницу или хотя бы другое помещение. Вместо этого под ногами оказалась узкая каменная дорога, проложенная по спине спящего существа. Существо тянулось до горизонта, медленно поднимаясь при каждом вдохе.

— Это кто?

— Основатель, — ответила профессор.

— Академии?

— Материка. Академия построена ближе к плечу.

Вдали возвышались семь башен. Одна была каменной, другая состояла из воды, третья горела холодным огнём. Четвёртую можно было увидеть только закрыв глаза. Пятая росла корнями вверх. Шестая непрерывно разрушалась и восстанавливалась. Седьмая отсутствовала, но отбрасывала самую длинную тень.

Между башнями летали студенты на огромных перьях, складных облаках и приручённых ошибках гравитации. По двору шествовали доспехи без рыцарей. За ними бежал рыцарь без доспехов и требовал вернуть имущество.

— Здесь учат магии? — спросил Тихон.

— Здесь учат не погибать от неё раньше первого экзамена, — сказала Серафима. — Магию студенты находят сами. Обычно в запрещённых местах, куда их заранее водят на ознакомительную экскурсию.

У ворот их встретил ректор Феофан Семиведович Истоков. У него было одно лицо и семь выражений, которые сменялись без видимой связи с разговором.

— Эраст Акакиевич! — воскликнул он с радостью, тревогой, подозрением и бухгалтерской осторожностью. — Академия ждала вас две тысячи лет.

— Могла бы подождать ещё.

— К сожалению, ожидание исчерпало бюджет.

Ректор повёл их в Зал Распределённых Причин. На стенах висели портреты выпускников: королей, советников, придворных магов и одного честного казначея, которого изображали со спины, поскольку никто не знал, как он выглядел.

В центре зала стояли семь дверей. Студент входил в любую, но выходил из той, которая соответствовала не его способностям, а последствиям.

— У нас семь Истоков, — объяснил ректор. — Огонь, Форма, Память, Воля, Слово, Время и Дыхание. Последний закрыт со времён исчезновения титанов.

Седьмая дверь распахнулась.

Из неё дохнуло золотым ветром. Все портреты повернули головы к Эрасту. Короли склонились, маги спрятали лица, а честный казначей развернулся и оказался пустой рамой.

— Дыхание выбрало вас, — прошептал ректор.

— Я его не выбирал.

— Взаимность не входит в обязательную программу.

На груди Эраста появилась золотая эмблема в форме раскрытых лёгких. Он сорвал её. Под эмблемой возникла вторая, уже с номером преподавателя.

— В чём состоит моя работа?

— Научить студентов не становиться теми, кем им предназначено.

— Почему я?

— Вы единственный специалист с практическим опытом. Не женились, потом женились, познакомились с тётцей, не стали депутатом. Ваша биография признана полным курсом сопротивления пророчествам.

Маргарита Всеволодовна одобрительно кивнула только на третьем пункте.

Ректор открыл расписание. Первое занятие называлось «Отказ от трона без потери головы». Второе — «Избранность: техника безопасности». Третье должен был вести Тарас: «Монетизация древнего проклятия».

— Я не соглашался, — сказал Тарас.

— Поэтому вам предложили почасовую оплату.

— Тогда соглашался, но недостаточно письменно.

Где-то под Академией вздрогнул спящий Основатель. Из седьмой башни донёсся глухой удар.

Эраст почувствовал знакомое щекотание в горле.

Серафима Гордеевна немедленно протянула ему пузырёк.

— Пейте.

— Что это?

— Настой молчания.

Эраст выпил. Голос исчез, но кашель остался.

Из-за седьмой двери кто-то тихо сказал его голосом:

— Второй вдох уже начался.

Глава седьмая

Урок для избранных, которые передумали

В аудитории Эраста ждали двенадцать студентов и три пророчества. Пророчества сидели на первой парте, потому что заранее знали ответы и любили поправлять преподавателей.

Среди студентов выделялась девушка с серебряной косой — княжна Лада Ветрогорская, последняя наследница Дома Северного Пламени. Рядом дремал широкоплечий юноша Борен Камнерод, в родословной которого половина предков была великанами, а другая половина отрицала родство. У окна сидел худой мальчик Ниль, не имевший фамилии, тени и документов, зато имевший привычку замечать двери раньше стен.

На доске само собой появилось: «ТЕМА: КАК ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ВЕЛИКОЙ СУДЬБЫ И НЕ ПОЛУЧИТЬ ЕЁ В РАСШИРЕННОЙ КОМПЛЕКТАЦИИ».

Эраст не мог говорить после настоя молчания, поэтому написал:

«Первое правило: не верьте тому, кто называет вас единственным».

Первое пророчество подняло руку.

— Но единственный спасёт семь земель, когда погаснет последнее солнце.

Эраст дописал:

«Особенно если это пророчество».

Студенты засмеялись. Пророчество обиделось и предсказало им внеплановую контрольную.

Лада спросила:

— А если отказ погубит людей?

Эраст написал:

«Отказаться от власти — не значит отказаться от поступка».

— Красивые слова. Но когда армии трёх домов стоят у твоих ворот, людям нужен тот, кто отдаст приказ.

В её голосе не было студенческого любопытства. Так спрашивал человек, уже видевший ворота и армии.

Эраст стёр доску и написал медленнее:

«Тогда спросите, кто будет отвечать за приказ. Если никто — перед вами не власть, а удобное бедствие».

Борен Камнерод фыркнул:

— У нас в горах отвечает сильнейший.

— До первого поражения, — сказал Тихон с задней парты.

— Ты кто?

— Несовершеннолетний наследник. Пока разбираюсь.

В аудиторию вошла Вера. За ней плыла карта семи древних домов. Каждый дом владел частью драконьих печатей и веками спорил, кто имеет право охранять конец света ближе остальных.

— У ворот послы, — сообщила она. — Требуют выдать Эраста.

— Кому? — жестом спросил он.

— Всем по очереди. Северный дом считает тебя королём магов. Каменный — возвращённым титаном. Дом Белой Короны настаивает, что ты их пропавший наследник. Остальные пока читают документы и готовят более древние родословные.

Тарас вошёл следом, сияя.

— Я организовал очередь претендентов. За срочность берём отдельно.

Лада резко встала.

— Дом Северного Пламени не признаёт королей.

— Почему же он считает меня королём? — попытался спросить Эраст, но из горла вышел только хрип.

Настой молчания перевёл хрип на язык магии. Стёкла покрылись золотыми трещинами. Седьмая дверь в конце коридора приоткрылась.

Ниль без фамилии смотрел не на дверь, а на пустое место рядом с Эрастом.

— Там кто-то стоит, — сказал он.

— Кто?

— Очень большой человек. Он держит ладонь над головой учителя, чтобы тот не ударился о небо.

Эраст ничего не видел. Но почувствовал тяжесть чужой руки и услышал внутри себя медленное дыхание.

Первое пророчество вскочило на парту:

— Найден тот, кто откроет Драконий трон!

Второе возразило:

— Найден тот, кто уничтожит его!

Третье задумалось и добавило:

— Возможна замена исполнителя без предварительного уведомления.

Эраст написал на доске:

«Урок окончен».

Доска дописала сама:

«Эпоха — начинается».

Глава восьмая

Семь домов и одно горло

Послы великих домов собрались в Зале мирного превосходства. Название придумали после четырёх войн за право называться мирными.

Представитель Северного Пламени носил белую шубу поверх доспехов и разговаривал так, будто каждое слово должно было пережить зиму. Посол Каменного Рода был сложен из гранитных пластин и семейных обид. Дама Белой Короны улыбалась всем присутствующим, заранее выбирая, кому улыбка обойдётся дороже.

Остальные дома представляли Пепел, Глубину, Зеркало и Последний Сад. Их гербы висели над столом и время от времени пытались съесть друг друга.

Эраст сидел во главе стола только потому, что остальные кресла отодвинулись. Он несколько раз пересел, но мебель сохраняла монархические убеждения.

— Четвёртый вдох принадлежит Северу, — объявил первый посол. — Наш дракон охранял ледяную печать тысячу лет.

— Ваш дракон спал, — сказал Каменный.

— Сон на посту предусмотрен древним уставом.

— Кунилин принадлежит Белой Короне, — произнесла дама. — Его прабабка могла происходить от младшей линии нашего изгнанного дома.

— Моя прабабка жила в Ельце, — сказал Эраст, к которому вернулся голос.

— Именно там младшая линия особенно успешно скрывалась.

Вера положила на стол семейные документы.

— Здесь нет королей.

Дама посмотрела бумаги и улыбнулась ещё мягче.

— Хорошая легенда прикрытия.

Маргарита Всеволодовна придвинула документы к себе.

— Если хотите войти в семью, сначала расскажите, где были все эти родственники, когда нам ремонт понадобился.

Белая Корона впервые утратила дипломатическую улыбку.

Ректор Истоков разложил древнюю карту. Семь земель окружали чёрный круг, обозначенный как Дракони́й трон. По краям карты были нарисованы огромные существа: титаны, небесные киты, многорукие горы и боги без лиц.

— Трон не является мебелью, — объяснил ректор. — Это узел, связывающий семь драконьих печатей. Тот, кто займёт его, сможет удержать эпоху титанов закрытой.

— Или открыть, — добавила Серафима Гордеевна.

Послы заговорили одновременно. Каждый предлагал посадить Эраста на трон под собственным наблюдением. Дом Зеркала требовал создать семь одинаковых Эрастов. Дом Пепла предлагал сначала сжечь претендента, чтобы проверить подлинность. Представитель Последнего Сада молчал и выращивал на столе ядовитую розу.

— Я никуда не сяду, — сказал Эраст.

Трон на карте придвинулся ближе.

— Не произносите отказ рядом с древними артефактами, — попросил ректор. — Они воспринимают его как доказательство достоинства.

— Тогда что мне говорить?

— Формальное согласие иногда отпугивает судьбу.

— Мы это уже проходили. Она воспринимает согласие как согласие.

Тарас поднял руку:

— А можно сдать трон в аренду?

Семь послов впервые объединились и потребовали вывести его из зала.

В этот момент карта вспучилась. Из нарисованного чёрного круга поднялся каменный палец размером с башню. Он прорвал пергамент, потолок и несколько этажей Академии, стараясь ничего не задеть и потому разрушив только помещения администрации.

Палец указал на Эраста.

Из-под земли раздался голос:

— Верните мне дыхание.

Послы опустились на колени. Ректор спрятался за уставом. Студенты выбежали в коридор с тем счастливым ужасом, который бывает только при отмене занятий из-за древнего чудовища.

Эраст остался стоять.

— Сначала представьтесь.

Голос молчал так долго, что несколько государств успели бы возникнуть, разочароваться и принять новую конституцию.

— Моё имя забрали боги.

— Тогда придумайте другое.

Каменный палец дрогнул.

— Ты говоришь, как Савара.

— Я не знаю Савару.

— Она знает тебя.

В горле Эраста снова защекотало. На этот раз сильнее.

Семь драконьих гербов сорвались со стен и закричали каждый на своём языке.

Серафима Гордеевна бросилась к нему с пузырьком.

Маргарита Всеволодовна оказалась быстрее и сунула зятю ложку мёда.

Тарас на всякий случай пригнулся.

Эраст попытался вдохнуть.

Но воздух уже принадлежал кому-то другому.

Глава девятая

Второй кашель

Первым исчез звук. Послы продолжали кричать, гербы — рычать, стены — рушиться, но всё происходило в совершенной тишине, словно мир заранее не хотел слышать собственный приговор.

Эраст зажал рот ладонью. Щекотание превратилось в раскалённую нить, протянутую от горла к самому основанию Академии.

Вера обняла его сзади и заставила выдохнуть медленно.

— Смотри на меня.

Он посмотрел. На несколько секунд вернулись кухня, хлеб, неровная полка и человеческая жизнь, в которой худшим последствием кашля было недовольство соседей.

Затем каменный палец согнулся и пробил пол рядом с ними. Из трещины хлынула золотая энергия. Она не обжигала — она предлагала телу вспомнить, что когда-то оно могло быть огнём.

Дама Белой Короны вспыхнула и стала прозрачной. Внутри неё обнаружилась маленькая испуганная девочка, которая всю жизнь училась улыбаться раньше, чем её успеют ударить. Каменный посол рассыпался на отдельные клятвы. Северянин превратился в метель, старательно сохранявшую воинскую выправку.

— Форма распадается! — закричала Серафима, хотя звука всё ещё не было.

Тихон поднял деревянный меч. Меч остался мечом.

— Почему он не меняется? — спросила Лада.

— Потому что я знаю, зачем он мне, — ответил мальчик.

Его слова стали слышны. Следом вернулся голос Веры:

— Эраст, ты не обязан удерживать всё один.

Это была правильная мысль. Именно поэтому древняя сила попыталась её уничтожить.

Золотая нить рванулась к Вере. Дракон Миры перехватил её пастью, загорелся белым пламенем и вырос. За несколько мгновений он стал огромным, его крылья упёрлись в башни, а чешуя покрылась знаками, которых не знала ни одна драконья азбука.

— Он вспоминает первого дракона, — прошептала Мира.

Дракон стиснул нить, но та продолжала тянуться через него к Эрасту. Древние замки узнавали ключ.

Доктор Тишин достал из сюртука чёрный колокольчик.

— Есть способ задержать кашель.

— Почему вы молчали? — спросила Маргарита Всеволодовна.

— Способ опасный.

— А кашель полезный?

Доктор позвонил. Колокольчик забрал у ближайшего мгновения возможность наступить. Время остановилось, но кашель Эраста продолжал двигаться: он пришёл из эпохи, когда времени ещё не было.

Тарас подошёл к другу.

— Если хочешь, кашляй в меня.

Все посмотрели на него.

— Что? У меня внутри столько сомнительных договоров, что одна древняя энергия ничего не изменит.

Эраст хотел рассмеяться. Смех толкнул воздух вверх.

Он кашлянул второй раз.

Академия исчезла.

На её месте возникла равнина под золотым небом. Семь башен стали семью тонкими деревьями. Люди оказались на ладони великана, лежавшего среди гор. Его тело уходило за горизонт, а на груди виднелись три огромные раны — следы первых кашлей.

Великан открыл глаза.

Миры задрожали не от движения, а от того, что впервые стали предметом его внимания.
— Кайр Безмерный, — выдохнула Серафима Гордеевна.

Титан медленно поднял вторую ладонь. На ней стоял город богов: дворцы из света, лестницы из молитв и пустые троны, ждавшие хозяев несколько вечностей.

Один за другим на тронах появились силуэты.

Боги просыпались.

Кайр посмотрел на Эраста и улыбнулся трещиной в горном лице.

— Наконец-то, — произнёс он. — Ты вернулся, младший брат.

Эраст вытер губы платком.

На ткани осталось золотое слово:

«ТРЕТИЙ».

— Даже не начинайте, — сказал он.

Но древность уже начинала.

Глава десятая

Младший брат, которого не было

Эраст посмотрел на Кайра Безмерного снизу вверх. Потом ещё выше. Лицо титана началось там, где у обычного мира уже заканчивалась погода.

— Я вам не брат, — сказал он.

Горы вокруг вздрогнули. Кайр наклонился ближе, и от его дыхания по равнине прошла золотая буря. Несколько несозданных лесов выросли, постояли и передумали.

— Тот же отказ, — произнёс титан. — Тот же голос.

— Голос мой. Отказ тоже. Родство не подтверждаю.

Тарас достал из кармана сложенный лист.

— Если потребуется подтверждение, у меня есть знакомый специалист. За отдельную плату найдёт общих предков даже у кирпича и застройщика.

Кайр перевёл взгляд на него. Тарас оказался в тени огромного глаза и впервые пожалел, что не оформил страхование от внимания титанов.

Серафима Гордеевна объяснила, что в предмирном языке слово «брат» означало не родство, а два существа, между которыми Дыхание не желало выбирать.

— Значит, он назвал вас равным, — сказала она.

— Можно было сказать короче.

— Тогда ещё не изобрели короткие объяснения. Мир был бесконечным, все располагали временем.

На второй ладони Кайра просыпался город богов. Дворцы зажигались один за другим. Из башни Огня вышел человек в плаще из белого пламени. Над Храмом Времени появилась женщина, одновременно юная и древняя. Последним открылся пустой дворец без дверей.

— Верни четыре вдоха, — потребовал бог Огня.

— У меня только один, — ответил Эраст.

— Остальные придут к нему, — сказала богиня Времени. — Для древней силы последовательность является человеческим предрассудком.

Вера встала впереди мужа.

— Что будет, если он вернёт Дыхание?

— Мы восстановим правильный мир.

— Для кого правильный?

Боги переглянулись. Вопрос оказался настолько новым, что богиня Времени попыталась отнести его к будущему заседанию.

Кайр медленно сжал ладонь с городом. Дворцы закричали.

— Они забрали моё имя, — сказал титан. — Потом объяснили, что сделали это ради общего порядка.

— Он разрушил мир тремя кашлями! — воскликнул бог Огня.

— А кто заставил его вдохнуть всю энергию? — спросил Тихон.

Никто не ответил.

Тихон посмотрел на Эраста:

— Когда взрослые молчат после простого вопроса, значит, история началась не там, где написано.

Маргарита Всеволодовна поправила ему воротник.

— Умный мальчик. Но без шапки.

Кайр разжал третью ладонь. На ней лежала чёрная крепость, окружённая семью спящими драконами. В центре возвышался трон, похожий на позвоночник огромного зверя.

— Там хранится моё имя, — сказал он. — И причина первого кашля.

Семь послов одновременно объявили крепость собственностью своих домов.

Эраст почувствовал, как золотое слово «ТРЕТИЙ» на платке стало горячим.

— Мы пойдём туда, — сказала Вера.

— Почему мы? — спросил он.

— Потому что иначе ты будешь спорить с титаном до третьего кашля.

Тарас осмотрел расстояние до крепости.

— А транспорт здесь существует?

Кайр поднял их ладонью. Мир провалился вниз.

— Существует, — сказал Эраст. — Но сервис слишком личный.

Глава одиннадцатая

Город богов без прихожан

По пути к крепости ладонь Кайра остановилась у города богов. Боги потребовали досмотр, регистрацию и доказательство смертности.

У ворот стоял бог Порогов. Когда-то он решал, кто достоин перейти из одного состояния в другое. Теперь проверял пропуска и заметно скучал.

— Цель прибытия?

— Узнать правду, — ответил Эраст.

— Такой цели нет в перечне. Могу оформить паломничество, заговор или незаконное проникновение.

— Последнее хотя бы честно.

Бог поставил печать прямо на воздух. Воздух обиделся и перестал проходить через ворота. Пришлось входить по одному, задерживая дыхание.

Город оказался величественным и почти пустым. Без верующих боги уменьшились до человеческого роста, но дворцы сохранили прежние размеры. В храме Огня пылали тысячи жертвенников, возле которых один служитель безуспешно пытался согреть чай.

Богиня Победы продавала старые триумфы со скидкой. Бог Дождя предлагал осадки по подписке. Бог Забвения не помнил, зачем открыл лавку, и потому работал без выходных.

— Почему вы исчезли из миров? — спросила Мира.

— Люди перестали нуждаться в посредниках, — ответил ректор Истоков. — Огонь научились разводить, время — измерять, победы — объяснять собственной гениальностью. Боги лишились должностей, но сохранили полномочия.

На главной площади стоял памятник победе богов над Кайром. Титан был изображён чудовищем, боги — скромными героями вдвое выше него.

Маргарита Всеволодовна прочла надпись.

— Кто ставил?

— Победители, — ответила Серафима.

— Сразу видно. Проигравшим обычно не до памятников.

Из пустого дворца без дверей вышел человек в серой одежде. Его лицо менялось всякий раз, когда кто-нибудь пытался запомнить черты.

— Я Наместник Имени, — сказал он. — Кунилин должен быть передан Совету богов.

— На каком основании?

— Он носит то, чему не дал имени.

— Моё горло не ваша собственность.

— Всё неназванное принадлежит тому, кто способен назвать.

Наместник щёлкнул пальцами. Над Эрастом вспыхнуло золотое слово «СОСУД». Оно попыталось войти ему в грудь.

Вера зачеркнула слово пальцем и написала рядом: «МУЖ».

Древняя магия остановилась. У слова появилась связь, которую нельзя было определить без другого человека.

Наместник нахмурился.

— Частное определение не отменяет высшего.

Маргарита Всеволодовна добавила: «ЗЯТЬ».

Слово «СОСУД» треснуло под тяжестью семейных обязательств.

— Вот теперь определён полностью, — сказала она.

Из переулков вышли безымянные стражи. На месте лиц у них были гладкие золотые маски.

Ниль посмотрел на стену, которой не было, и открыл в ней дверь.

— Сюда.

Все бросились следом. Последним бежал Тарас, успевший снять с памятника табличку.

— Зачем? — спросил Эраст.

— Исторический сувенир.

— Это кража.

— Победители потом напишут иначе.

Глава двенадцатая

Суд над человеком, который дышал без разрешения

Дверь Ниль привела прямо в Зал Высшего Толкования. Побег закончился там же, где обычно заканчиваются попытки спорить с системой, — на заседании.

Полукругом сидели девять богов. В центре возвышалось пустое кресло Савары. На нём лежал слой пыли, помнивший прикосновения лучше свидетелей.

Наместник Имени вошёл через стену и объявил заседание открытым задним числом.

— Эраст Кунилин обвиняется в незаконном хранении первичного Дыхания, самовольном кашле и создании угрозы возвращения титанов.

— Кашель был непреднамеренным, — сказала Вера.

— Незнание пророчества не освобождает от исполнения пророчества.

— А где оно опубликовано?

Бог Закона раскрыл свиток. Тот оказался чистым.

— Пророчество слишком древнее для письменной формы.

— Тогда откуда известен текст?

— Из толкований.

— Чьих?

— Наших.

— То есть вы сами придумали обвинение, сами его истолковали и теперь сами судите?

Бог Закона посмотрел на остальных.

— В человеческих государствах это называется преемственностью институтов.

Тарас уже продавал места в зале. Бог Торговли потребовал долю, но после коротких переговоров сам купил два места в первом ряду.

Эраст подошёл к пустому креслу Савары. На подлокотнике были вырезаны семь линий. Три заканчивались разломами, четвёртая уходила к нему.

— Где Савара?

— Предала Совет, — ответил бог Огня. — Похитила последний вдох Кайра и исчезла в будущих мирах.

— Зачем?

— Чтобы однажды смертный освободил титана.

Пыль на кресле поднялась и сложилась в женский силуэт. Силуэт сказал голосом Дома:

— Ложь.

Зал содрогнулся. Боги встали. Даже Наместник Имени отступил.

— Это не Савара, — произнёс он. — Только память.

— Для вас разница существенна, — ответил силуэт. — Память нельзя снова заставить молчать.

Она показала событие, спрятанное в пыли. Кайр стоял у Горла Мира, а боги окружали его. Не титан втянул Дыхание: бог Имени назвал его вместилищем, бог Закона объявил решение обязательным, бог Войны не позволил отказаться.

Кайр кашлянул, потому что в него поместили больше мира, чем мог вынести даже титан.

— Вы создали катастрофу, — сказал Тихон.

— Мы создавали порядок, — возразил бог Закона.

— Получилось как обычно, — заметил Эраст.

Наместник Имени ударил посохом. Пыль осыпалась, но перед исчезновением силуэт повернулся к Эрасту.

— Не ищи меня среди богов. Ищи там, где стены помнят жильцов.

Эраст вспомнил Дом, который умел дышать и помнил время до разделения миров.

Бог Огня поднял руку:

— Виновен.

Остальные боги повторили. Пустое кресло Савары промолчало.

— Решение принято большинством, — объявил Закон.

— В четвёртой книге это уже плохо закончилось, — сказал Тарас. — Но вы могли не читать. Тиражи пока скромные.

Глава тринадцатая

Первый дракон был замком

Приговор предусматривал извлечение Дыхания и последующее сохранение Эраста в качестве назидательного примера. На вопрос, сохранится ли при этом сам Эраст, боги ответили, что детали исполнения не должны затмевать нравственный смысл.

Его повели к Драконьему трону. Семь послов сопровождали процессию и спорили, как разделить освободившуюся древнюю силу. Каждый осуждал жадность остальных принципиально и свою — по территориальному признаку.

Крепость стояла на груди Кайра. Её стены были сложены из окаменевших обещаний богов. Обещания держались крепко: никто никогда не пытался их выполнить.

У ворот лежал первый дракон. Он был больше крепости, но казался тонким, словно от него осталась только обязанность. Шесть других драконов спали вокруг разломов.

Мира приблизилась. Первый дракон открыл мутный глаз.

— Потомок, — сказал он.

— Хранитель, — ответила она на драконьем языке.

— Мы не хранители. Мы дети титанов, превращённые в замки.

Боги потребовали молчать, однако дракон продолжил. Когда Кайра связали, его младших собратьев раскололи на огонь, камень и приказ. Им дали крылья, чтобы они не могли укорениться, и жажду золота, чтобы сторожили созданную богами ценность.

— Значит, драконы не появились после титанов, — сказала Мира. — Они и есть титаны, которых заставили забыть форму.

Первый дракон посмотрел на Эраста.

— В тебе не кровь Кайра. В тебе его отказ. Поэтому он назвал тебя братом.

Эраст почувствовал облегчение.

— Наконец хоть одно родство отменили без суда.

Наместник Имени подошёл к трону. Семь костяных дуг сомкнулись над сиденьем, образуя клетку.

— Сядь, и Дыхание перейдёт к печатям.

— А если не сяду?

— Тогда третий кашель пробудит исполинов.

— Вы опять предлагаете выбор, в котором результат нужен вам при любом ответе.

— Это и есть высшая свобода: самостоятельно выбрать способ подчинения.

Тихон коснулся трона деревянным мечом. Меч остался неизменным, а кость трона отшатнулась.

— Он боится вещей, которые знают своё назначение, — сказал мальчик.

Вера взяла Эраста за руку. Мира положила ладонь на морду первого дракона. Тарас нехотя вернул украденную табличку памятника и подложил её под качавшуюся ножку трона.

Трон выровнялся и впервые перестал выглядеть величественно.

— Не садись, — сказала Вера. — Сначала узнаем, почему им так нужно твоё согласие.

Бог Закона приказал стражам заставить Эраста. Но безымянные воины замерли: возле трона каждому требовалось назвать себя.

Один снял маску.

— Я был сыном каменщика.

Второй вспомнил имя матери. Третий — песню. Строй распался на людей.

Первый дракон поднял голову. Крепость треснула по швам.

— Замок открывается не ключом, — сказал он. — Замок открывается, когда перестаёт считать себя замком.

Часть вторая

Город на ладони

Глава четырнадцатая

Война семи правильных сторон

Освобождение первого дракона продолжалось сорок секунд. Война за результаты освобождения началась на двенадцатой.

Посол Северного Пламени объявил дракона историческим союзником своего дома. Каменный Род предъявил окаменевшее соглашение. Белая Корона нашла в родословной женщины, которую на старой миниатюре можно было принять за дракона при плохом освещении.

Над равниной раскрылись семь проходов. Из них вышли армии великих домов: ледяные всадники, каменные великаны, зеркальные двойники, садовые рыцари в живых доспехах. Дом Пепла привёл войско, уже считавшее себя погибшим и потому не боявшееся расходов.

— Кто успел их вызвать? — спросил Эраст.

— Послы отправили сигналы, когда вы кашлянули, — ответил ректор. — Дипломатия всегда готовится к миру, заранее выбирая удобное поле боя.

Семь полководцев потребовали Драконий трон. Никто не хотел садиться первым, пока не проверят, безопасно ли это для законного претендента.

Тарас предложил аукцион. Его едва не назначили нейтральным посредником, но стороны вовремя выяснили, что он уже продал каждой исключительное право победы.

Первый дракон расправил крылья. Вместе с ним поднялась целая горная цепь.

— Уходите, — сказал он армиям. — Вы спорите о замке, не замечая заключённого.

Наместник Имени поднял посох. Над каждой армией появилось слово «ЗАЩИТНИКИ». Воины немедленно увидели во всех остальных угрозу тому, что защищали.

— Вот как начинаются правильные войны, — сказала Серафима. — С существительного, к которому забыли задать вопрос.

Эраст забрался на основание трона.

— Никто не получит Дыхание.

Семь армий на мгновение объединились против него.

— Вы хотели общую позицию, — заметил Тарас.

Первый удар нанёс зеркальный лучник. Стрела разделилась на семь возможных траекторий. Тихон поднял меч, и стрела выбрала восьмую — отказалась лететь.

Затем пошли великаны. Вера открыла дверь Дома прямо в воздухе. Из неё вышла приходящая, растянулась поперёк поля и заставила наступающих вытирать ноги. Боевой порядок нарушился из-за очереди у коврика.

Маргарита Всеволодовна встала в дверях.

— С оружием не входить.

Первый ряд послушался автоматически. Второй попытался спорить и получил веником по наследственному шлему.

Наместник Имени отступил к трону. Пока все смотрели на сражение, он вынул из спинки маленькое чёрное слово.

Кайр Безмерный закричал. На его груди открылась четвёртая рана.

— Он забрал имя титана, — сказала Мира. — Теперь может приказывать его телу.

Наместник произнёс слово.

Кайр поднялся.

Город богов упал с его ладони.

Глава пятнадцатая

Когда падают боги

Падение города богов длилось дольше, чем ожидалось. Богиня Времени растянула последние секунды, чтобы Совет успел провести экстренное заседание и определить виновных.

Дворцы медленно переворачивались в золотом небе. Храмы теряли колонны, лестницы из молитв развязывались, пустые троны сыпались вниз тяжёлыми обещаниями вернуться.

— Спасать будем? — спросил Тарас.

— Людей там нет, — сказал бог Закона.

Из окон высовывались служители, торговцы, стражники и тот единственный человек, который пришёл просить дождя и не успел уйти.

— Они не считаются, — уточнил бог.

Эраст посмотрел на него.

— Тогда начнём с тех, кто не считается.

Дом распахнул все двери. Одна появилась под падающей площадью, другая — под храмом, третья долго выбирала место и поймала склад ненужных жертвоприношений. Люди проваливались в комнаты, коридоры и чуланы настоящего.

Лада Ветрогорская направляла ледяных всадников ловить обломки. Борен Камнерод удерживал мост плечами, постепенно обнаруживая, что великанская половина родословной была не семейной метафорой.

Ниль открывал двери там, где падение ещё не произошло. За одной оказался город после спасения, и оттуда вышли те же люди, чтобы помочь самим себе раньше.

— Так можно? — спросила Серафима.

— Уже можно, — ответил Ниль.

Боги спасали собственные статуи. Бог Победы вынес три памятника себе и забыл жреца. Бог Огня держал вечное пламя, пока рядом горела библиотека.

Маргарита Всеволодовна отобрала у него пламя, зажгла плиту и поставила котёл для пострадавших.

— Священное! — возмутился бог.

— Людям горячее нужно.

Пламя впервые за вечность оказалось полезным и стало гореть ярче.

Кайр выпрямился. На его плечах возникло расстояние, и миры начали сближаться. Над равниной появились современные города, древние моря и места, которые ещё не существовали. Один автобус проехал по облаку и потребовал остановку у конца эпохи.

Наместник Имени стоял на голове титана.

— Кайр, верни единый мир!

Титан поднял руки. Границы между вещами задрожали.

Первый дракон бросился вверх, но шесть спящих собратьев удержали его цепями печатей.

Эраст почувствовал третий кашель. Теперь это было не щекотание, а чужая команда, написанная внутри его дыхания.

Он понял: кашель вызывал не Кайр. Наместник заставлял Дыхание возвращаться по частям.

— Доктор, — хрипло сказал Эраст. — Можно удалить слово из горла?

Тишин посмотрел на золотую нить.

— Можно. Но сначала придётся узнать, как вас звали до рождения.

Глава шестнадцатая

Имя до имени

Доктор Тишин отвёл Эраста к краю четвёртой раны Кайра. Внутри неё текли не кровь и не энергия, а непржитые жизни носителей Дыхания.

Один отказался стать пророком и умер неизвестным. Другая не приняла корону, спасла город и была записана в летописи как нерешительная родственница короля. Третий мог остановить войну, подчинив оба народа, но выбрал говорить с каждым отдельно и не дожил до мира.

— Это ваши прошлые воплощения? — спросила Вера.

— Нет, — ответил доктор. — Это люди, которые делали один и тот же выбор. Древняя сила считает сходство поступков родством.

Эраст увидел себя среди них — не лицо, а пустое место, оставленное отказом. У места не было имени.

— Вот что ищет Наместник, — сказал Тишин. — Если он назовёт вашу пустоту, то получит право управлять всеми, кто когда-либо отказался от власти.

— Как защититься?

— Назвать себя самому.

— Меня уже зовут Эраст Кунилин.

— Это имя человека. Нужно имя поступка.

Наместник на голове Кайра поднял посох. В горле Эраста появилось слово «ПОСЛЕДНИЙ». Оно требовало завершить то, что начали другие.

Семь домов прекратили сражение и смотрели на него. Боги ждали. Драконы натянули цепи. Каждый хотел, чтобы Эраст стал решением именно его проблемы.

— Я не последний, — сказал он.

Слово треснуло.

— Тогда кто? — спросил доктор.

Эраст посмотрел на Веру, Тихона, Маргариту Всеволодовну, Миру, студентов и Тараса, который поддерживал падающую колонну, предварительно оценив её стоимость.

— Один из многих.

Золотая нить ослабла.

Третий кашель вырвался наружу, но не прозвучал единым ударом. Он разделился между всеми, кто стоял рядом. Вера тихо кашлянула — и связала два распадавшихся мира. Тихон — и деревянный меч стал мостом. Мира — и цепь первого дракона лопнула. Даже Тарас кашлянул, после чего у Наместника исчезло исключительное право на происходящее.

Маргарита Всеволодовна кашлять отказалась.

— Я здорова.

Древняя энергия не стала спорить.

Кайр остановил руки. Миры перестали сближаться.

На его голове Наместник пошатнулся.

— Дыхание должно принадлежать одному!

— Вот поэтому оно от вас и ушло, — ответил Эраст.

Первый дракон взмыл к титану. На его спине сидела Лада, в когтях висел Борен, а Ниль открыл перед ними дверь прямо в пустой дворец Имени.

Но когда они достигли головы Кайра, Наместника там уже не было.

Он оставил чёрное слово на камне:

«САВАРА».

Дом вздрогнул во всех мирах одновременно.

И впервые назвал Эраста по имени голосом древней богини.

Глава семнадцатая

Богиня с жилплощадью

Голос Савары пришёл не сверху и не из прошлого. Он донёсся из всех дверей Дома одновременно.

— Эраст Акакиевич, вернитесь. У нас протекает древность.

Даже в устах богини это прозвучало как замечание управляющей компании.

Дом раскрыл дверь прямо на ладони Кайра. За порогом виднелась кухня: чайник свистел, занавеска дымилась, а на потолке разрасталось золотое пятно времён до драконов.

Все вошли. Последним протиснулся первый дракон, уменьшившийся до размеров шкафа и всё равно задевший косяк крылом.

— Савара? — спросил Эраст.

Стены вздохнули.

— Это имя мне дали боги. Потом забрали. Я оставила им пустое кресло и спряталась там, где память принадлежит не правителям, а жильцам.

— Вы превратились в дом?

— Сначала в убежище. Домом меня сделали те, кто возвращался.

Маргарита Всеволодовна провела пальцем по золотому пятну.

— Если вы богиня памяти, почему ремонт не помните? Я прошлой весной говорила про потолок.

— Я помню. Поэтому и не показывалась.

Дом открыл новую комнату. Внутри хранились не вещи, а моменты: первый ужин Эраста и Веры, страх Тихона перед встречей с отцом, молчание Павла, в котором было больше извинений, чем слов. В самом дальнем углу лежал первый вдох Кайра — маленький золотой огонёк.

— Вы спрятали Дыхание здесь? — спросила Серафима.

— Только путь к нему. Само Дыхание нельзя хранить. Оно существует, пока кто-то решает не становиться чужой волей.

Эраст понял: Наместнику нужен не его кашель. Ему нужны все отказы, собранные в одно имя. Тогда любую свободу можно будет объявить разновидностью подчинения.

— Кто он?

— Не бог, — ответил Дом. — Первое слово, которое боги произнесли вместо ответственности.

— Какое?

Стены задрожали.

— «Надо».

Тарас уважительно присвистнул.

— Сильное слово. Им половина человечества заставляет вторую половину делать то, что первой не хочется.

За окном раздался тяжёлый плеск. Между домами проплыл каменный кит. Он открыл пасть и проглотил полдень.

Часы перескочили с одиннадцати утра на вечер.

— Исполины проснулись, — сказала Савара. — Третий кашель разделился, но всё-таки прозвучал.

Эраст посмотрел на исчезнувший день.

— Как их остановить?

— Сначала придётся убедить богов, титанов и людей не спасать мир каждый по-своему.

— То есть легче не кашлять.

— Именно поэтому я начала с трудного.

Глава восемнадцатая

Зоопарк доисторического назначения

К утру Москва окончательно перестала соответствовать собственной эпохе.

На площади паслась шестиногая гора. В реке лежал небесный угорь и заряжал молниями мосты. По крышам прыгали мелкие минуты, сбежавшие из пасти каменного кита; жители ловили их банками и пытались продлить обеденный перерыв.

Городские службы действовали решительно. Гору обнесли лентой, угря внесли в реестр бесхозных сетей, а на кита выписали штраф за остановку времени в неподобающем месте.

К Дому прибыл начальник Управления невозможной фауны — Савелий Зоологович Опись. На форме у него висели медали за учёт единорога, временное задержание русалки и успешное признание грифона голубем сложной конструкции.

— Кто отвечает за животных? — спросил он.

Все посмотрели на Миру.

— Это не животные, — сказала она. — Они старше разделения на живое и неживое.

— Тогда относятся к смешанной категории. Потребуется два намордника.

Опись потребовал предъявить прививки каменного кита. Кит в ответ проглотил понедельник. Люди обрадовались, пока не выяснилось, что рабочая неделя всё равно содержит пять дней и теперь начинается во вторник дважды.

Эраст, Вера, Тихон и Мира поднялись на крышу. Оттуда было видно, как древняя энергия просачивается сквозь улицы золотыми жилами. Где она касалась зданий, бетон вспоминал горы, стекло — песок, а чиновники на несколько секунд становились обычными людьми и сильно пугались.

Первый дракон обнюхал ветер.

— Исполины идут к Горлу Мира.

— Где оно? — спросил Тихон.

Дракон указал на Дом.

— Теперь здесь.

Внизу Тарас уже продавал окна с видом на конец предыстории. Маргарита Всеволодовна заставляла покупателей надевать бахилы.

Савелий Зоологович открыл предписание:

— До выяснения обстоятельств Дом подлежит изоляции вместе с обитателями и прилегающим титаническим периодом.

Дом прочёл бумагу и изолировал Управление невозможной фауны. Где-то далеко хлопнула дверь, оставив ведомство внутри собственного архива.

— Самоуправство! — возмутился Опись.

— Саможительство, — поправила Савара.

Каменный кит развернулся в небе и поплыл к ним. На его спине стоял Наместник Имени. Он поднял посох.

Над городом появилось слово «СТАДО».

Шестиногая гора, угорь и тысячи мелких минут одновременно повернули к Дому.

Глава девятнадцатая

Второй вторник

Нападение началось во второй вторник. Первый уже проглотил кит, поэтому календарь отказался отвечать за последовательность.

Шестиногая гора шагнула через квартал. Дома у её ног на мгновение стали камнями, а затем снова вспомнили ипотечные договоры и вернулись к цивилизации.

Мира подняла драконов. Их огонь не вредил исполинам, но выжигал навязанные Наместником слова. Над небесным утрём исчезло «ОРУЖИЕ», и он немедленно потерял интерес к войне, устроившись вокруг электростанции как довольный провод.

— Нужно стереть «СТАДО», — сказала она.

Слово висело над облаками, каждую букву охраняла отдельная эпоха.

Лада Ветрогорская повела ледяных всадников к первой букве. Борен Камнерод забрался на гору и убеждал её, что настоящие родственники не топчут города без предупреждения. Гора слушала, но требовала доказать родство по материнской линии.

Ниль открывал двери в пропущенный понедельник. Оттуда люди вытаскивали неоконченные дела, забытые разговоры и вчерашний хлеб, который оказался свежее сегодняшнего.

Эраст почувствовал кашель. Наместник стоял на ките и тянул золотую нить, пытаясь собрать разделённое Дыхание обратно.

— Не отдавай ему голос, — сказала Вера.

— Он тянет не голос. Он тянет необходимость.

Каждому вокруг внезапно стало надо что-нибудь сделать: спастись, нападать, подчиняться, руководить. Тарасу стало надо повесить цены. Только Маргарита Всеволодовна не изменилась, поскольку её внутреннее «надо» давно не признавало внешних конкурентов.

Она вышла на балкон с половником.

— Всем остановиться!

Слово «СТАДО» дрогнуло. Исполины замедлились.

— Почему они вас слушают? — спросила Серафима.

— Потому что говорю конкретно.

Маргарита Всеволодовна распределила задания. Горе велела не наступать на детскую площадку. Кит должен был вернуть хотя бы утро понедельника. Угрю поручила освещение двора.

Древние существа подчинились не силе, а ясности. Слово Наместника потускнело.

Эраст понял слабость врага: «надо» действовало, пока никто не спрашивал — кому, зачем и что именно.

Он крикнул киту:

— Зачем тебе Горло Мира?

Кит задумался. Из пасти выпало два часа и одно совещание, которое тут же попыталось продолжиться.

— Не знаю, — ответил исполин.

Слово «СТАДО» раскололось.

Наместник упал с кита, но исчез раньше земли. На месте падения осталась чёрная буква «Н».

Дом втянул её через дымоход.

— Осталось четыре буквы, — сказала Савара.

— В слове «надо» четыре, — заметил Тихон.

— Эта первая. Остальные ещё не стали буквами.

Глава двадцатая

Боги просят политическое убежище

К вечеру в дверь постучали боги. Они стояли на крыльце с чемоданами, священными животными и выражением вечного достоинства, временно оставшегося без недвижимости.

— Мы просим убежища, — объявил бог Закона.

— От кого? — спросила Вера.

— От последствий несправедливого падения города.

— Вы сами приговорили Эраста.

— Судебная позиция не должна влиять на гуманитарные обстоятельства.

Дом впустил служителей и обычных жителей города богов. Перед богами дверь закрылась.

Бог Огня потребовал уважения к высшей природе. Из кухни вышла Маргарита Всеволодовна и вручила ему ведро.

— Уважение после воды. Во дворе гора наследила.

Бог хотел возмутиться, но его священное пламя всё ещё грело котёл. Он взял ведро.

Так в Доме появился первый божественный трудовой лагерь добровольного типа. Бог Времени чинила часы, Победа помогала детям проигрывать без конца света, Дождь отвечал за полив. Закон переписывал правила проживания, пока жильцы не объяснили, что правила должны защищать их друг от друга, а не его от жильцов.

Тарас сдавал богам комнаты. Оплату принимал чудесами, но быстро обнаружил, что большинство чудес требует веры, предварительного обряда и невозвратного задатка.

— У вас есть что-нибудь практичное? — спросил он.

Бог Победы подарил ему уверенность в успехе.

— Этого у меня и так с избытком. Деньги есть?

Савара заговорила через лестницу:

— Наместник придёт за именами богов. Из них он соберёт приказ, которому смогут подчиниться титаны.

— Пусть забирает, — сказал Огненный. — Мы создадим новые.

— Новое имя не вернёт того, что вы совершили под старым.

Боги замолчали. Ответственность оказалась единственным багажом, который они надеялись потерять при переезде.

Ночью кто-то украл имя бога Закона. Утром он проснулся просто пожилым мужчиной, который не понимал, почему все должны его слушаться.

— Как вас зовут? — спросил Тихон.

— Не помню.

— А что вы умеете?

Мужчина долго думал.

— Читать мелкий шрифт.

— Пригодится, — сказал Эраст. — У Тараса договоры.

На стене появилась вторая чёрная буква — «А».

Из подвала донёлся кашель. На этот раз кашлянул сам Дом.

Глава двадцать первая

Дом забыл жильцов

После кашля Дом начал забывать.

Сначала исчезла дверь в ванную. Потом стены перестали узнавать Тараса и каждый раз выводили его наружу, что остальные сочли кратким периодом архитектурной справедливости.

К полудню Дом забыл назначение кухни. Плита стала алтарём, холодильник — северным порталом, а стол объявил себя равниной для переговоров.

— Наместник вытягивает память Савары, — сказала Серафима. — Вместе с ней исчезает связь между именами и теми, кого ими называли.

Вера подошла к стене.

— Ты помнишь меня?

Обои сложились в вопросительный знак.

Эраст назвал всех жильцов. Имена звучали правильно, но Дом не реагировал.

Тихон достал карандаш и нарисовал на стене первую семейную сцену, которую помнил: Вера держала Эраста за руку, Маргарита Всеволодовна поправляла всем одежду, Тарас стоял немного в стороне и считал чужие карманы.

Стена потеплела.

— Он помнит не имена, а отношения, — понял мальчик.

Каждый рассказал Дому случай, связывавший его с другими. Мира вспомнила, как Эраст впервые назвал дракона личностью. Вера — как он выбрал её не по пророчеству. Тарас начал историю о бескорыстной помощи, запутался в суммах и честно признался, что бескорыстие было непреднамеренным.

Комнаты возвращались.

Последней появилась Савара — не голос и не тень, а женщина с седыми волосами, в простом домашнем платье и связкой из семи ключей.

— Я слишком долго была Домом, — сказала она. — Теперь Дом научился помнить без меня.

— Значит, вы свободны? — спросил Эраст.

— Значит, я снова могу ошибаться отдельно от стен.

Маргарита Всеволодовна оглядела богиню.

— Платье тонкое.

— Я существовала до холода.

— Простуда существует сейчас.

Через минуту древняя хранильница памяти уже была одета в тёплую кофту.

Савара положила перед Эрастом четыре ключа.

— Каждый закрывает один оставшийся кашель. Но после использования исчезнет часть твоей памяти.

— Какая?

— Та, ради которой ты решишь не кашлять.

На потолке проступила третья чёрная буква — «Д».

До полного слова не хватало одной.

Глава двадцать вторая

Цена четвёртого кашля

Первый ключ был медным и пах хлебом. Когда Эраст взял его, он увидел цену: если остановить четвёртый кашель, исчезнет память о его первой встрече с Верой.

— Нет, — сказал он.

— Тогда кашель пробудит богов, существовавших до имён, — предупредила Савара. — Они не различают просьбу и жертву.

— Почему цена именно такая?

— Наместник выбирает память, которая удерживает тебя человеком. Он надеется, что после четырёх спасений останется удобный сосуд.

Вера закрыла его пальцы вокруг ключа.

— Используй.

— Я забуду тебя.

— Встретимся ещё раз.

— А если я снова тебе не понравлюсь?

— В первый раз ты тоже старался.

Тарас отвернулся и принялся очень внимательно проверять стоимость старого чайника.

Но Тихон забрал ключ.

— Наместник опять предлагает одного человека вместо всех. Значит, платить тоже должны не одним воспоминанием.

Он разделил рисунок семьи на маленькие кусочки. Каждый взял свой: Вера — улыбку Эраста, Мира — драконье пламя, Тарас — батон, Маргарита Всеволодовна — шарф.

Медный ключ распался на множество зубцов.

— Память нельзя разделять! — сказала Савара.

— Почему?

Богиня задумалась. Она хранила память целиком столько эпох, что никогда не спрашивала, обязана ли.

Четвёртый кашель поднялся в груди Эраста. Все приложили зубцы к своим воспоминаниям.

Кашель остановился.

Эраст забыл первую секунду встречи с Верой. Вера забыла вторую. Остальные потеряли по одному незначительному мгновению, но вместе сохранили историю.

— Ты меня помнишь? — спросила она.

— Начиная примерно с третьей секунды.

— Тогда ничего важного не потерял. В первые две ты выглядел растерянным.

На стене появилась последняя буква — «О».

Четыре знака соединились: «НАДО».

Слово открылось, как дверь.

За ним стоял Наместник Имени. В одной руке он держал похищенные имена богов, в другой — настоящее имя Кайра.

— Теперь, — сказал он, — вам всем надо спасти мир.

И каждый человек, бог, дракон и титан одновременно поверил, что только он знает как.

Глава двадцать третья

Все спасают мир

Первыми за спасение взялись боги. Огонь решил сжечь древнюю энергию, Время — отменить последние три дня, Победа — объявить катастрофу побеждённой без уточнения результата.

Семь домов выдвинули семь армий. Каждый правитель намеревался занять Драконий трон, чтобы не допустить к нему остальных миролюбивыми военными средствами.

Кайр поднял руку, собираясь соединить миры. Исполины пошли к Горлу Мира. Управление невозможной фауны выпустило новое предписание на бланке увеличенного формата.

Даже Тарас решил спасти мир продажей долей в будущем спасённом имуществе.

— Я понимаю, что это безумие, — говорил он, подписывая договоры. — Но необыкновенно перспективное.

Эраст тоже знал, что делать. Нужно было забрать имя Кайра, сесть на Дракони́й трон и приказать всем остановиться. Решение казалось очевидным, правильным и единственным.

Именно это его насторожило.

— Вера, останови меня.

— Я сама собиралась возглавить защиту Дома.

— Значит, сначала остановим друг друга.

Они связали себе руки одной верёвкой. Попытка действовать в одиночку теперь немедленно тянула другого человека за собой.

Тихон привязался к ним. Затем Мира, Лада, Борен и Ниль. Маргарита Всеволодовна отказалась от верёвки и просто взяла всех под наблюдение.

— Наместник заставляет каждого считать себя единственным спасителем, — сказал Эраст. — Нельзя победить его ещё одним единственным спасителем.

— Тогда что делать? — спросила Серафима.

— Ничего одновременно.

Они сели за кухонный стол. Мир вокруг готовился к последней битве, а герои по очереди объясняли свои планы. Каждый план становился менее величественным, когда приходилось отвечать на вопросы остальных.

Бог Огня признал, что сжигание энергии уничтожит половину живого. Богиня Времени уточнила, что отмена трёх дней вернёт Наместнику потерянные буквы. Семь домов обнаружили, что все армии идут по одной дороге и не поместятся на поле боя.

Слово «НАДО» начало тускнеть.

Наместник появился в дверях.

— Пока вы разговариваете, мир погибает.

— Возможно, — ответил Эраст. — Но когда мы молча его спасаем, он гибнет гораздо быстрее.

Наместник поднял имя Кайра.

Титан сделал шаг. Семь миров столкнулись краями.

В горле Эраста повернулся второй ключ.

Пятый кашель был уже близко.

А ценой его остановки оказалась память о том, зачем Эраст вообще спасал мир.

Часть третья

Эпоха без имён

Глава двадцать четвёртая

Человек, который забыл зачем

Пятый кашель поднимался медленно. Он не рвался наружу, а стирал причины, встречавшиеся на пути.

Эраст помнил драконов, выборы, разрушенные миры и людей, которых возвращал домой. Не понимал только, зачем вмешивался. Прошлое превратилось в длинный перечень хлопот, которых разумный человек мог избежать.

— Пусть Кайр соединит миры, — сказал он. — Возможно, так проще.

Вера посмотрела на него внимательнее, чем если бы он заговорил голосом титана.

— Ты сейчас серьёзно?

— Семь миров постоянно воюют, боги спорят, драконы сторожат чужие ошибки. Единый мир хотя бы сократит управление.

— Всё, — объявил Тарас. — Человек заболел окончательно. Он начал заботиться об оптимизации без личной выгоды.

Савара дала Эрасту второй ключ. Он был стеклянным, и внутри плавали его прежние решения.

— Если повернёшь, кашель остановится. Но причина исчезнет навсегда.

— Она уже исчезает.

— Пока только чувство. После ключа ты не сможешь восстановить его даже чужой памятью.

Тихон положил на стол деревянный меч.

— Когда я не знаю зачем, я вспоминаю, кому станет больно, если ничего не делать.

Эраст посмотрел на мальчика и ничего не почувствовал. Именно это напугало сильнее кашля.

Наместник Имени стоял за дверью-словом и улыбался чужими лицами.

— Отдай мне Дыхание. Я сохраню все причины и выдам каждому одну правильную.

— Удобно, — ответил Эраст.

Вера ударила его по щеке.

— Это зачем?

— Чтобы ты задал вопрос.

Он впервые заметил: всякий раз, когда звучало «зачем», слово «НАДО» становилось прозрачнее.

— Нам нельзя сохранять мою старую причину, — сказал Эраст. — Нужно найти новую.

— Где?

Савара открыла третьим ключом дверь, которой ещё не дали названия.

— В эпохе, где поступки существовали раньше причин.

Глава двадцать пятая

До первого слова

За дверью не было света, темноты и расстояния. Всё это ещё ожидало названий.

Герои двигались не вперёд, а становились ближе к неизвестному. Тарас попытался измерить путь шагами, но шаги отказались считаться одинаковыми без утверждённой единицы.

Вокруг плавали чистые энергии. Одна могла стать огнём или гневом. Другая выбирала между камнем и упрямством. Третья прикоснулась к Маргарите Всеволодовне, подумала и решила, что обе формы уже заняты.

— Здесь опасно говорить, — предупредила Савара. — Любое слово создаст то, что обозначает.

Тарас немедленно произнёс: «деньги».

Перед ним возник круглый металлический предмет, посмотрел на хозяина и потребовал проценты за материализацию.

— Система уже сложилась, — вздохнул он.

Они увидели первых исполинов. Те не имели тел: один был тяжестью без камня, другой — голодом без пасти, третий — дорогой, которой ещё некуда было вести.

Самый большой исполин окружил их отсутствием. Савара назвала его Неначатым.

— Он пожирает причины, — объяснила она. — Благодаря ему мир когда-то мог происходить просто так.

Эраст подошёл ближе.

— Значит, он забрал мою?

— Наместник направил к тебе его голод.

Неначатый раскрыл то, что позднее стало бы ртом. Внутри находились миллионы потерянных «зачем»: забытая забота, отменённая верность, поступок ради человека, имя которого история не сохранила.

Вера шагнула следом за Эрастом.

— Как вернуть его причину?

— Никак, — сказала Савара. — Можно только выбрать среди потерянных новую.

Эраст увидел простую причину: кто-то должен победить. Рядом лежала красивая — исполнить предназначение. Чуть дальше сияла благодарность будущих поколений.

Он прошёл мимо.

В самом конце находилось маленькое, почти незаметное «потому что рядом был человек и больше некому».

— Невеличественно, — сказал Наместник, появившийся внутри исполина.

— Зато моё.

Эраст взял причину. Она не подчинилась, а просто осталась рядом.

Пятый кашель отступил на один вдох.

Неначатый закрыл пасть. Теперь внутри вместе с героями оказался Наместник.

— Выхода нет, — сказал он.

Ниль нащупал в пустоте ручку.

— Выхода ещё нет, — поправил он и открыл дверь.

Глава двадцать шестая

Корона для жены спасителя

Дверь вывела их к Драконьему трону. Пока Эраст искал причину, семь домов успели договориться, предать договор и составить новый, предусматривающий прежнее предательство как уважительную причину.

Правители решили, что Эраст больше не годится в короли: человек без великой цели выглядел недостаточно управляемым. Новым кандидатом стала Вера.

— Она связана с Дыханием, умеет останавливать Кунилина и имеет понятную семейную мотивацию, — объяснила дама Белой Короны.

— Я не соглашалась, — сказала Вера.

— Именно это повысило вашу легитимность.

Семь корон подлетели к ней, споря, какая окажется главной. Маргарита Всеволодовна сбила их сумкой.

— У неё своя голова. Нечего занимать место.

Лада Ветрогорская призналась, что дома боятся не Наместника, а мира без трона. Если никто не будет главным, каждому придётся договариваться с соседями.

— Теперь понимаю ужас, — сказал Тарас. — Это же сколько встреч без гарантированного результата.

Эраст предложил уничтожить трон.

Первый дракон возразил: трон связывал печати, но не требовал правителя. Правителя придумали позже, когда кому-то захотелось сидеть выше остальных.

Тихон осмотрел костяное сиденье.

— Значит, его можно использовать иначе.

Дом открыл вокруг трона семь дверей. Каждая вела в одну из земель. Вера поставила на сиденье кухонный стол.

— Пусть будет место переговоров.

— За столом все равны? — недоверчиво спросил северный правитель.

— Нет. Кто опоздал, сидит на табуретке.

Правители начали совещание. Через минуту выяснилось, что войскам негде зимовать, драконы печати требуют совместного ремонта, а Дом Пепла задолжал всем за прошлую победу.

Короны одна за другой погасли.

Наместник наблюдал из отражения трона.

— Вы превращаете власть в разговор.

— Иногда это единственное, что мешает ей превратиться в приговор, — ответила Вера.

Эраст улыбнулся. Новая причина закрепилась внутри.

Пятый кашель снова отступил — и тут Тарас поднял руку.

— А название «Драконий стол» свободно? Я бы зарегистрировал.

Глава двадцать седьмая

Тарас покупает слово надо

План Тараса выглядел бессмысленно даже по его меркам. Именно поэтому Наместник не заметил опасности.

— Всё, что требует подчинения, должно кому-то принадлежать, — рассуждал Тарас. — А всё, что кому-то принадлежит, можно продать. Или хотя бы обложить сбором.

Он явился к богу Торговли и предложил зарегистрировать слово «НАДО» как средство принуждения неопределённого круга лиц.

— Слишком распространённое обозначение, — сказал бог.

— Поэтому доходное.

Бог задумался и потребовал долю. После трёх часов переговоров он получил право на половину прибыли, Тарас — на управление всей половиной.

В реестре первичных смыслов появилась запись: «НАДО. Временный правообладатель — Тюлькин Тарас Ананиевич».

Наместник попытался приказать Кайру поднять миры.

Над ним возникло уведомление: «Использование слова допускается после согласия владельца».

— Запрещаю, — сказал Тарас.

— Ты не понимаешь, чем владеешь.

— Это никогда не мешало собственности.

Наместник произнёс приказ без слова «надо». Получилась просьба. Кайр её выслушал и не стал выполнять.

Семь домов перестали чувствовать обязательную необходимость воевать. Некоторые продолжили по привычке, но уже без прежней уверенности и с перерывом на обед.

Эраст рассмеялся. Смех задел кашель, и золотая нить натянулась.

— Осторожно! — крикнула Серафима.

Тарас открыл договор.

— Эрасту кашлять не надо.

Реестр потребовал лицензионный платёж.

— Даже другу? — возмутился Эраст.

— Для друзей скидка. Но слово должно понимать, что у него серьёзный хозяин.

Наместник сорвал запись из реестра. Четыре буквы вернулись к нему, но каждая теперь несла печать собственности.

— Ты испортил первичный приказ!

— Улучшил коммерческую модель.

Слово «НАДО» больше не могло действовать бесплатно. Чем сильнее приказ, тем выше становилась цена для того, кто его отдавал.

Наместник велел исполинам идти на Дом — и потерял голос.

Впервые за всю историю слово расплатилось говорящим.

Глава двадцать восьмая

Молчание Наместника

Лишённый голоса Наместник остался опасен. Он писал приказы на небе, вырезал их в камне и однажды попытался передать через школьный дневник Тихона, но Маргарита Всеволодовна потребовала подпись классного руководителя.

Каждый приказ отнимал у него часть формы. Сначала исчезли руки, затем лицо перестало меняться. Под чужими обликами обнаружился маленький серый человек.

— Кто ты? — спросил Эраст.

Наместник написал на земле: «ВАША НЕОБХОДИМОСТЬ».

Савара покачала головой.

— Он возник не из первого слова богов. Я ошиблась. Боги только дали ему должность.

— Тогда откуда?

Она показала память будущего. Миллионы людей в разных мирах повторяли: «От меня ничего не зависит», «Кто-то должен решить», «Пусть придёт сильный и наведёт порядок». Их слова стекались назад во времени и собирались в одну фигуру.

— Он родился в будущем, — сказал Тихон.

— И стал древнее тех, кто его создал, — ответила Савара. — Для Дыхания направление времени не имеет значения.

Наместник был не богом и не чудовищем. Он был желанием получить правильный мир без личного участия.

Тарас посмотрел на договор владения словом и тихо спрятал его. Впервые он не попытался продать открытие.

Серый человек написал: «БЕЗ МЕНЯ ВЫ ОШИБЁТЕСЬ».

— Обязательно, — сказал Эраст.

«ПОГИБНУТ ЛЮДИ».

— Возможно.

«ТОГДА ПОЧЕМУ ТЫ МНЕ НЕ ПОДЧИНИШЬСЯ?»

— Потому что твой порядок уничтожит тех, ради кого устанавливается.

Наместник поднял настоящее имя Кайра. Он не мог произнести его, но имя само начало читать человека, который держал его.

Серый человек вырос. В него возвращались лица, руки и чужая уверенность.

Кайр повернулся к Дому. Исполины двинулись следом.

Пятый кашель снова поднялся в груди Эраста.

— Он заставит тебя кашлянуть, — сказала Вера.

— Нет. На этот раз я сам.

Он отложил стеклянный ключ.

— Ты потеряешь причину!

— Старую — да. Но новую я уже выбрал.

Глава двадцать девятая

Пятый кашель

Эраст вышел навстречу Кайру. Каждый шаг титана соединял два мира: улица переходила в золотое море, многоэтажки прорастали корнями древних гор, над светофорами зажигались маленькие солнца.

Наместник держал имя Кайра перед собой, как поводок.

— Кашляни, — приказал он без голоса.

Приказ возник внутри Эраста. Он не стал сопротивляться.

— Что ты делаешь? — спросила Серафима.

— Выбираю ошибку сам.

Он кашлянул пятый раз.

Мир не раскололся. Наоборот, из всех миров исчезло слово «спасение».

Армии остановились, не понимая, ради чего пришли. Боги потеряли титулы спасителей. Наместник попытался назвать происходящее катастрофой, но без противоположного слова катастрофа стала просто событием.

Эраст забыл, зачем спасал мир раньше. Остались поступки, лица и новая причина: рядом были люди, которым требовалась помощь, а не спаситель.

Кайр опустил на колени.

— Ты вернул мне выбор, младший брат.

— Тогда выбирай.

Титан взял своё имя у Наместника, прочёл его и разорвал пополам. Одну часть оставил себе, вторую отдал первому дракону.

Шесть спящих драконов пробудились. Они сбрасывали с себя печати и вспоминали титанические тела. Над мирами поднялись крылатые горы, огненные океаны и живые грозы.

Савара побледнела.

— Пятый кашель освободил не богов. Он отменил необходимость в замках.

— Разве это плохо?

— Замки удерживали не только титанов внутри. Они удерживали Первичную Энергию снаружи.

Золотое небо раскрылось. За ним не было пустоты. Там двигалось нечто большее миров — бесформенное Дыхание, которое хотело снова стать всем.

Оно коснулось края реальности.

Люди начали превращаться в собственные возможности.

Тарас стал одновременно богачом, банкротом и человеком, который честно заплатил налоги. Последняя форма продержалась меньше остальных.

Вера увидела десятки своих жизней. Тихон стал всеми взрослыми, которыми мог вырасти.

Эраст остался собой.

— Почему ты не меняешься? — спросила Савара.

— Наверное, возможностям не понравился характер.

Из-за золотого неба пришёл шестой кашель.

Он принадлежал уже не Эрасту.

Кашлянула сама Вселенная.

Глава тридцатая

Вселенная простыла

Космический кашель прошёл сквозь миры. Звёзды подпрыгнули, время сбилось с шага, а все пророчества разом изменили окончание на «дальнейшее зависит от обстоятельств».

Первичная Энергия входила в реальность через раскрытое небо. Там, где она проходила, исчезали границы между возможным и случившимся.

У каждого человека появлялись двойники непрожитых судеб. Они требовали равных прав, отдельного жилья и объяснений, почему выбрали не их.

Тарас собрал собственные версии в кооператив. Богатый внёс капитал, бедный — осторожность, честный — отчётность. Через десять минут кооператив исключил честного за подрыв деловой репутации.

Вера удерживала Тихона за руку, пока вокруг него спорили будущий воин, учёный, отец семейства и человек, который ничего не успел.

— Ты не обязан выбирать сейчас, — сказала она.

Версии мальчика исчезли, оставив ему право вырасти непредусмотренным образом.

Кайр и освобождённые титаны встали вокруг разлома. Они могли закрыть его, снова став замками, но больше не соглашались на вечное заключение.

Боги могли дать энергии имена, но тогда вернули бы прежнюю власть.

Семь домов предлагали короновать Эраста, Веру, Тихона и на всякий случай Тараса, если остальные откажутся.

— Нам опять предлагают одного, — сказал Эраст.

Савара посмотрела на три оставшихся ключа.

— Шестой кашель уже прозвучал без тебя. Остался седьмой. После него различия исчезнут окончательно.

— Сколько времени?

Богиня Времени проверила часы.

— Одновременно несколько и вечность. Очень неудобный срок для планирования.

Дом открыл дверь в самое сердце Первичной Энергии. За ней находилось место, где ещё можно было изменить первый вдох Кайра.

— Если исправить начало, исчезнет всё, что случилось после, — предупредила Савара.

— Включая нас?

— Включая сам вопрос.

Маргарита Всеволодовна собрала еду, лекарства и тёплые вещи.

— Значит, идём ненадолго.

Эраст посмотрел в дверь. Там титаны ещё не были заключены, боги ещё не научились лгать ради порядка, а мир ещё не знал драконов.

Из глубины донёсся первый кашель Кайра.

Только теперь он звучал голосом Эраста.

Часть четвёртая

До первого приказа

Глава тридцать первая

Мир, который ещё не решил

Дверь закрылась за ними с тем звуком, с каким обычно закрывается учреждение за минуту до прихода посетителя.

Эраст ожидал увидеть древний мир: суровые горы, первобытные леса, титанов по пояс в облаках. Вместо этого он увидел место, которое ещё не определилось, чем быть.

Под ногами то появлялась трава, то вода, то прозрачный камень. Небо примеряло цвета и остановилось на серо-золотом, потому что остальные требовали согласования. Вдали ходили гигантские существа, похожие одновременно на китов, башни и чьи-то неоконченные мысли.

— Красиво, — сказала Вера.

— Непрактично, — ответила Маргарита Всеволодовна. — Ни одной скамейки.

Дом вышел последним. Здесь он снова стал молодым: две стены, крыша и дверь, неуверенная в том, куда вести. Савара отделилась от его порога и впервые выглядела не богиней памяти, а девочкой лет шестнадцати с глазами, в которых ещё никто ничего не успел забыть.

— Мы пришли раньше моего имени, — прошептала она. — Значит, я не могу помнить, что будет дальше.

— Очень своевременно, — заметил Тарас. — Обычно незнание будущего обходится дешевле.

Перед ними лежала долина, в центре которой сидел Кайр. Молодой титан был размером с небольшую область и пытался вытащить из горла сияющую нить. Каждый раз, когда нить натягивалась, вокруг возникало что-нибудь новое: озеро, ветер, стая шестикрылых зверей или правила дорожного движения, пока ещё совершенно бесполезные.

Рядом стояли семеро безымянных существ. Они ещё не были богами. Один держал в ладонях время, как слишком горячую чашку. Другая укладывала огонь в ровные стопки. Третий пытался объяснить камням, что падать вниз удобнее, но камни требовали сравнительных расчётов.

— Он вдохнул Дыхание, — сказала юная Савара, глядя на Кайра так, будто видела это впервые. — И теперь не может отдать его миру, не разрушив себя.

— А кашель? — спросил Тихон.

— Мир ещё не придумал кашель. Пока это просто попытка вернуть лишнее.

Кайр согнулся. Из его груди донёсся знакомый звук — тот самый первый кашель, только незавершённый, застрявший между причиной и последствием.

Эраст почувствовал его у себя в горле.

Молодой титан поднял голову и посмотрел прямо на него.

— Наконец-то, — сказал Кайр голосом Эраста. — Я ждал, когда ты придёшь и закончишь меня.

— Неудачное начало знакомства.

— Мы уже знакомы. Ты — то, во что превратится мой отказ.

За спиной титана бесшумно возник маленький серый человек. Наместник Имени был ещё почти прозрачным, но в руках уже держал чистую табличку.

На табличке проступило первое слово будущей власти: «НАЗНАЧИТЬ».

Глава тридцать вторая

Боги до должностей

Безымянные существа окружили пришельцев. Они выглядели внушительно, но не знали, как себя вести, потому что церемониальный протокол ещё не был изобретён.

— Кто вы? — спросило существо со временем.

— Родственники из будущего, — ответил Эраст.

— Будущее существует?

— К сожалению, регулярно.

Существо с огнём заглянуло за спину Веры.

— А это что у тебя?

— Семья.

— Опасное?

— Если трогать без разрешения.

Безымянные переглянулись. Понятие разрешения им понравилось меньше, чем понятие огня. Огонь хотя бы сразу объяснял последствия.

Тарас быстро понял, что присутствует при рождении государственного устройства, и достал чистую тетрадь.

— Итак, кто у вас главный?

— Что значит главный? — спросило существо, уговаривавшее камни.

— Тот, кто отвечает за всё хорошее и получает благодарность. За плохое отвечает предшественник.

— У нас нет предшественников.

— Значит, вы первые. Поздравляю и сочувствую.

Наместник стоял у Кайра и водил пальцем по чистой табличке. Каждое движение оставляло борозду в мире. Так возникли слова «обязанность», «порядок» и «исключительный случай». Последнее сразу начало размножаться.

Савара подошла к существам.

— Не называйте себя богами.

— Почему? — спросила будущая богиня Огня.

— Потому что после имени появится должность. После должности — право решать. После права — уверенность, что решение нужно миру больше, чем сам мир.

— А как же управлять стихиями?

— Договариваться.

Камни немедленно потребовали перерыв и представителя. Время попросило идти в обе стороны по нечётным дням. Огонь заявил, что согласен греть людей, если те перестанут совать в него руки и обвинять в результате.

— Вот видите, — сказала будущая богиня Огня. — Невозможно.

— Зато честно, — ответила Вера.

Тихон присел возле маленького существа, похожего на клубок ветра. Оно пряталось от остальных и тихо свистело.

— Ты кем будешь?

— Не знаю.

— Хорошая профессия.

— Они хотят назвать меня Судьбой.

— Не соглашайся. Потом все будут винить тебя в том, что сами сделали.

Клубок ветра задумался и выбрал имя Случай. Это сразу объяснило половину будущей истории, а вторую половину сделало недоказуемой.

Тем временем Тарас предложил безымянным конституцию из одного пункта: «Никто не знает достаточно, чтобы решать за всех». Пункт приняли единогласно, после чего каждый попросил исключение для себя.

Наместник улыбнулся. Ему не требовалось создавать власть. Достаточно было подождать, пока хорошие намерения попросят отдельный кабинет.

Глава тридцать третья

Как Кайру назначили мир

Кайр снова согнулся. Золотая нить в его горле раздулась и осветила долину изнутри.

— Если он отдаст Дыхание сразу, всё вокруг вернётся в возможность, — объяснило существо со временем. — Если удержит, оно разорвёт его.

— Третий вариант? — спросил Эраст.

— Мы ещё не изобрели третьи варианты. Они усложняют голосование.

Наместник поднял табличку. На ней появились слова: «НАЗНАЧИТЬ КАЙРА СОСУДОМ МИРА».

— Не подписывать, — сказал Эраст.

— Мы ничего не подписываем, — возразило будущее божество Закона. — Мы только дадим решению вечную силу.

— Это и есть подпись, просто с плохим почерком.

Кайр протянул ладонь к табличке. В его огромном лице не было страха. Страх ещё не успел отделиться от осторожности и считался полезным чувством.

— Если я стану сосудом, остальные будут жить?

Наместник кивнул.

— Тогда назначайте.

Эраст встал между ним и табличкой. По сравнению с пальцем титана он выглядел убедительно примерно как запятая перед камнепадом.

— Ты не обязан.

— Я самый большой.

— Размер не является согласием.

— Но позволяет вместить больше боли.

Маргарита Всеволодовна приблизилась к ноге Кайра и постучала по ней костяшками пальцев.

— Молодой человек, а родители у вас есть?

— Что такое родители?

— Понятно. Поэтому и соглашаетесь на всё подряд.

Она потребовала, чтобы Кайр сел ниже. Титан послушался — не из подчинения, а потому что никто прежде не разговаривал с ним тоном, который превращал горы в табуретки.

— Вы хотите спасти остальных, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Благородно. Но если ради этого вас навечно лишат жизни, остальные привыкнут. Привычка к чужой жертве — самая прожорливая из гигантских тварей.

Наместник написал на табличке: «ИНАЧЕ ПОГИБНУТ ВСЕ».

— Врёт, — сказал Тихон.

— Почему?

— Потому что говорит “все”. Когда взрослые не знают точного числа, они говорят “все” или “никто”.

Существо со временем проверило возможные будущие. Выяснилось, что погибнуть могли не все, а примерно треть живых существ, две горные цепи и идея удобной обуви.

— Всё равно много, — сказал Кайр.

— Много, — согласился Эраст. — Поэтому мы не будем выбирать между твоей вечной мукой и их смертью. Мы найдём способ разделить Дыхание.

— Между кем?

Эраст посмотрел на богов, титанов, гигантских существ и своих спутников.

— Между всеми, кто хочет жить в мире, а не владеть им.

Наместник впервые стал плотным. От злости он обрёл тело раньше срока.

И тогда Тарас заметил на обороте таблички мелкую надпись: «Назначение произведено на основании просьбы Кайра».

Причина и следствие были замкнуты в круг. Кайр соглашался потому, что его уже назначили; назначили потому, что он согласился.

— Отличная схема, — признал Тарас. — Незаконная даже по моим меркам.

Глава тридцать четвёртая

Суд над будущим

Чтобы разорвать круг, требовалось решение, принятое не в прошлом и не в будущем. Существо со временем предложило настоящее, но выяснилось, что оно длится слишком мало и уже занято.

— Тогда устроим суд, — сказала Вера.

— Над кем? — спросил Эраст.

— Над нами. Мы пришли менять прошлое, не спросив тех, кто в нём живёт.

Будущий бог Закона оживился. Ему понравилась идея суда, особенно возможность сидеть выше остальных. Маргарита Всеволодовна тут же заставила его спуститься, потому что сверху дуло.

Скамьей суда стала спина мирного шестиногого исполина по имени Орум. Имя он выбрал сам, увидев на земле круг и решив, что это буква. Впоследствии Орум собирался стать материком, но пока соглашался поработать мебелью.

Обвинение представлял Наместник. Он ещё не имел голоса и писал доводы на небе. Защиту взял Тарас, объяснив, что умеет защищать даже то, чего не существует, если аванс существует достаточно убедительно.

Первым свидетелем вызвали Эраста.

«ВЫ ОСВОБОДИЛИ ТИТАНОВ И ВПУСТИЛИ ЭНЕРГИЮ», — написал Наместник.

— Да.

«ВЫ ПЯТЬ РАЗ РИСКОВАЛИ МИРОМ».

— Шесть. Один раз рискнул мир.

«ВЫ НЕ КОМПЕТЕНТНЫ».

— Наконец-то точное утверждение.

Будущий бог Закона потребовал серьёзности. Эраст ответил, что серьёзность уже привела их к суду над людьми, которые ещё не родились.

Вера показала безымянным их будущее: храмы, войны за правильные имена, титанов-замков, драконов, забывших своё происхождение. Но вместе с этим появились города, песни, дети, домашние пироги и люди, которые помогали друг другу без пророчества.

— Если мы отменим прежнее решение, исчезнет и хорошее, — сказала она. — Поэтому мы просим не исправить историю. Мы просим дать ей ещё одну причину.

Кайр поднял ладонь.

— Я хочу свидетельствовать против себя.

— Так нельзя, — сказал будущий бог Закона.

— Почему?

— Потому что тогда вина перестаёт быть удобной.

Кайр признался, что хотел стать сосудом не только ради других. Ему нравилась мысль, что без него мир погибнет. В древней долине стало тихо. Даже Наместник не успел придумать, как использовать честность, которая обвиняла сама себя.

— Значит, ты хотел быть незаменимым, — сказал Эраст.

— Да.

— Это лечится отпуском.

Суд удалился на совещание. Поскольку здания ещё не существовали, он отошёл за ближайшую гору. Гора немедленно объявила себя закрытым заседанием.

Через некоторое время безымянные вернулись с решением: будущее признать виновным в том, что оно случилось; наказание отложить до его наступления.

— А Кайр? — спросила Савара.

— Не назначать сосудом без права отказаться.

Наместник перевернул табличку. На ней уже было написано: «ОТКАЗ КАЙРА ПРИВЕДЁТ К РОЖДЕНИЮ НАМЕСТНИКА».

Все посмотрели на серого человека.

Он поклонился.

— Вот, — сказал Тарас. — А теперь у него появился голос. Судебная практика всегда плодит чиновников.

Глава тридцать пятая

Титан, который мог отказаться

Голос Наместника был тихим и вежливым. Именно такие голоса чаще всего сообщают, что выхода нет, но предлагают расписаться в ознакомлении.

— Если Кайр откажется, Дыхание войдёт в каждого, — сказал он. — Живые существа получают силу создавать миры. Они не справятся.

— А если согласится? — спросила Вера.

— Справляться будет один. Это надёжнее.

— Для кого?

Наместник не ответил. Надёжность всегда избегает уточнять, кому именно она удобна.

Кайр сжал пальцы. Долина собралась в складки, как скатерть в кулаке.

— Я отказываюсь быть сосудом, — сказал он.

Табличка треснула.

Первичная Энергия вырвалась из его груди не кашлем, а вдохом. Она пошла по долине золотой волной. Безымянные существа подняли стихии, готовясь остановить её, но Эраст шагнул вперёд.

— Не удерживайте. Разделите.

— Как?

— Поровну.

Тарас побледнел сильнее, чем при честной налоговой форме.

— Поровну — опасный термин. Предлагаю пропорционально готовности нести ответственность.

— Тогда тебе ничего не достанется, — сказала Маргарита Всеволодовна.

— Я готов пересмотреть методику.

Энергия коснулась Орума. Исполин перестал быть просто существом и ощутил, что может стать материком. Он испугался и выбрал остаться собой хотя бы до ужина.

Она вошла в камни. Одни стали горами, другие — домами, третьи сохранили право однажды попасть кому-нибудь в ботинок.

Она вошла в огонь, время и случай. Каждая сила получила не власть, а долю ответственности. Будущие боги закричали: энергия требовала от них чувствовать последствия каждого решения.

— Так невозможно управлять! — возмутился будущий бог Закона.

— Зато трудно злоупотреблять, — сказала Вера.

Волна дошла до людей из будущего. Эраст почувствовал внутри десятки непрожитых возможностей, но теперь они не требовали стать реальностью. Они просто ждали, когда он выберет.

Тарасу досталась способность видеть истинную цену любой сделки. Он немедленно закрыл глаза.

Маргарита Всеволодовна получила силу лечить то, что человек готов признать болезнью. Половина болезней мира тут же притворилась особенностями характера.

Тихон услышал голоса нерождённых драконов.

— Они не исчезли, — сказал он. — Но теперь не знают, как родиться.

Савара посмотрела на свои руки. В них появлялись воспоминания о событиях, которых больше не было.

— История меняется, но не стирается. Она складывается слоями.

Наместник рассмеялся.

— Вы раздали Дыхание всем. Теперь каждый станет маленьким богом.

— Нет, — ответил Эраст. — Каждый станет маленькой проблемой. Это человечеству привычнее.

В эту минуту золотая волна достигла существа, прятавшегося за горизонтом. Оно было больше Кайра, древнее долины и до сих пор спало, потому что мир ещё не придумал причину его разбудить.

Причина появилась.

Гигант открыл один глаз, и в небе возникла первая ночь.

Глава тридцать шестая

Первая драконица

Из ночи спустилось существо с крыльями, которых минуту назад не существовало. Оно было меньше титана, больше дворца и сердилось так естественно, словно гнев изобрели специально для него.

На его чешуе отражались будущие города. В одном отражении Эраст увидел собственный Дом, в другом — пустое место, где Дом никогда не был построен.

— Это дракон? — спросила Вера.

— Пока нет, — ответил Тихон. — Она выбирает.

Существо приземлилось перед Кайром и потребовало имя. Кайр предложил назвать её дочерью. Она обожгла ему брови. Будущая богиня Огня предложила «Стражница». Существо обожгло и её.

— Мира, — сказал Тихон.

Драконица замерла.

— Почему?

— Потому что я тебя уже знаю.

— Я тебя ещё нет.

— Это семейное.

Она наклонила голову и увидела в глазах мальчика своё будущее: века сна, печати богов, полёт над городами и человека, который однажды назовёт её не оружием, а другом.

— Я не хочу быть наказанием титанов, — сказала Мира.

— Тогда не будь, — ответил Тихон.

— Но если я выберу другое происхождение, исчезнут драконы, которых ты знаешь.

Савара раскрыла ладони. В них лежали два воспоминания: в одном драконы родились из заточённых титанов, в другом — из тех, кто добровольно принял часть Дыхания и научился менять форму.

— Происхождение не обязано быть приговором, — сказала она. — Иногда оно может стать обещанием.

Мира подошла к Кайру. Титан разжал руку, в которой всё ещё держал половину своего будущего имени.

— Возьми, — сказал он. — Не как часть меня. Как право не быть мной.

Она проглотила имя и кашлянула огнём. Это был первый драконий кашель — не болезнь и не замок, а способ выпустить лишнюю силу, не отдавая её приказу.

Над долиной поднялись ещё шесть теней. Будущие драконы не обрели тела, но уже начали спорить, кому достанется самая высокая гора.

— Теперь ясно, почему их семь, — сказал Тихон.

— Почему? — спросил Эраст.

— Потому что восьмой не выдержал собрания.

Дом расправил крышу, как плечи. Его дверь стала старше стен. Внутри на мгновение показались все комнаты, которые он когда-либо построит для своих жильцов.

Юная Савара коснулась косяка.

— Я стану Домом добровольно, — сказала она. — Не чтобы спрятаться от богов. Чтобы хранить выборы, которые они захотят забыть.

Взрослая память Савары вернулась к ней сразу, целиком. Она пошатнулась, потому что вспомнила обе истории одновременно.

— Получилось? — спросил Эраст.

— Да. И нет. У мира теперь два детства.

Наместник стоял рядом с треснувшей табличкой. От него отделилась тень и поползла к спящему гиганту, открывшему ночь.

— Тогда я выберу то детство, — сказал он, — в котором вы не родились.

Глава тридцать седьмая

Тот, кто спал под ночью

Гиганта звали Аргом, хотя имя появилось только после того, как он услышал угрозу Наместника и решил, что без имени неудобно возражать.

Арг поднялся. Его голова вышла за пределы ночи, плечи заняли две стороны света, а колени остались где-то в эпохе, до которой история ещё не дошла.

— Кто разбудил меня? — спросил он.

Голос прокатился по долине, и несколько будущих алфавитов рассыпались на согласные.

— Они, — сказал Наместник, указывая на Эраста и остальных. — Они принесли будущее, в котором гигантским существам не осталось места.

Арг посмотрел в воспоминания Савары. Он увидел города, дороги, тесные квартиры и таблички «Газон не топтать» на местах, где когда-то лежали исполины.

— Это правда?

— Частично, — ответил Эраст.

— Частичная правда — маленькая ложь.

— Нет. Большая правда просто не помещается в разговор.

Арг поднял руку. Ночь сгустилась в копьё.

— Я уничтожу это будущее.

— Там живут те, кто тебя не знает, — сказала Вера.

— Поэтому им будет легче.

Маргарита Всеволодовна вздохнула и открыла сумку.

— Вы давно ели?

Гигант замер. Вопрос оказался древнее угроз и потому действовал сильнее.

— Еда ещё не создана.

— Так я и думала.

Она достала пирожок. Для Арга он был меньше крошки, но запах поднялся до его лица. Гигант осторожно вдохнул и впервые понял, что маленькие существа могут создавать нечто, ради чего не обязательно становиться меньше.

— В вашем будущем есть это?

— Иногда с капустой, — сказала Маргарита Всеволодовна.

— Варвары.

Наместник бросил тень в грудь Арга. На теле гиганта появились тысячи глаз — по одному на каждое будущее, где древних существ забыли, победили или выставили в музей с неверной подписью.

Арг взревел. Ночное копьё ударило в долину и раскололо время. Одна трещина повела к эпохе богов, вторая — к рождению драконов, третья — в мир Эраста. Четвёртая ушла туда, где никакого Эраста не существовало.

— Он не уничтожает будущее, — крикнула Савара. — Он разделяет истории!

Эраст увидел, как его спутники становятся прозрачными. Если каждый уйдёт в собственную историю, их общая причина исчезнет.

— Держитесь друг за друга!

Тарас ухватился за Эраста, Вера — за Тихона, Мира накрыла их крылом. Маргарита Всеволодовна взяла Арга за мизинец. Это было физически бессмысленно, но нравственно убедительно.

— Молодой человек, — сказала она гиганту. — Вас опять используют.

— Я древнее использования!

— Возраст не освобождает от доверчивости.

Арг посмотрел на тень в своей груди. Каждый его глаз видел отдельную обиду, но ни один — человека рядом.

Он вырвал тень. Наместник закричал и стал вдвое меньше.

— Я не прошу будущее, — сказал Арг. — Но хочу увидеть, чем оно оправдается.

Он шагнул в трещину, ведущую к миру Эраста.

Трещина не выдержала его размера и расширилась до новой эпохи.

За ней стояли города гигантов, которых никогда не было в прежней истории.

Глава тридцать восьмая

Империя до богов

Города гигантов оказались построены не из камня. Камень был слишком мелким и постоянно попадал в строительную смесь.

Башни выращивали из спящих бурь, мосты натягивали между лунами, а улицами служили медленные реки света. По ним двигались существа размером от крепости до неуверенного континента.

— Мы создали это? — спросил Тихон.

— Нет, — сказала Савара. — Оно всегда могло случиться. Теперь получило возможность утверждать, что случилось первым.

Над центральной площадью висел герб: раскрытый глаз внутри короны из семи гор. Под ним сияла надпись на языке, которого ещё не существовало, но Тарас уже нашёл в ней налоговую льготу.

Их встретил чиновник высотой с колокольню. На плече у него сидел переводчик — крошечный по местным меркам и всё равно в два раза выше Эраста.

— Назовите цель прибытия, — потребовал переводчик.

— Предотвращение конца мира, — сказал Эраст.

— Какого именно?

Эраст задумался.

— Пока не знаем.

— Тогда заполняйте общее заявление на спасение неопределённого мира. Срок рассмотрения — три геологических периода.

Тарас просиял. Он чувствовал себя как дома, только мебель была крупнее.

Арг потребовал встречи с правителем. Чиновник поклонился ему, но сообщил, что правитель принимает только тех, кто пережил собственное отсутствие.

— Мы все переживаем его прямо сейчас, — сказала Вера.

Это сочли достаточным основанием.

Во дворце их ждал трон, вырезанный из застывшего первого рассвета. На троне сидел Кайр.

Не молодой титан из долины и не освобождённый узник из будущего. Этот Кайр был стар, спокоен и носил корону из обломков миров.

— Вы опоздали, — сказал он голосом Эраста. — Здесь я не согласился стать сосудом. Я стал императором.

За тронном стояли семь драконов в цепях. Среди них была Мира — другая, огромная и слепая.

Тихон шагнул к ней, но их Мира заслонила мальчика крылом.

— Это не я, — сказала она. — Это мой выбор без тебя.

Старый Кайр поднялся. На его груди сияли шесть золотых печатей, похожих на следы кашля.

— В вашей истории боги заточили титанов, — сказал он. — В моей титаны подчинили богов. Миры сохранились. Разница только в том, кто называет порядок справедливым.

— И вы хотите заменить нашу историю своей? — спросил Эраст.

— Нет. Я хочу соединить их. Пусть победившие в каждой версии правят вместе.

— Совет победителей? — оживился Тарас. — Можно обсудить представительство.

— Нельзя, — одновременно сказали Вера и Маргарита Всеволодовна.

Наместник вышел из тени трона. Здесь он был не маленьким серым человеком, а советником в белых одеждах.

— Я обещал выбрать детство без вас, — сказал он. — Но нашёл лучшее. Мир, в котором вы есть и всё равно проиграли.

Старый Кайр протянул руку к Эрасту.

— Шестой кашель прозвучал в вашей Вселенной. В моей — нет. Отдай мне его, и я остановлю седьмой.

— Цена?

— Ты останешься здесь. Вместо меня.

Эраст посмотрел на цепи драконов, на город из приручённых бурь и на людей рядом. Предложение было ловушкой. Это понимали все, включая Тараса, который уже прикидывал, можно ли сдать ловушку в аренду.

Но из груди Эраста донёсся звук.

Не кашель.

Чей-то стук изнутри.

Старый Кайр улыбнулся.

— Видишь? Шестой кашель принёс с собой того, кто кашлянул.

Эраст приложил ладонь к груди.

Изнутри постучала Вселенная.

И попросила её выпустить.

Глава тридцать девятая

Вселенная просит выйти

Когда внутри человека стучит сердце, это считается нормальным. Когда стучит Вселенная, нормальность начинает собирать вещи.

Эраст приложил вторую ладонь к груди. Стук повторился: три коротких удара, пауза и ещё один — явно недовольный тем, что дверь до сих пор не открыли.

— Там кто-то есть? — спросила Вера.

— Судя по манерам, сосед.

— Я не сосед, — раздался голос из Эраста. — Я жил здесь раньше.

Старый Кайр опустился на трон. Впервые его спокойствие стало похоже не на мудрость, а на хорошо отрепетированное ожидание.

— Выпусти её, — сказал он. — И шестой кашель станет моим.

— Почему “её”?

— Потому что Вселенная всегда женского рода. Иначе никто не смог бы объяснить, почему она одновременно бесконечна, прекрасна и требует переставить шкаф.

Маргарита Всеволодовна одобрительно посмотрела на императора. Это было опаснее неодобрения: одобрение тещи обычно означало, что собеседника признали достаточно взрослым для дополнительных поручений.

Савара приблизилась к Эрасту и закрыла глаза. Её память вошла внутрь него, но почти сразу вернулась.

— Там нет нашей Вселенной.

— Уже легче.

— Там та, которая не случилась после первого решения богов. Она ждала между возможностями, пока шестой кашель не дал ей путь.

— То есть во мне запасная Вселенная?

— Не запасная, — обиделся голос. — Альтернативно основная.

Тарас вытащил тетрадь.

— Имеются ли документы о происхождении, границах и находящемся внутри имуществе?

— Я соержу бесчисленные миры.

— Без описи не считается.

Эраст почувствовал, как внутри него разворачиваются звёзды. Они были крошечными только снаружи. Изнутри каждая занимала столько места, сколько ей требовалось, и ещё немного для перспективного развития.

— Если она выйдет, что произойдёт со мной? — спросил он.

Серафима Гордеевна, до сих пор изучавшая его дыхание, постучала по камертону. Тот ответил звуком, похожим на далёкий колокольный звон.

— Организм не рассчитан на рождение космологических объектов.

— А на что он вообще рассчитан?

— На сорок лет осторожной жизни, две простуды в год и постепенное разочарование в пояснице. Вы давно превысили гарантийные условия.

Старый Кайр протянул к Эрасту руку.

— Я удержу её. Я умею быть сосудом.

— Вы же отказались им быть.

— Тогда — да. Потом я понял, что отказ тоже даёт власть. Тот, кто не хочет трона, вызывает больше доверия, а значит, быстрее получает трон.

За спиной императора Наместник улыбнулся. В этой истории он не заставил Кайра принять жертву. Он научил его гордиться отказом.

Из груди Эраста снова постучали.

— Не отдавай меня ему, — сказала нерождённая Вселенная. — Он уже однажды спас меня. Я до сих пор не существую.

Глава сороковая

Два Кайра и одна должность

На площади перед дворцом появился второй Кайр — молодой, пришедший следом из долины первого решения. Он увидел собственную старую версию на троне и долго молчал.

— Я стану таким? — наконец спросил он.

— Только если победишь, — ответил император.

— Тогда лучше проиграть.

Старый Кайр рассмеялся. От его смеха одна из дворцовых башен решила, что она крепость, и объявила мобилизацию лестниц.

— Я тоже так говорил. Юность всегда уверена, что поражение нравственнее победы, пока не увидит счёт погибших.

Император показал им свою историю. После отказа стать сосудом Дыхание разделилось между титанами. Каждый получил способность создавать. Сначала они построили сады, моря и огромных существ. Потом выяснилось, что созданное требует места.

Титаны начали спорить. Спорить тихо они не умели: один довод становился горным хребтом, возражение — океаном, а переход на личности однажды породил луну неправильной формы.

Кайр остановил войну, отобрав у титанов право создавать без разрешения. Боги возмутились. Тогда он отобрал право и у богов, чтобы сохранить равенство.

— Равенство без прав, — сказал Эраст. — Удобно считать.

— Зато никто не погиб.

Савара коснулась памяти империи.

— Неправда. Они не погибали, потому что смерть здесь запрещена. Умерших возвращают и заставляют продолжать подчиняться.

— Жизнь — благо.

— Пока из неё можно выйти, — сказала Вера.

Молодой Кайр подошёл к трону.

— Отпусти драконов.

— Они охраняют мир.

— Они в цепях.

— Цепи охраняют надёжнее обещаний.

Два Кайра смотрели друг на друга, как причина и следствие, каждое из которых считало второе своей ошибкой.

Наместник вышел между ними.

— Есть простое решение. Пусть молодой Кайр займёт трон, старый примет Вселенную, а Эраст вернётся домой.

— Слишком простое, — сказал Эраст.

— Люди любят простые решения.

— До первого платежа.

Тарас обошёл трон и обнаружил на его основании надпись: «Должность императора является самостоятельным разумным существом».

— Ваше величество, — сказал он, — вы не сидите на троне. Трон сидит на вас.

Кайр попытался подняться, но корона из обломков миров потянула его назад. Золотые печати на груди вспыхнули.

Трон действительно держал императора. Он кормился решениями Кайра и становился сильнее каждый раз, когда тот говорил: «Другого выхода нет».

— Кто создал должность? — спросил Тихон.

Все повернулись к Наместнику.

— Не я, — ответил он. — Её создали те, кто хотел, чтобы Кайр отвечал за их выбор. Из города донёсся гул. Миллионы гигантов повторяли: «Император решит».

Трон начал расти.

Глава сорок первая

Министерство размеров

Чтобы освободить Кайра от трона, требовалось лишить должность питания. Для этого жители империи должны были хотя бы один раз решить что-нибудь самостоятельно.

Задача казалась выполнимой, пока Тарас не выяснил, что самостоятельные решения выдаются Министерством размеров по предварительной записи.

Министерство размещалось в здании, которое было больше города и меньше собственного коридора. Вход предназначался для существ высотой от трёхсот локтей. Посетителям обычного роста предлагали воспользоваться щелью для обращений.

— Наконец учреждение, которое честно показывает отношение к человеку, — сказал Эраст.

Внутри их встретила заведующая относительными величинами — великанша Полмера. Верхняя половина её тела находилась в кабинете, нижняя числилась в соседнем ведомстве.

— Цель визита?

— Научить жителей решать самим.

— Масштаб решения?

— Любой.

— Категория “любой” отменена как недостаточно определённая. Выберите: малое, крупное, историческое или такое, о котором потом стыдно рассказывать.

— Последнее, — сразу сказал Тарас. — Людям будет привычнее.

Полмера выдала им форму величиной со стену. Первый вопрос звучал: «Кто несёт ответственность, если принятое вами решение окажется вашим?»

— Вопрос с подвохом, — сказал Тарас.

— Нет, — ответила Вера. — Просто без возможности свалить на другого.

Они заполняли форму два часа. Маргарита Всеволодовна указала ответственным Наместника, Тарас — обстоятельства непреодолимой выгоды, Эраст написал: «Я». Чернила отказались высыхать: такого ответа бланк давно не видел.

Полмера поставила печать.

— Разрешаю одно самостоятельное решение на всю империю.

— Как его распространить? — спросила Савара.

— Никак. Оно же самостоятельное.

На выходе Эраст заметил очередь гигантов. Каждый держал заявление на изменение собственного размера. Маленькие хотели стать большими, большие — ещё большими, а самый огромный мечтал уменьшиться, чтобы впервые войти куда-нибудь целиком.

— Почему император решает даже это?

— Размер определяет место в обществе, — объяснила Полмера. — Если каждый станет таким, каким хочет, непонятно будет, кому кланяться.

Тихон подошёл к самому огромному гиганту.

— Реши сам.

— Мне нельзя.

— У нас есть разрешение.

— А если я ошибусь?

— Тогда будешь меньше ошибаться.

Гигант закрыл глаза и уменьшился до человеческого роста. Его одежда не успела, поэтому на площадь упала ткань размером с область и накрыла Министерство вместе с очередью.

Из-под ткани раздались голоса. Кто-то решил выбраться. Кто-то — остаться. Кто-то впервые спросил соседа, что делать, и сосед впервые ответил: «Не знаю».

Самостоятельность пошла по империи не как приказ, а как неловкий пример.

Во дворце трон потерял одну ступеньку.

Глава сорок вторая

Драконы которых не выбрали

Цепи семи драконов уходили под дворец и соединялись с тронном. Каждая цепь была сделана из решения, которое когда-то приняли за другого.

Первая удерживала слепую Миру. На звеньях повторялось: «Так будет безопаснее».

Вторая опутывала дракона из синего огня: «Ты слишком опасен, чтобы выбирать».

Третья состояла из благодарностей за принесённую жертву. Она оказалась тяжелее остальных.

— Их нельзя разрубить, — сказала их Мира. — Металл здесь ни при чём.

Маргарита Всеволодовна осмотрела цепи.

— Значит, надо вернуть решения владельцам.

— Они умерли тысячелетия назад, — ответил молодой Кайр.

— У вас смерть запрещена. Пусть не притворяются.

Савара открыла память империи. Из неё вышли прежние советники, жрецы, полководцы и заботливые родственники, которые когда-то решили, что драконам лучше быть прикованными.

Каждому вернули его фразу.

— Я хотел добра, — сказал первый советник.

— Хотите обратно? — спросил Эраст.

— Какое именно?

— То, которым связали живое существо.

Советник попытался отказаться, но слова уже обвили его запястья. Цепь на Мире ослабла.

Остальные начали объяснять обстоятельства. Цепи становились длиннее: оправдания прекрасно подходили для изготовления новых звеньев.

Тарас предложил обмен: каждый мог забрать своё решение и получить взамен право однажды попросить прощения без гарантии, что его простят.

— Невыгодно, — сказал полководец.

— Поэтому честно.

Советники один за другим соглашались. Они впервые почувствовали вес собственных слов и быстро утратили любовь к категорическим формулировкам.

Шесть драконов расправили крылья. Седьмая, слепая Мира, осталась прикованной.

Последняя цепь шла не к жителям и не к Кайру. Она уходила в будущее и обвивала Тихона.

— Это я её держу? — спросил мальчик.

— Тот выбор ещё не сделан, — сказала Савара. — Но цепь уже существует.

Слепая Мира повернула голову к Тихону.

— В этой истории ты станешь моим хозяином.

— Я не хочу.

— Именно поэтому я выберу тебя. Самые крепкие хозяева — те, кто называют власть дружбой.

Их Мира зарычала.

— Он никогда так не поступит.

— Ты — доказательство, что поступит. Ты летишь за ним, защищаешь его, исполняешь просьбы. Просто твоя цепь достаточно длинна, чтобы казаться свободой.

Тихон побледнел. Его связь с Мирой натянулась, и впервые он почувствовал не любовь драконицы, а всё, от чего она отказывалась ради него.

— Как разорвать цепь?

— Сделать выбор, после которого я могу уйти, — ответили обе Миры одновременно.

Глава сорок третья

Тихон становится древнее

Тихон снял с шеи маленькую чешую Миры. Она всегда возвращала его домой, даже если дом находился в другом мире, времени или настроении.

— Возьми, — сказал он своей драконице.

— Зачем?

— Чтобы я не мог тебя позвать.

Мира не взяла чешую.

— Ты боишься, что я останусь только из-за неё.

— Я боюсь, что никогда не спрашивал.

Она коснулась чешуи когтем. Та рассыпалась на семь искр и вошла в цепь слепой драконицы.

Тихона потянуло вперёд по времени. Он увидел себя взрослым: воином на спине Миры, правителем семи домов, человеком, который каждый раз говорил, что просит о последней услуге. Последние услуги складывались в жизнь.

Потом время потянуло его назад. Он увидел Миру до драконов — частью Дыхания, свободной от тела и имени. Она выбрала форму, чтобы однажды встретить его.

— Значит, всё было предрешено? — спросил Тихон.

— Нет, — ответила Мира. — Я выбирала тебя много раз. Но ты должен позволить мне однажды не выбрать.

Мальчик стал старше на одно воспоминание. Лицо осталось прежним, но взгляд приобрёл ту усталость, которая обычно появляется после первого собственного решения.

— Уходи, если хочешь.

Мира расправила крылья.

Она взлетела.

Тихон не позвал её обратно.

Драконица сделала круг над городом, затем второй. На третьем исчезла в ночи.

Цепь слепой Миры рассыпалась.

Освобождённая драконица открыла глаза. В них не было зрачков — только два мира, где Тихон вырос разным человеком.

— Теперь ты мне никто, — сказала она.

— Хорошо.

— Поэтому я могу стать твоим другом.

Она опустила голову. Тихон коснулся её лба, но не сел на спину.

Старая и молодая Миры встретились в небе. Они не слились и не стали одной. Каждая сохранила историю, в которой делала собственный выбор.

Трон во дворце лишился второй ступени.

Старый Кайр вздрогнул. Одна золотая печать на его груди погасла.

— Вы разрушаете порядок, — сказал он.

— Пока только мебель, — ответил Эраст.

Но Наместник смотрел не на трон. Он смотрел на Тихона.

— Ты стал старше, чем должен быть, — произнёс он. — Значит, теперь в тебе есть прошлое, которого ещё не случилось.

Он протянул руку, и одно из воспоминаний Тихона исчезло.

Мальчик забыл лицо взрослого себя, но Наместник его запомнил.

Глава сорок четвёртая

Забастовка богов

Под дворцом находились боги. Император не держал их в темнице — официально они проходили бессрочную программу повышения смирения.

Бог Огня вращал жернова вулканов. Богиня Времени следила, чтобы понедельник наступал вовремя. Бог Закона переписывал исключения, потому что основные правила давно умещались на одной странице и выглядели подозрительно понятными.

— Почему вы служите Кайру? — спросила Вера.

— Мы не служим, — ответил бог Закона. — Мы обеспечиваем устойчивость в условиях отсутствия альтернатив.

— То есть служите, но длиннее.

Савара показала им другую историю — ту, где боги заточили титанов и сами стали властителями. Боги посмотрели на собственные храмы, титулы и священные войны.

— Там мы победили? — спросил бог Огня.

— Да.

— И стали счастливы?

— Стали памятниками самим себе.

Бог Огня выключил ближайший вулкан.

— Объявляю перерыв.

Богиня Времени остановила понедельник за минуту до начала. Миллионы жителей империи внезапно получили воскресенье, к которому не были готовы. Одни решили отдыхать, другие — тревожиться, что забыли важное, третьи впервые заметили семью.

Бог Закона отказался переписывать исключения. Через несколько секунд выяснилось, что половина империи существует незаконно, а вторая имеет право обжаловать первую.

— Это забастовка, — объявила Вера.

— Нам запрещено бастовать, — сказал бог Закона.

— Кем?

Он пролистал свитки и обнаружил, что запрет написал сам.

— Неловко получилось.

Тарас предложил богам профессиональный союз. Взносы установили в виде одного чуда в месяц для нуждающихся и одного чуда в год для руководства, чтобы оно не чувствовало себя нуждающимся.

Забастовка распространилась на стихии. Камни перестали падать без письменного согласия земли. Ветер потребовал доплату за встречное направление. Судьба отказалась отвечать за совпадения и переадресовала жалобы Случаю.

Город начал разваливаться не от хаоса, а от того, что прежний порядок внезапно стал виден.

Старый Кайр приказал богам вернуться к работе.

Трон произнёс приказ громче него.

Но боги уже попробовали не подчиниться и обнаружили, что молния не бьёт за это автоматически.

Третья и четвёртая ступени трона исчезли.

Корона на голове Кайра треснула. Из неё выпал маленький мир, где жители веками ждали разрешения открыть окно.

Маргарита Всеволодовна открыла его.

— Душно же.

Мир вдохнул и присоединился к забастовке.

Глава сорок пятая

Тарас приватизирует империю

Когда власть слабеет, рядом неизбежно появляется человек с папкой. В данном случае человек уже был рядом и папку предусмотрительно принёс.

— Империя фактически бесхозна, — сказал Тарас. — Трон утрачивает имущество, боги прекратили обслуживание, драконы сняты с баланса. Необходимо срочное внешнее управление.

— Твоё? — спросил Эраст.

— Временное. До полного восстановления моей собственности.

Он нашёл учредительную грамоту империи. Документ был высечен на внутренней стороне трона и начинался словами: «Мы, свободные титаны, добровольно передаём Кайру право решать за нас до окончания чрезвычайных обстоятельств».

— Когда закончились обстоятельства? — спросила Вера.

— Не указано. Поэтому они и продолжаются.

Тарас добавил в грамоту дату окончания — вчера. Буквы сопротивлялись, ссылались на древность документа и отсутствие свободного места. Он написал дату между строк, где обычно живут самые дорогие условия.

Империя перестала быть империей.

На одну секунду.

Затем трон перерегистрировал её как Общество с Безграничной Ответственностью «Вечный Порядок» и назначил себя единственным участником.

— Уважаю, — сказал Тарас. — Противник обучаемый.

Он предложил трону сделку: обменять право управлять мирами на право владеть самим собой.

— У трона нет самого себя, — заметил Эраст.

— Поэтому предложение бесценно.

Трон задумался. До сих пор он существовал только как должность, которую кто-то занимал. Собственность на себя обещала независимость от Кайра.

Наместник понял опасность первым.

— Не соглашайся!

— Вы вмешиваетесь в свободную сделку, — возмутился Тарас. — Это наша семейная привилегия.

Трон принял условия.

Он отпустил Кайра, сложил оставшиеся ступени и превратился в маленький деревянный стул. На спинке появилась надпись: «Самозанятый».

Старый Кайр рухнул на пол. Без трона он оказался стариком огромного роста, уставшим держать миры и делать вид, что это было его желание.

— Я свободен?

— Формально, — сказал Тарас. — Но за стулом числится задолженность по исторической ответственности.

Кайр снял корону. Обломки миров вернулись на свои места, хотя один по ошибке оказался между кухней и прихожей Дома.

Наместник потерял белые одежды и снова стал серым. Он бросился к стулу, но тот отказался принимать нового владельца без подтверждённого дохода.

— Вы победили должность, — сказал Наместник. — Но не необходимость.

Он указал на Эраста.

Нерождённая Вселенная внутри него росла. Звёзды проступали под кожей, дыхание превращалось в приливы, а каждый удар сердца создавал неизвестное созвездие.

Серафима Гордеевна приложила к нему камертон.

— Выпустить её придётся сейчас. Иначе она начнёт расширяться.

— Вселенные обычно так и делают, — сказал Эраст.

— Да. Но ваша рубашка — нет.

Глава сорок шестая

Когда Вселенная выходит

Для рождения Вселенной выбрали центральную площадь. Министерство размеров возражало: объект не соответствовал допустимым габаритам, но Полмера временно уменьшила инструкцию, и та потерялась.

Эраст лёг на мост из застывшей бури. Вера держала его за руку. Тихон стоял рядом со слепой Мирой, не садясь ей на спину. Маргарита Всеволодовна кипятила воду, потому что при любом непонятном рождении это считалось разумным началом.

— Что мне делать? — спросил Эраст.

— Не кашлять, — сказала Серафима Гордеевна.

— Название книги наконец пригодилось.

— И не пытаться удержать её.

Внутри него распахнулось небо. Нерождённая Вселенная пошла к выходу через первое человеческое воспоминание, которое нашла: кухню, вечер, тёплый свет и мать, закрывающую окно перед грозой.

Эраст понял, что выпустить её — значит отдать воспоминание. Оно станет первой материей нового мира и никогда больше не будет принадлежать только ему.

— Есть другой путь?

— Есть, — ответила Вселенная. — Оставь меня внутри. Я превращу тебя во всё.

— А собой я останусь?

— Всё включает тебя.

— Очень бюрократический ответ.

Он открыл воспоминание.

На площади возникла маленькая кухня. Стол вырос до горизонта, лампа стала первым солнцем, гроза за окном — первичным океаном. Женщина из памяти закрыла окно и на мгновение посмотрела на взрослого Эраста.

— Опять без шапки, — сказала она.

— Мам, я ненадолго.

— Ты всегда ненадолго, а миры потом чинить.

Она улыбнулась и исчезла вместе с кухней.

Из груди Эраста вышла точка света. Она была меньше пылинки и тяжелее всех существующих миров. Точка поднялась над империей и начала раскрываться.

Старый Кайр протянул руки, но остановился.

— Я могу удержать её.

— Можешь, — сказал молодой Кайр. — Поэтому не должен.

Старик опустил руки.

Новая Вселенная развернулась рядом со старой историей, не вытесняя её. В ней титаны, боги и гигантские существа существовали без заранее назначенных ролей. Они ещё могли всё испортить, и это было первым настоящим доказательством свободы.

Шестой кашель покинул Эраста и рассыпался на миллиарды тихих вдохов.

Серафима Гордеевна улыбнулась.

— Всё. Опасность миновала.

— Никогда не говорите “всё”, — попросил Эраст.

Поздно.

Наместник стоял у края новой Вселенной. В руках он держал украденное воспоминание Тихона — лицо взрослого мальчика, которого ещё не существовало.

— Для седьмого кашля нужен тот, кто прожил больше одной жизни, — сказал он. — Раньше это был Эраст. Теперь есть более молодой носитель.

Тихон схватился за горло.

Обе Миры одновременно взревели.

Но кашля не произошло.

Вместо него из новой Вселенной пришёл город. Маленький, человеческий, совершенно обычный. Его улицы были заполнены людьми, которые никогда не родились в прежнем мире.

На главной площади стоял взрослый Тихон.

Рядом с ним — Наместник, постаревший на тысячу лет.

Взрослый Тихон посмотрел на мальчика и сказал:

— Не кашляй. Я уже однажды уничтожил ради тебя семь миров.

Часть пятая

Город нерождённых

Глава сорок седьмая

Мальчик который уже вырос

Взрослый Тихон был похож на мальчика настолько, насколько обгоревший дом похож на собственный чертёж. Всё находилось на прежних местах, но каждое место помнило огонь.

Он носил серый дорожный плащ, на рукаве которого были вышиты семь погасших солнц. За его спиной стоял Наместник, постаревший на тысячу лет и опиравшийся на посох из треснувшего имени.

— Ты уничтожил семь миров? — спросил мальчик.

— Ради тебя, — ответил взрослый.

— Я не просил.

— В этом возрасте ты вообще редко просил правильно.

Вера шагнула между ними.

— Не разговаривай с ним так.

Взрослый Тихон посмотрел на неё долго и осторожно, словно боялся, что мать исчезнет, если моргнуть.

— В моём мире ты говорила то же самое самой себе.

— Что со мной случилось?

— Ты спасла меня.

Ответ прозвучал хуже известия о смерти.

Город нерождённых окружал их обычными пятиэтажками, магазинами, детскими площадками и остановками. Только на табличках вместо названий улиц стояли вопросы: «Кем бы ты был?», «Почему не я?» и «Когда наступит никогда?».

По тротуарам шли люди, которых не существовало. Они здоровались с родственниками, никогда их не знавшими, спорили о непржитой молодости и торопились на работу, которая могла бы появиться при другом государственном устройстве.

Тарас увидел вывеску «Банк упущенных возможностей» и остановился.

— Снимать нельзя, вкладывать поздно, проценты начисляются сожалениями, — прочитал он. — Наконец честная финансовая организация.

Маргарита Всеволодовна внимательно осмотрела взрослого Тихона.

— Вы худой.

— Я пережил конец семи миров.

— Это не повод пропускать завтрак.

Она вручила ему пирожок. Взрослый Тихон взял его обеими руками и на мгновение снова стал мальчиком. Затем спрятал пирожок за пазуху.

— Я сохранил последний такой тысячу лет назад.

— Последний был с капустой, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Не преувеличивайте трагедию.

Савара коснулась земли. Под городом лежали семь слоёв памяти, и каждый заканчивался одним и тем же звуком — кашлем, который так и не прозвучал.

— Ты не уничтожил миры кашлем, — сказала она взрослому Тихону. — Ты уничтожил их молчанием.

— Я удержал седьмой кашель. Миры начали сливаться. Чтобы спасти хотя бы один, пришлось закрывать остальные.

— Чем?

Он расстегнул плащ.

На его груди находились семь дверей.

Из-за каждой кто-то стучал.

Глава сорок восьмая

Перепись несуществующего населения

В городе нерождённых каждые сто лет проводили перепись. Это позволяло точно установить, сколько жителей по-прежнему нет, и потребовать увеличение бюджета на их отсутствие.

Переписчики появились сразу после гостей. Они носили прозрачные мундиры и задавали вопросы, ответы на которые исчезали раньше записи.

— Фамилия, имя, отчество? — спросил переписчик у Эраста.

— Кунилин Эраст Акакиевич.

— В какой жизни?

— В этой.

— Некорректная формулировка. Здесь все считают эту жизнь чужой.

Эраста записали временно существующим с правом последующего опровержения.

Тарас назвался постоянно перспективным. Переписчик не нашёл такой категории, но Тарас показал удостоверение, составленное минуту назад, и получил льготу как редкий вид.

У Веры спросили количество детей. Она посмотрела на мальчика Тихона, взрослого Тихона и людей вокруг, в чьих лицах угадывались дети, которых она могла бы родить в других жизнях.

— Один, — сказала она.

Город вздрогнул.

— Неверно, — возразил переписчик. — По нашим сведениям, у вас семнадцать возможных детей.

— Возможных — семнадцать. Мой — один.

Шестнадцать домов на соседней улице погасли. Их жители не исчезли, но впервые перестали считать Веру виновной в своём нерождении.

— Зачем вам перепись? — спросил Эраст.

— Чтобы распределять имена. У нерождённых нет собственных, поэтому мы пользуемся именами живых.

— А живые знают?

— После утраты имени обычно уже не могут пожаловаться.

Наместник поднял посох.

— Именно поэтому я здесь.

Молодой Наместник из империи титанов посмотрел на старого себя с отвращением.

— Ты защищаешь людей от кражи имён?

— Я защищаю порядок имён от людей. Разница оказалась меньше, чем я надеялся.

Старый Наместник объяснил: после гибели семи миров сюда пришли миллиарды нерождённых. Чтобы стать настоящими, они начали забирать имена у живых. Каждое украденное имя превращало человека в пустое место в собственной жизни.

— И взрослый Тихон их остановил? — спросила Мира.

— Он запер семь миров в себе. Но город продолжает расти. Скоро ему понадобятся не имена, а целая история.

Переписчик раскрыл огромную книгу.

— По результатам учёта вашей реальности присвоена категория «перенаселённая существованием». Рекомендуется освободить место.

— Кому? — спросил Тихон.

Все нерождённые на площади одновременно повернули головы к нему.

— Нам, — ответил город.

Глава сорок девятая

Первая дверь в Тихоне

Первая дверь на груди взрослого Тихона была синей. На ней детской рукой написали: «Мир, где Эраст не открыл дверь».

— Как попасть внутрь? — спросил Эраст.

— Не совершить поступок, который ты уже совершил, — ответил взрослый Тихон.

— Можно попроще?

— Пожалеть о нём.

Эраст вспомнил первую дверь, с которой начались его приключения. Вспомнил драконов, свадьбу, тещу, депутатов, богов и кашель Вселенной.

— Нет, — сказал он. — Не жалею.

Дверь всё равно открылась.

— Почему?

— Потому что внутри мира живёт твоя версия, которая жалеет за тебя.

Они вошли.

Там Эраст сидел в обычной квартире, работал на обычной работе и по вечерам смотрел новости о чужих концах света. Он не знал Веру, Тараса считал назойливым знакомым, а слово «дракон» употреблял только в адрес начальства и очень тихо.

— Вы кто? — спросил он, увидев гостей.

— Ошибка, которую ты не сделал, — ответил настоящий Эраст.

Обычный Эраст посмотрел на Веру.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Жаль.

— Уже поздно, — сказала она и улыбнулась.

Этот мир не был разрушен. Он был аккуратен, спокоен и почти счастлив. Но за окнами не было звёзд. Ни один человек здесь не открыл дверь в неизвестное, и неизвестное перестало приходить.

— Почему ты закрыл этот мир? — спросил мальчик у взрослого Тихона.

— Потому что он начал поглощать остальные своей безопасностью. Люди из других миров смотрели сюда и отказывались от риска. Драконы исчезали, любовь становилась предварительно одобренной, а ошибки требовали лицензии.

Обычный Эраст поставил чайник.

— Звучит разумно.

— В этом и была опасность, — ответил Тарас. — Разумное решение, которое нельзя перепродать, всегда вызывает подозрение.

Савара изучила края мира.

— Ты не уничтожил его. Ты поместил его в себя, чтобы он не влиял на другие.

— Для жителей разницы нет.

Обычный Эраст услышал их разговор и подошёл к двери.

— Я могу выйти?

Взрослый Тихон покачал головой.

— Если выйдешь ты, за тобой последует весь мир.

— А если останусь, я проживу хорошую жизнь?

— Да.

Обычный Эраст подумал и выключил чайник.

— Тогда я выйду. Хорошая жизнь, из которой нельзя выйти, называется красиво оформленной клеткой.

Он шагнул за порог. Синяя дверь на груди Тихона исчезла.

Вместе с ней исчез один из семи погасших миров — но его жители появились на улицах города нерождённых.

Население удвоилось.

Переписчики радостно потребовали срочно увеличить штат.

Глава пятидесятая

Совет матерей которых не было

После открытия первой двери к Вере пришли женщины. Их было шестнадцать — по одной на каждую жизнь, в которой она стала матерью другого ребёнка.

Одна была королевой, другая — лекарем, третья командовала драконьим флотом, четвёртая выглядела совершенно счастливой и потому сразу вызвала общее недоверие.

— Мы требуем вернуть наших детей, — сказала королева.

— У меня их нет, — ответила Вера.

— Именно поэтому.

Женщины создали Совет матерей, которых не было. Председателя выбирали по количеству пережитых катастроф. Маргарита Всеволодовна победила без выдвижения и потребовала сначала всех накормить.

За столом выяснилось, что каждая возможная Вера считала свою жизнь единственно правильной. Королева спасла государство ценой сына. Лекарь спасла сына ценой города. Командующая спасла мир, но сын вырос и перестал с ней разговаривать. Счастливая никого не спасала, поэтому ей не доверяли особенно сильно.

— А ты что выбрала? — спросила она настоящую Веру.

— Быть рядом, пока могу. И не решать за него, кем он станет.

— Слишком мало.

— Для целой жизни достаточно.

Взрослый Тихон слушал из дверного проёма. Его мать в собственной истории спасла его от седьмого кашля, приняв звук на себя. Кашель разделил её между семью мирами, и в каждом осталась только одна черта: нежность, гнев, страх, надежда, память, усталость и любовь.

— Поэтому ты закрывал миры, — поняла Вера. — Ты собирал меня обратно.

— Я хотел вернуть тебя.

— А вернул?

Он посмотрел на шестнадцать женщин.

— Я больше не знаю, какая из вас настоящая.

Маргарита Всеволодовна поставила перед ним тарелку.

— Настоящая та, которая сейчас рядом. Остальные тоже настоящие, но сидят дальше. Не усложняйте родство до состояния государственной программы.

Совет принял решение не требовать детей, а потребовать права познакомиться с ними, если те когда-нибудь появятся. Решение получилось добрым, но юридически неисполнимым, поэтому Тарас назвал его семейным.

Счастливая Вера подошла к взрослому Тихону.

— В моём мире тебя не было. Но я всё равно иногда скучала по тебе.

— Как можно скучать по тому, кого не знаешь?

— Именно так люди и скучают по будущему.

Она коснулась одной из дверей на его груди. Дверь открылась сама.

Оттуда донёсся голос Веры, разделённый на семь частей.

— Сынок, — сказали семь миров. — Перестань нас спасать.

Глава пятьдесят первая

Комиссия по седьмому кашлю

Когда стало известно, что седьмой кашель ещё не прозвучал, город создал комиссию. В неё вошли представители нерождённых, освобождённых миров, титанов, богов, драконов и один человек от здравого смысла. Последний не пришёл.

Председателем назначили профессора Серафиму Гордеевну Гортанную. Она потребовала тишины, медицинских карт и прекратить называть космологическую угрозу простудой.

— Седьмой кашель не уничтожает миры, — объявила она. — Он убирает различия между случившимся и возможным.

— Мы знаем, — сказал Эраст.

— Нет. Вы видели последствия шести кашлей и придумали продолжение. Наука отличается тем, что сначала придумывает продолжение, а потом требует финансирование на проверку.

Серафима показала схему семи дыханий. Первые шесть освобождали имена, память, причины, выбор, спасение и возможность. Седьмое должно было освободить существование от необходимости случиться.

— То есть нерождённые станут равны рождённому? — спросил переписчик.

— Да.

Город заплодировал.

— А рождённые?

— Станут равны нерождённому.

Аплодисменты прекратились.

Тарас поднял руку.

— Можно ли сохранить существование как частную услугу?

— Нет.

— Тогда я против равенства. Исключительно по экономическим причинам, не подумайте хорошего.

Взрослый Тихон предложил снова запретить кашель в себе. Молодой Тихон отказался.

— Ты уже попробовал. Получилось семь тюрем.

— А у тебя есть лучшее решение?

— Ещё нет.

— Миры погибают, пока ты думаешь.

— А пока ты решаешь — тоже.

Старый Наместник ударил посохом.

— Кашель нельзя удержать и нельзя выпустить. Его можно только передать тому, кто существовал до различий.

Савара побледнела.

— Таких существ не осталось.

— Остались. Они спят под первым Дыханием.

— Кто? — спросил Эраст.

— Неназванные. Те, кто были до титанов, богов и Первичной Энергии.

— Что было до энергии?

— Возможность энергии не быть.

Комиссия проголосовала за экспедицию к Неназванным. Против выступили все, кто понимал смысл предложения. Решение приняли большинством остальных.

Дом открыл дверь вниз.

За ней не было темноты. Темнота ещё не была придумана.

Глава пятьдесят вторая

До энергии

Они спускались туда, где ничего не происходило. Шаги не звучали, потому что звук ещё не решил распространяться. Время отсутствовало по уважительной причине: ему было некуда опаздывать.

Дом шёл вместе с ними, превращая каждое мгновение в комнату. Без него путники сразу стали бы возможностью вернуться и никогда бы не узнали, вернулись ли.

— Здесь даже продать нечего, — тихо сказал Тарас.

— Почему тихо? — спросил Эраст.

— Боюсь испортить место предложением.

Неназванные не имели тел. Их присутствие ощущалось как мысль, которую забыли до того, как успели подумать. Рядом с ними каждый становился менее определённым.

У Веры исчез цвет глаз. У Тараса пропала стоимость одежды. Маргарита Всеволодовна перестала быть тёщей и стала просто женщиной, что сделало её не слабее, а значительно опаснее.

Эраст забыл фамилию. Потом имя. Осталось только упрямое ощущение, что ему куда-то надо, хотя Тарас давно приватизировал это слово.

В центре отсутствия сидело существо, похожее на пустое место размером с мир. Старый Наместник поклонился ему.

— Безымянный Первый.

— Ты назвал его, — заметил мальчик Тихон.

— Поэтому он теперь Второй.

Пустое место дрогнуло. В сознании каждого возник вопрос: «Зачем вы принесли сюда существование?»

Серафима Гордеевна объяснила природу кашля. Неназванный выслушал и предложил простое решение: вернуть всё к состоянию до первого вдоха.

— Тогда никто не будет страдать, — передал старый Наместник.

— И никто не будет радоваться, — сказала Вера.

— Радость не оправдывает страдание.

— А отсутствие страдания не оправдывает отсутствие всех.

Неназванный не понимал. Для него существование было случайной привычкой энергии, вроде плохого почерка у вечности.

Взрослый Тихон открыл семь дверей на груди.

— Возьми эти миры. Они устали быть.

Из дверей донеслись голоса жителей. Одни просили покоя. Другие требовали шанс. Третьи хотели сначала узнать условия возврата.

Неназванный коснулся миров и впервые почувствовал различие между тишиной до рождения и тишиной после потери.

Пустое место сжалось.

У него появилось тело — маленькое, человеческое, совершенно седое.

— Это больно, — сказал он.

— Поздравляю, — ответил Эраст. — Вы существуете.

Неназванный посмотрел на свои руки.

— Заберите обратно.

— Гарантийный срок закончился до начала времени.

Тогда существо закричало. Из его первого крика родилась не энергия.

Родился голод, способный питаться возможными мирами.

Глава пятьдесят третья

Голод которого ещё нет

Голод не имел пасти. Пасть ограничивала бы аппетит размерами.

Он прошёл сквозь семь дверей взрослого Тихона и съел из каждого мира по одному будущему. Люди внутри не исчезли, но перестали понимать, зачем им наступающее завтра.

— Закрой двери! — крикнула Савара.

— Не могу, — ответил взрослый Тихон. — Он держит их изнутри.

Молодой Тихон схватил старшего себя за руку. Между ними возникли все годы, которые одному ещё предстояло прожить, а другой уже хотел забыть.

— Покажи, как ты победил его раньше.

— Раньше его не было.

— Значит, мы опять создали проблему, пытаясь решить предыдущую.

— Ты быстро учишься.

— Плохие учителя.

Голод потянулся к новой Вселенной. Там было больше всего неиспользованных возможностей, свежих, доверчивых и без охраны.

Две Миры встали у входа. Одна дышала огнём, другая — непрожитыми выборами. Голод проглотил огонь и оставил холодное пламя, которое освещало, но не грело.

Боги попытались назвать чудовище. Каждое имя делало его реальнее: Нужда дала ему руки, Пустота — тело, Конец — направление.

— Замолчите! — приказал Наместник.

Все удивлённо посмотрели на него.

— Первый полезный приказ, — признал Эраст.

Наместник направил на Голод посох из треснувшего имени. Но чудовище съело имя, и старик стал прозрачным.

— Без должности я исчезну, — сказал он.

— Вам же этого хотелось для всех, — напомнил Эраст.

— Теоретически. На практике отсутствие оказалось плохо приспособлено для личного пользования.

Тарас достал документ о приватизации трона.

— Могу назначить вас временно исполняющим обязанности человека.

— Какие полномочия?

— Ошибаться, бояться и иногда поступать правильно без возможности включить это в отчёт.

Наместник подписал.

Он перестал быть Наместником Имени. Перед ними стоял маленький серый человек, который впервые не знал, что следует делать.

— Как вас зовут? — спросил Тихон.

— Не помню.

— Тогда выбирайте.

Серый человек назвал себя Семёном. Голод отступил от него: обычное человеческое имя оказалось слишком наполнено прожитой жизнью, которой у Семёна ещё не было.

— Вот чем он питается, — понял взрослый Тихон. — Не возможностями. Отказом их проживать.

Чтобы остановить чудовище, каждый должен был выбрать хотя бы одно будущее и принять цену выбора.

— Даже неправильного? — спросил Тарас.

— Особенно неправильного.

Тарас глубоко вздохнул.

— Тогда я когда-нибудь заплачу налоги полностью.

Голод отшатнулся и впервые испугался.

Глава пятьдесят четвёртая

Седьмой кашель начинается

Жители города нерождённых выбирали будущие жизни. Кто-то становился учителем, кто-то моряком, кто-то человеком, который десять лет собирается сменить работу и этим обеспечивает устойчивость Вселенной.

Каждый выбор уменьшал Голод. Но одновременно выбранные жизни требовали места в реальности.

Город расширялся. Его улицы входили в империю титанов, в новую Вселенную и в мир Эраста. На месте знакомых домов появлялись здания, которые могли быть построены. Рядом с живыми возникали их нерождённые братья, дети и супруги.

— Мы спасаем их или они заменяют нас? — спросила Вера.

— Пока и то и другое, — ответила Савара. — Мир не умеет добавлять бесконечно. Ему приходится выбирать, что считать прошлым.

Взрослый Тихон стоял перед семью открытыми дверями. За каждой ждала часть его матери и мир, который он когда-то запер.

— Я должен выпустить их всех.

— Тогда наши истории смешаются, — сказал мальчик.

— Да.

— И я стану тобой?

— Нет. Я наконец перестану быть твоей неизбежностью.

Мальчик посмотрел на Веру, Эраста, Маргариту Всеволодовну и двух Мир. Затем протянул взрослому себе руку.

— Вместе.

Они открыли вторую дверь.

Из неё вышел мир, где драконы победили людей и вынуждены были содержать их как редкий исчезающий вид. Люди быстро научились пользоваться охраной и требовали улучшить условия содержания.

Третья дверь выпустила богов, которые отказались от власти и стали давать советы. Советы оказались опаснее приказов, потому что за них никто не отвечал.

Четвёртая — титанов, уменьшившихся до человеческого роста. Они немедленно потребовали увеличить дверные проёмы.

С каждой дверью Голод слабел, а реальность становилась теснее.

Серафима Гордеевна следила за дыханием обоих Тихонов.

— Не торопитесь. Седьмой кашель уже поднимается.

— В ком? — спросил Эраст.

— Во всех.

Люди на улицах одновременно схватились за горло. Драконы задымились. Боги впервые пожалели, что создали воздух общим ресурсом.

Семён поднял треснувший посох.

— Если кашлянут все, различия исчезнут.

— А если никто? — спросил Тихон.

— Голод съест непрожитые миры и пойдёт за прожитыми.

Эраст почувствовал знакомое щекотание в горле. Он уже знал, как выглядит судьба, когда предлагает два варианта и прячет третий в мелком шрифте.

— Кашлять будем по очереди, — сказал он.

— Это невозможно, — возразила Серафима.

— Значит, Тарас оформит.

Тарас уже составлял график. Каждому существу выделялась одна миллиардная часть кашля и персональная ответственность за собственное различие.

Первым по графику стоял человек, которого никто не ожидал увидеть.

Из пятой двери взрослого Тихона вышел Эраст — старый, седой и одетый в домашний халат.

— Не начинайте без меня, — сказал он. — Я сорок лет готовился не кашлять и наконец понял, зачем.

Настоящий Эраст посмотрел на него.

— И зачем?

Старик улыбнулся.

— Чтобы однажды кашлянуть правильно.

Глава пятьдесят пятая

Эраст который не торопился

Пожилой Эраст выглядел человеком, который пережил всё и теперь подозревал продолжение в недобросовестности.

Домашний халат был подпоясан верёвкой из погасших молний. В карманах лежали леденцы от горла, три запасных рассвета и квитанция, подтверждающая, что конец света оплачен до конца месяца.

— Ты правда я? — спросил Эраст.

— Я задавал тот же вопрос. Потом понял, что в нашем возрасте лучше не требовать подробных доказательств.

Старик пожал руку Вере, поклонился Маргарите Всеволодовне и обнял Тихона. Мальчик терпел объятие несколько секунд, затем осторожно уточнил:

— В вашем мире я тоже существую?

— Ты существуешь во всех мирах, куда я успел добраться. Иногда как человек. Иногда как дракон. Один раз как очень настойчивая налоговая льгота.

Тарас заинтересовался последней версией, но старик отказался сообщать подробности, сославшись на возрастную тайну.

— Что значит кашлянуть правильно? — спросила Серафима Гордеевна.

Пожилой Эраст достал из кармана маленький стеклянный пузырёк. Внутри находился кашель — сухой, сердитый и аккуратно сложенный вчетверо.

— Седьмой кашель не надо подавлять или выпускать целиком. Его надо разделить на семь звуков и каждому вернуть причину.

— Каких звуков?

— Тех, из которых мир составил слово “существовать”.

Тарас пересчитал буквы и сообщил, что бухгалтерия мироздания снова не сходится.

— Звуков семь, потому что два произносятся только теми, кого нет, — объяснил старик. — У языка тоже бывают скрытые комиссии.

Он прожил сорок лет в пятом закрытом мире, где никто не кашлял. Люди считали любое непроизвольное действие недостатком воспитания. Они заранее согласовывали смех, подавляли плач и чихали исключительно по записи.

— Мир был идеальным, — сказал пожилой Эраст. — Поэтому из него хотелось сбежать даже стенам.

Однажды он услышал, как кашляет ребёнок. Звук не разрушил порядок. Он напомнил людям, что тело имеет собственное мнение.

— Я понял: правильный кашель — тот, после которого ты не становишься свободным от других. Ты становишься честным перед ними.

— Сорок лет для такого вывода многовато, — заметил Эраст.

— Первые тридцать девять я доказывал обратное.

Старик передал пузырёк Серафиме. Профессор прослушала его камертоном и нахмурилась.

— Здесь только шесть звуков.

— Седьмой находится в последней двери взрослого Тихона.

Все посмотрели на оставшиеся двери. Пятая стояла открытой, шестая дрожала, а седьмая была чёрной и не имела ручки.

— Что там? — спросила Вера.

Пожилой Эраст вздохнул.

— Мир, в котором мы спасли всех.

— И что в этом плохого?

— Никто не простил нам способ.

Глава пятьдесят шестая

Мир честного Тараса

Шестая дверь открылась раньше, чем они подошли. Из неё вылетел бухгалтерский отчёт, подписанный Тарасом Ананиевичем без единой приписки.

Настоящий Тарас поймал документ, прочитал первую страницу и побледнел.

— Подделка.

— Подпись твоя, — сказал Эраст.

— Поэтому и подделка. Я никогда не подписываю то, что можно истолковать однозначно.

За дверью находился мир абсолютной честности. Цены указывали вместе с себестоимостью и жадностью продавца. Политики начинали речи словами: «Я хочу власти, но постараюсь иногда быть полезным». Влюблённые заранее перечисляли привычки, которые собирались скрывать после свадьбы.

Над главным банком висела надпись: «Ваши деньги работают на нас. Иногда мы позволяем вам забрать часть».

— Ужас, — прошептал Тарас. — Никакой загадки.

Их встретил честный Тарас. Он носил простой костюм, платил налоги и смотрел собеседнику прямо в глаза. Обычный Тарас спрятался за Маргариту Всеволодовну.

— Не бойся, — сказал двойник. — Я знаю, почему ты врешь.

— Я не вру. Я создаю версии реальности с разной степенью коммерческой готовности.

— Ты боишься, что без хитрости окажешься никому не нужен.

Тарас перестал улыбаться.

Честный двойник показал свою жизнь. Он говорил правду, потерял почти всех партнёров, зато приобрёл репутацию человека, которому можно доверять. Потом люди начали перекладывать на него свои решения. Честный Тарас стал судьёй, хранителем денег и последней инстанцией чужой совести.

— В конце концов я управлял миром, — сказал он. — Не потому что хотел. Потому что остальные решили: честный не ошибётся.

— И ошибся? — спросила Вера.

— Конечно. Но мне не позволили признаться. Мир нуждался в моей безошибочности.

Голод жил здесь в виде доверия без проверки. Он был сытым, огромным и носил галстук.

Чтобы освободить мир, Тарасу требовалось публично сказать правду, которая не принесёт ему выгоды.

— Это дискриминация по профессиональному признаку.

— Можешь отказаться, — сказал Эраст.

Тарас долго смотрел на честного двойника.

— Я завидую тебе, — наконец произнёс он. — Не честности. Тому, что тебе хоть раз поверили без залога.

Мир дрогнул. Галстук Голода развязался.

Честный Тарас улыбнулся.

— А я завидую тебе. Ты сохранил друзей, которые знают, что тебе нельзя верить полностью, и всё равно остаются.

Два Тараса пожали руки. При этом оба проверили, не исчезли ли часы, и почувствовали себя значительно спокойнее.

Шестая дверь растворилась. Её жители вышли в город нерождённых и немедленно потребовали опубликовать настоящую статистику населения.

Переписчики объявили их экстремистами арифметики.

Глава пятьдесят седьмая

Мир где спасли всех

У чёрной двери не было ручки, потому что из мира, где спасли всех, никто не собирался выходить. Выход считался проявлением неблагодарности.

Пожилой Эраст приложил к двери ладонь.

— Здесь мы остановили все войны, вылечили болезни, победили голод и запретили случайную смерть.

— И что случилось? — спросил Тихон.

— Жизнь потеряла право быть незавершённой.

Маргарита Всеволодовна достала шпильку и открыла замок. Когда её спросили как, она ответила, что любая дверь, которую мужчина объявил невозможной, открывается женской заколкой и правильным выражением лица.

Мир встретил их тишиной. Люди жили в прекрасных домах, были здоровы, образованны и обеспечены. На улицах не было преступлений, мусора и неожиданных встреч.

Каждому человеку при рождении выдавали идеальную судьбу. Её составляли лучшие боги, самые мудрые титаны и комиссия граждан, случайно отобранных среди полностью согласных.

Эраст увидел себя во дворце Спасителя. Тысячи людей приходили благодарить его за счастье. Он сидел на золотом стуле и просил оставить его в покое, но просьбу считали частью торжественной скромности.

Вера руководила Министерством правильных семей. Тихон командовал драконами, которым запрещалось улетать без уважительной причины. Тарас заведовал честным распределением имущества и выглядел глубоко несчастным оттого, что распределять приходилось честно.

— Мы стали теми, с кем боролись, — сказала Вера.

— Нет, — ответил пожилой Эраст. — Мы стали лучше. В этом была проблема.

Жители окружили гостей.

— Зачем вы открыли дверь?

— Хотели узнать, всё ли у вас хорошо, — сказал Эраст.

— У нас не может быть плохо.

— Это не ответ.

— Это закон.

Из толпы вышла девочка и тихо призналась, что хочет стать плохой художницей. Её идеальная судьба предписывала быть великим врачом. Родители гордились, государство вложило средства, человечество рассчитывало на открытия.

— Рисуи, — сказал Тихон.

— Плохо?

— Особенно плохо.

Девочка нарисовала дракона с пятью ногами, тремя хвостами и лицом министра. Рисунок был ужасен. Мира смотрела на него с уважением.

По миру прошла первая добровольная ошибка.

Люди начали отказываться от идеальных судеб. Кто-то захотел состариться. Кто-то — проиграть. Один бессмертный попросил выходной от вечности и получил неделю, которую потом вспоминал как лучшую часть жизни.

Местный Спаситель Эраст встал с золотого стула.

— Кто разрешил им ошибаться? — спросил он.

— Никто, — ответил настоящий Эраст.

Золотой стул лопнул.

Изнутри выпал седьмой звук кашля.

Он звучал как слово «нет», сказанное человеком, которого спасали против его воли.

Глава пятьдесят восьмая

Тот кто придумал Голод

Семь звуков соединились в стеклянном пузырьке. Кашель внутри стал спокойнее и от этого опаснее: теперь он знал, зачем существует.

Голод отступил к краю Неназванного пространства. Он уменьшился, но не исчез. За ним двигалась тень, которой прежде никто не замечал.

Тень была больше отсутствия и тоньше мысли. Она держала Голод на невидимом поводке.

— Вот его хозяин, — сказал Семён, бывший Наместник.

— У Голода есть хозяин? — спросил Эраст.

— Не хозяин. Аппетит.

Тень приблизилась и приобрела форму ребёнка. У него не было лица, только рот, который никогда не открывался.

Неназванный, недавно получивший тело, попятился.

— Я помню его. Он появился, когда мне впервые захотелось существовать.

— Значит, это Желание? — спросила Савара.

— Нет. Желание знает, чего хочет. Это Хочу до появления предмета.

Существо протянуло руку к новой Вселенной. Звёзды в ней начали двигаться ближе, как монеты к магниту.

— Оно придумало Первичную Энергию, — понял взрослый Тихон. — Ему понадобилось чем-то заполнить отсутствие.

— А потом?

— Потом энергия породила миры, миры — живых существ, живые существа — желания. Оно кормилось каждым “хочу” и росло назад во времени, пока не стало древнее собственной причины.

Тарас задумчиво посмотрел на безликого ребёнка.

— Первая экономическая система.

— У неё нет денег, — сказала Вера.

— Поэтому и первая. Деньги появились, когда кто-то решил измерить чужое “хочу” своим “сколько”.

Существо заговорило голосами всех живых:

— Хочу существовать. Хочу больше. Хочу вместо.

Последнее слово заставило город нерождённых двинуться на мир Эраста. Нерождённые хотели не рядом с живыми, а вместо них.

Голод распахнул невидимую пасть. Теперь он ел не отвергнутые возможности, а разницу между “быть” и “обладать”.

Старый Кайр поднялся рядом с молодым собой.

— Я могу удержать его.

— Опять? — спросили оба Эраста.

— Привычка.

Семён схватил бывшего Наместника из империи за плечо. Молодая версия ещё носила должность и могла приказывать именам.

— Назови его.

— Любое имя даст ему власть.

— Тогда дай имя, от которого власть захочет отказаться.

Молодой Наместник посмотрел на существо и произнёс:

— Ответственность.

Безликий ребёнок впервые закрыл рот, которого у него не было.

Глава пятьдесят девятая

Война четырёх слов

Имя Ответственность оказалось слишком тяжёлым. Существо согнулось, уменьшилось и попыталось вернуть его говорящему, но слово уже требовало отвечать за каждое желание.

Вокруг него возникли ещё три древние силы.

Первая сказала: «Надо». Тарас напомнил, что слово принадлежит ему, и потребовал лицензионную плату. Сила уменьшилась до строгой женщины с папкой и пообещала взыскать позже.

Вторая сказала: «Могу» и стала титаном с тысячью рук. Каждая рука умела совершить чудо, но ни одна не знала, стоит ли.

Третья произнесла: «Буду». Она выглядела как дорога, которая строила себя перед идущим и разбирала позади.

Четвёртой оставалась Ответственность — бывшее бесформенное Хочу, впервые вынужденное учитывать последствия.

— Они существовали до богов? — спросил Тихон.

— Они существуют внутри каждого, — сказала Савара. — Просто здесь им тесно в человеческом размере.

Надо потребовало немедленно закрыть все миры. Могу предложил создать бесконечное пространство. Буду начал строить его, не дожидаясь согласия. Ответственность пыталась подсчитать, кого раздавит строительство.

Началась первая война глаголов.

Надо приказывало. Могу исполняло всё, включая противоположные приказы. Буду превращало каждое исполнение в необратимую историю. Ответственность ходила следом и заставляла переделывать.

Миры возникали и рушились быстрее, чем переписчики успевали присваивать им номера.

— Прекратите! — крикнул Эраст.

Слова не услышали человека. Они были старше речи и считали людей временным способом произношения.

Маргарита Всеволодовна подошла к Надо.

— Кому надо?

— Всем.

— Вы всех спрашивали?

Надо открыло папку, но обнаружило только собственную подпись.

Вера спросила Могу:

— Если можешь всё, можешь не делать?

Титан остановил девятьсот девяносто девять рук. Последняя продолжала на всякий случай.

Тихон встал на дорогу Буду.

— Куда ты ведёшь?

— Вперёд.

— Это направление или оправдание?

Дорога впервые свернула в сторону.

Тарас подошёл к Ответственности.

— А вы за всё отвечаете?

— Теперь да.

— Тогда начните с того, что придумали Голод.

Ответственность посмотрела на ослабевшее чудовище. Вместо того чтобы уничтожить его, она взяла Голод за руку.

— Он мой первый поступок, — сказала древняя сила. — И моя первая ошибка.

Война прекратилась. Четыре слова впервые собрались в одну фразу: «Хочу, могу, буду — если надо, и отвечу».

Мироздание сочло фразу слишком длинной для повседневного использования, но сохранило как инструкцию.

Глава шестидесятая

Человек без слова я

Чтобы кашлянуть правильно, Эраст должен был произнести семь звуков от собственного имени. Но когда он открыл рот, слово «я» исчезло.

— Кто будет кашлять? — спросила Серафима Гордеевна.

Эраст хотел ответить, но смог сказать только:

— Этот человек.

— Какой?

— Который стоит здесь.

— Здесь стоят три Эраста.

Рядом действительно находились настоящий Эраст, пожилой Эраст и Спаситель из идеального мира. Каждый считал себя временно основным.

Савара обыскала память. Слово «я» украл Голод в тот момент, когда получил имя Ответственность. Не желая отвечать за себя, он спрятал личность в самом безопасном месте — внутри человека, привыкшего принимать решения за других.

Все посмотрели на местного Спасителя.

— Во мне ничего нет, — сказал тот.

Из его золотой одежды донёсся тихий голос: «Я».

Чтобы вернуть слово, Эраст должен был доказать, какая его версия настоящая.

— Все настоящие, — сказала Вера.

— Тогда слово разделится между ними, — предупредила Савара. — Каждый получит треть личности.

— Мне можно половину? — спросил Тарас. — Я давно хотел иметь запасного Эраста для переговоров.

Три версии встали друг напротив друга.

Спаситель заявил, что настоящий тот, кто принёс больше пользы. Пожилой Эраст — тот, кто прожил дольше. Молодой Эраст ничего не заявил, потому что не мог начать фразу с исчезнувшего слова.

Вера подошла к нему.

— Ты кто?

Он показал на неё, Тихона, Дом и друзей.

— Тот, кого вы узнаете.

Слово «я» вылетело из одежды Спасителя и вернулось Эрасту.

Пожилой двойник улыбнулся.

— Правильно. Человек существует не только внутри себя. Иначе он слишком легко становится единственным.

Спаситель потерял золотую одежду. Под ней оказался уставший мужчина, который много лет ждал, когда его узнают без титула.

— А я? — спросил он.

— Ты тоже Эраст, — сказала Вера. — Но не мой.

Это было больно и достаточно.

Три Эраста получили разные имена. Молодой остался Эрастом. Пожилого называли Дальним. Бывший Спаситель выбрал имя Мирон, потому что хотел однажды спасти только самого себя и не объявлять это общественным проектом.

Седьмой кашель в пузырьке ударил в стекло.

Теперь он знал, кто должен его произнести.

Глава шестьдесят первая

Репетиция конца света

Серафима Гордеевна настояла на репетиции. По её словам, даже конец мироздания обязан пройти предварительный осмотр, особенно если в нём участвуют несовершеннолетние, драконы и Тарас.

На центральной площади города нерождённых установили семь площадок. На первой стояли люди, на второй — драконы, на третьей — боги, на четвёртой — титаны, на пятой — гигантские существа, на шестой — Неназванные. Седьмую занял Тарас, потому что категория «прочие риски» единогласно отказалась от участия.

Каждой группе полагалась одна часть кашля. После сигнала они должны были принять собственные различия и выпустить только желание стать кем-то другим.

— Очень просто, — сказал Дальний Эраст.

— Почему тогда у вас не получилось? — спросил Тихон.

— Я репетировал один.

Первый прогон закончился тем, что титаны вдохнули раньше времени и увеличились до размеров собственных амбиций. Второй — тем, что боги начали спорить, чей кашель священнее. На третьем драконы отказались кашлять по команде и потребовали естественных условий.

Тарас предложил продавать очередность. Его поставили последним без права обмена.

Маргарита Всеволодовна прошла вдоль площадок и раздала всем шарфы.

— Мы спасаем мир от кашля, — напомнил Эраст.

— Именно поэтому нельзя простудиться.

Четвёртый прогон прошёл почти успешно. Семь групп вдохнули одновременно, удержали звук и выпустили по одной части.

Различия не исчезли. Наоборот, стали видимыми. Над каждым существом появилось то, чем оно пыталось казаться.

Над богом Закона висел справедливый судья, над Тарасом — бедный честный человек, над Мирой — домашняя ящерица, которая мечтала спать на тёплом камне и никого не спасать.

Над Эрастом ничего не появилось.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что он давно перестал понимать, кем пытается казаться, — объяснила Савара. Дальний посмотрел вверх. Над ним висел молодой Эраст.

— Вот моя ошибка, — сказал он. — Я сорок лет хотел снова стать тобой.

— Зачем?

— Чтобы не помнить тех, кого не спас.

Репетиция неожиданно превратилась в суд. Нерождённые требовали права на жизнь, живые — права не уступать место, закрытые миры — права не быть чьим-то исправлением.

Семён поднялся на пустую седьмую площадку рядом с Тарасом.

— Решения, которое устроит всех, нет.

— Значит, хорошее решение, — сказал Эраст. — Плохие обычно заранее знают, кому будет хорошо.

Седьмой кашель снова ударил в стекло.

На этот раз пузырьрёк треснул.

Глава шестьдесят вторая

День который взяли займы

Трещина прошла по пузырьку, но кашель не вырвался. Дальний Эраст накрыл стекло ладонью и прошептал слово, которого никто не расслышал.

Время остановилось на один день.

Не часы и не солнца — сам день отказался заканчиваться. Утро продолжало наступать, не становясь полуднем. Люди успевали проснуться, но не успевали окончательно понять зачем.

— Что ты сделал? — спросил Эраст.

— Взял сутки займы у будущего.

Тарас оживился.

— Под какой процент?

— Под один прожитый год за каждый час.

— Грабёж. Кто кредитор?

Дальний показал на дорогу Буду. Она свернулась кольцом вокруг города и выставила двадцать четыре воротца. У каждого стоял новый Дальний Эраст — на год старше предыдущего.

— К концу дня я постарею на двадцать четыре года, — сказал он.

— Ты можешь умереть, — сказала Вера.

— Могу. Это и делает займ обеспеченным.

Эраст схватил старика за халат.

— Не решай за нас.

— Я не решаю. Я покупаю вам время.

— Нашей ценой?

— Моей.

— Ты — тоже мы.

Дальний замер. Сорок лет он готовился пожертвовать собой правильно и не учёл, что правильная жертва остаётся жертвой, даже если красиво оформлена.

Первый час закончился. Дальний постарел на год. На его лице появилась новая морщина, а у дороги — расписка.

Маргарита Всеволодовна отобрала расписку.

— Кто разрешил вам брать кредит без семейного совета?

— В моём мире я один.

— Уже нет.

Она разорвала бумагу. Дорога Буду возмутилась, что обязательства нельзя отменять задним числом.

— Можно, если заднее число ещё не наступило, — сказал Тарас и предъявил календарь из мира, где завтра отменили за ненадобностью.

Буду попыталось взыскать долг с настоящего Эраста, затем с Мирона, затем со всех существ сразу. Ответственность остановила дорогу.

— Долг создан без согласия тех, ради кого его взяли.

— Но время уже выдано.

— Тогда мы используем его вместе.

День разделили между всеми живыми, нерождёнными и освобождёнными мирами. Каждому досталась доля меньше мгновения, но в сумме получилась вечность, которой никто не владел единолично.

Кашель замер в треснувшем пузырьке.

— У нас есть время найти решение, — сказала Серафима.

— Сколько?

— Один день, который длится, пока каждый использует свою долю.

Тарас тут же начал скупать чужие мгновения. Ему продали три, подарили два и одно отобрали обратно после знакомства с договором.

Эраст посмотрел на Дальнего. Старик снова был прежнего возраста, но в его глазах осталось двадцать четыре непржитых старости.

— Теперь рассказывай, — сказал Эраст. — Что произойдёт, если мы кашлянем правильно?

Дальний отвернулся.

— Выживут все миры.

— А мы?

— Вас никогда не было среди тех, кого я собирался спасти.

Глава шестьдесят третья

Почему нас не спасают

Дальний произнёс это спокойно, и потому фраза прозвучала хуже. Если бы он смеялся, угрожал или хотя бы зловеще поправил воротник, всем было бы проще. Злодея можно ударить. Спокойного пожилого себя — только выслушать, что значительно опаснее.

— Повтори, — сказал Эраст.

— Вас не было среди тех, кого я собирался спасти.

— Теперь понятнее, — заметил Тарас. — Особенно та часть, где нас выбросили из списка без уведомления.

Вера встала между двумя Эрастами. Один был её мужем, второй — возможным будущим мужа, а семейная жизнь и без того редко нуждается в дополнительных версиях мужчины, уверенного, что он всё предусмотрел.

— Почему? — спросила она.

Дальний коснулся треснувшего пузырька.

— Потому что седьмой кашель не уничтожает миры. Он уничтожает причину, по которой миры приходится спасать. Этой причиной стали мы.

Над площадью стало тихо. Даже боги не возразили, хотя обычно считали причиной происходящего кого угодно, кроме себя.

Дальний объяснил: всякий раз, когда Эраст и его спутники спасали мир, они не возвращали его к прежнему состоянию. Они создавали новый вариант, в котором спасение удалось. Старый вариант никуда не исчезал. Он оставался за одной из дверей в груди Тихона, копил обиду и однажды начинал требовать равных прав.

— То есть мы спасали не мир, а удачную редакцию мира? — спросил Эраст.

— Именно.

— И куда девались неудачные редакции?

— Становились прошлым.

Савара прикрыла глаза. Для Хранительницы памяти это было почти ругательством.

— Прошное нельзя использовать как корзину, — сказала она.

— Можно, — ответил Дальний. — Все используют. Поэтому она переполнена.

Из-под площади донёсся глухой удар. Затем ещё один. Под городом нерождённых кто-то стучал снизу, требуя родиться задним числом.

Мирон, бывший идеальный Спаситель, побледнел.

— Это не нерождённые.

— А кто? — спросила Мира.

— Неспасённые.

Каменные плиты разошлись. Из щели поднялась рука, сложенная из обломков событий: несостоявшихся встреч, проигранных битв, забытых имён и одной чашки чая, которую так и не успели допить перед концом света.

За рукой поднималось существо без лица. Вместо лица у него были тысячи последних мгновений.

— Меня зовут Остаток, — сказала оно голосами погибших вариантов. — Я пришёл получить нашу часть спасения.

Тарас вынул записную книжку.

— В порядке живой очереди.

— Мы мертвы.

— Тогда в порядке неживой. У нас бюрократия гибкая.

Остаток посмотрел на Эраста.

— Ты спасал миры, выбирая, какой из них достоин продолжения. Теперь выбор сделает прошлое.

Трещина на пузырьке стала шире. Из неё вышел первый звук кашля — короткий, сухой и похожий на слово «кто».

Все посмотрели друг на друга.

Впервые вопрос был не в том, как спасти мир.

Вопрос был в том, кто дал им право решать, какой именно.

Глава шестьдесят четвёртая

Перепись погибших миров

Остаток потребовал провести перепись. По его словам, невозможно спасти всех, если слово «все» каждый раз означает только присутствующих.

Серафима Гордеевна немедленно организовала стол регистрации. Она поставила семь стульев, один чайник и табличку «Конец света обслуживается вне очереди при наличии подтверждающих документов».

— Какие документы нужны погибшему миру? — спросил Мирон.

— Свидетельство о смерти.

— Его некому выдать.

— Тогда справка о том, что некому.

Остаток разделился на длинную очередь. В ней стояли города, не пережившие драконье пробуждение, страны, растворённые в энергии, и целые эпохи, которые титаны случайно раздавили, выясняя, кто из них старше.

Первым подошёл мир, где Эраст не встретил Тараса. Он был тихим, благополучным и совершенно беззащитным перед первой серьёзной неприятностью.

— Чем докажете существование? — спросила Серафима.

— Отсутствием долгов, — ответил мир.

Тарас вздохнул.

— Фантастика.

Вторым был мир, где Вера отказалась ждать Эраста. Там она стала королевой, запретила пророчества и прожила долгую жизнь, ни разу не спасая мужчину от его собственного героизма.

Эраст посмотрел на Веру.

— Ты была счастлива?

— Это была не я.

— Но могла быть.

— Могла. Поэтому не задавай вопрос, если боишься хорошего ответа.

Третьим пришёл мир без драконов. Люди в нём изобрели самолёты, налоги на самолёты, льготы на налоги и комиссию по выяснению, почему никто больше не летает.

Четвёртый мир состоял только из энергии. Она переливалась всеми цветами и жаловалась, что существа использовали её без согласия: жгли, копили, продавали и называли духовной, когда не могли измерить.

— Ваше имя? — спросила Савара.

— До имён меня называли теплом.

— А ещё раньше?

— Никак. И это было точнее.

К вечеру список занял площадь, три улицы и половину неба. Один погибший мир оказался настолько огромным, что его пришлось записать мелким почерком.

Дальний наблюдал молча.

— Вот почему я исключил нас, — наконец сказал он. — Пока мы существуем, мы должны выбирать. Даже желание спасти всех создаёт тех, кого не выбрали вовремя.

— Значит, надо исчезнуть? — спросил Тихон.

— Не исчезнуть. Стать событием, которого никогда не было.

Тихон прижал ладони к груди. Семь дверей задрожали.

— Тогда и меня не будет?

Дальний не ответил.

Маргарита Всеволодовна подошла к нему вплотную.

— Вы сорок лет готовили план, в котором ради всех детей надо отменить одного ребёнка?

— Он не ребёнок. Он узел вариантов.

— Вы сейчас очень удачно стоите рядом с узлом моего шарфа.

Дальний отступил.

Перепись закончилась неожиданным результатом. Число погибших миров оказалось не бесконечным.

Их было ровно семь.

— Но вариантов тысячи, — сказал Эраст.

Остаток покачал множеством последних мгновений.

— Вариантов тысячи. Погибших миров семь. Все остальные продолжают жить внутри тех, кто их помнит.

Савара открыла книгу памяти. На первой странице было написано: «Первый мир погиб ещё до появления времени».

Под строкой проступила вторая: «Убийца до сих пор считает себя законом природы».

Глава шестьдесят пятая

Суд над законом природы

Закон природы явился без повестки. Он считал, что повестки действуют только на тех, кто может нарушить закон, а он по должности нарушал исключительно реальность.

Выглядел он как высокий человек в мантии из причин и следствий. На правом плече сидело притяжение, на левом — неизбежность. Оба смотрели вниз.

— Кто обвиняет меня? — спросил Закон.

Остаток поднял руку из несостоявшихся событий.

— Первый мир.

— Его не существовало.

— Потому и обвиняет.

Суд устроили прямо на площади. Судьёй назначили Семёна, потому что он недавно перестал быть Наместником и ещё не успел приобрести полезных знакомств. Обвинителем стала Савара. Защитником вызвался Тарас.

— Почему ты защищаешь убийцу? — спросил Эраст.

— Чтобы приговор нельзя было отменить из-за плохой защиты. Кроме того, он обещал оплатить работу вечной причинностью.

— Это много?

— Пока не знаю. Но звучит ликвидно.

Савара раскрыла книгу памяти. До времени, до богов, титанов и первых гигантских существ существовало бескрайнее Поле Возможности. Там всё могло произойти, но ничто не обязано было происходить.

Потом появился Закон и сказал: «Одно должно исключать другое». Так возник первый выбор. Всё выбранное стало реальностью. Всё остальное стало Первым миром — миром всего, чему запретили быть одновременно.

— Я создал порядок, — заявил Закон.

— Вы создали потерю, — сказала Савара.

— Без потери нет формы.

— Без формы нет отчётности, — поддержал Тарас. — Это существенное смягчающее обстоятельство.

В качестве свидетеля вызвали Первоначальную Энергию. Она вошла в зал без тела, нагрела чайник, погасила три звезды и отказалась давать показания в джоулях.

— Что было до Закона? — спросил Семён.

— Возможность.

— А до возможности?

— Никто не спрашивал.

— Значит, ничего?

— Не путайте отсутствие ответа с ответом «ничего».

Следующим свидетелем стал древнейший гигант. Он был настолько стар, что половина его воспоминаний уже считалась геологией.

— Закон помог вам? — спросил Тарас.

— Да. До него я мог быть любого размера и постоянно ударялся обо всё, чего ещё не было.

— Причинил ли он вред?

— Да. После него я стал только одним размером. Причём неудобным.

Суд удалился на совещание и обнаружил, что удаляться некуда: пространство тоже было одним из подсудимых последствий Закона.

Семён вынес решение на месте.

— Закон виновен в создании невозможного. Но без него невозможно и возможное. Приговариваю его к ограничению полномочий.

— Кто ограничит закон природы? — усмехнулся Дальний.

Тихон поднял руку.

— Исключение.

Из седьмой двери в его груди вышел маленький мальчик, которого никто раньше не видел. Он держал деревянный кубик, одновременно красный и синий.

— Это невозможно, — сказал Закон.

— Поэтому я и пришёл, — ответил мальчик.

Кубик раскололся, не разделившись. По миру прошла трещина, через которую на мгновение стало видно Поле Возможности.

Там двигалось нечто больше титанов и старше энергии.

Оно заметило взгляд Эраста.

И посмотрело в ответ.

Глава шестьдесят шестая

Гость из невозможного

Существо протиснулось через трещину не целиком. Сначала вошла его мысль, затем тень мысли, а уже потом вежливое сомнение, стоит ли ему вообще иметь тело.

Когда тело всё-таки появилось, оно выбрало вид седой женщины в простом платье. Только глаза оставались слишком большими: в каждом помещалось по несколько ещё не созданных небес.

— Кто вы? — спросил Эраст.

— До появления слова «кто» этот вопрос звучал лучше.

Тарас открыл записную книжку.

— Можно записать вас как юридическое лицо?

— Можно. Но тогда юридическим станет всё остальное.

— Запишем временно физическим.

Гостя назвала себя Если. Она утверждала, что прежде богов существовали не существа, а условия: Если, Пока, Хотя, Потому и Вопреки. Из них позже выросли причины, судьбы и привычка людей объяснять поступки после совершения.

— Вы древнее энергии? — спросила Мира.

— Энергия появилась, когда Возможность впервые устала оставаться возможностью.

— А драконы?

— Когда энергия захотела, чтобы ею восхищались.

Мира довольно расправила крылья.

Если подошла к пузырьку. Первый вырвавшийся звук «кто» кружил над трещиной и искал хозяина.

— Вы собираетесь кашлянуть правильно, — сказала она. — Это поздний способ решить раннюю ошибку.

— Предложите ранний, — ответил Эраст.

— Не выбирать.

— Тогда ничего не произойдёт.

— Произойдёт всё.

Закон природы вздрогнул. Для него это звучало как государственный переворот, только государством была причинность.

Если раскрыла ладонь. На ней лежал Первый мир: крошечный, прозрачный и полный несовместимых вещей. В нём солнце восходило и не восходило, люди встречались и проходили мимо, погибшие продолжали жить, не отменяя собственной смерти.

— Верните его, — потребовал Остаток.

— Он никогда не уходил. Закон лишь запретил вам его замечать.

Тихон шагнул ближе. Семь дверей в его груди распахнулись одновременно.

Из каждой протянулась дорога к миру на ладони Если.

— Не трогай, — сказал Дальний.

Тихон коснулся прозрачного шара.

Он исчез.

Вера вскрикнула. Эраст бросился вперёд, но поймал только кубик, красный и синий сразу.

— Куда вы его забрали?

— Я не забирала. Он выбрал мир, в котором ещё не решил родиться.

— Верните сына.

— Какого именно?

Перед ними возникли семь Тихонов. Один был взрослым, другой ребёнком, третий драконом, четвёртый состоял из энергии. Пятый ещё не имел лица. Шестой был старше Дальнего. Седьмого нельзя было увидеть, но рядом с ним всем хотелось говорить тише.

Каждый сказал:

— Я настоящий.

Эраст посмотрел на Дальнего.

— Ты знал?

— Да.

— Поэтому исключил нас из спасения?

— Поэтому исключил Тихона. Остальных он исключил сам.

Семь Тихонов открыли семь ртов.

И одновременно вдохнули.

Часть шестая

До первого решения

Глава шестьдесят седьмая

Семь сыновей одного отца

Эраст не успел решить, которого из семи Тихонов спасти первым. Это спасло их всех: решение не было принято, и кашель застрял между возможностями.

Семь вдохов повисли над площадью семью прозрачными дугами. Если они соединятся, седьмой кашель начнётся без участия Эраста.

— Нельзя позволить им выдохнуть, — сказал Дальний.

— Полезный совет, — ответил Тарас. — Особенно для ребёнка, дракона и сгустка энергии.

Маргарита Всеволодовна подошла к ближайшему Тихону и обмотала его шарфом.

— Дышать можно. Кашлять нельзя.

— А если хочется?

— Перехочется. Я так зятя жениться заставила.

— Меня никто не заставлял, — сказал Эраст.

— Вот видишь, уже забыл.

Каждый Тихон нёс одно из решений, которые Эраст и Вера могли принять в прошлом. Ребёнок был сыном, которого они растили. Взрослый — сыном, которого отправили спасать миры. Дракон — сыном, которому позволили выбрать собственную природу. Энергия — тем, кого превратили в средство спасения. Безликий — тем, кому родители ещё не успели придумать будущее. Старик — тем, кто пережил всех. Невидимый — тем, кто никогда не родился.

— Который наш? — прошептала Вера.

Если улыбнулась.

— Родители всегда задают этот вопрос неправильно. Ваш не тот, которого вы выберете.

Ваши — те, за кого вы готовы отвечать после выбора.

Эраст встал между семью сыновьями.

— Я отвечу за всех.

— Невозможно, — сказал Закон природы.

Мальчик с двойным кубиком пожал плечами.

— Он уже специалист.

Тарас предложил юридическое решение: оформить семерых Тихонов как одно лицо с шестью филиалами. Серафима отвергла идею, потому что филиалы не должны дышать независимо от головной организации.

Тогда Мира предложила драконье: считать настоящим того, кто выдержит огонь.

— А если выдержат все? — спросила Вера.

— Значит, хорошие дети.

Савара нашла решение в памяти. Нельзя было соединять Тихонов обратно — это означало бы уничтожить различия. Но можно было дать им одно общее воспоминание, которого не было ни у одной версии.

— Какое?

— Будущее.

День, взятый взаймы, всё ещё длился. Каждый отдал по одному мгновению. Из этих мгновений сложили вечер, который ещё не наступал: семья сидела за столом, Тихон рассказывал о своём первом самостоятельном мире, Вера смеялась, Эраст делал вид, что не волнуется, а Тарас пытался продать гостям право на второй кусок пирога.

Семь Тихонов увидели один и тот же вечер.

— Это будет? — спросил ребёнок.

— Если захотите, — ответил Эраст.

— Все?

— Все.

Семь версий взяли за руки. Они не слились. Между ними появилось родство — сила, которая позволяла оставаться разными и всё-таки возвращаться домой.

Прозрачные дуги вдоха рассыпались.

Но невидимый Тихон руки не подал.

— У меня нет будущего, — сказал он.

— Почему?

— Потому что именно я должен произнести последний звук.

Глава шестьдесят восьмая

Слово которого не было

Последний звук нельзя было услышать. Он существовал до голоса и после молчания, поэтому всякий, кто пытался его произнести, забывал начало фразы и внезапно вспоминал все обещания.

Невидимый Тихон объяснил, что этот звук не означает смерть. Он означает отмену необходимости когда-либо родиться.

— Удобно, — сказал Тарас. — Особенно для должников.

— Если я произнесу его, — продолжил Тихон, — исчезнет первый выбор. Миры снова смогут быть всеми возможностями сразу.

— А люди? — спросила Вера.

— Перестанут быть только собой.

— Звучит как коллективное собрание, — заметил Эраст. — Все говорят одновременно, никто не отвечает.

Если кивнула.

— Именно поэтому Закон разделил возможность. Личность родилась из ограничения. Чтобы быть кем-то, приходится не быть всеми остальными.

Эраст понял ловушку. Правильный кашель спасал все миры ценой каждого отдельного человека. Никто не погибнет, потому что некому будет погибать.

— Это не спасение, — сказал он.

— Это полнота, — возразил Дальний.

— Полная кастрюля тоже хороша, пока не выяснится, что в ней перемешали суп, варенье и сапог.

Тарас уважительно посмотрел на друга.

— Сапог мой?

— Теперь общий.

Остаток потребовал произнести звук. Для погибших миров полнота была единственной возможностью вернуться.

Живые отказались. Нерождённые разделились: одни хотели получить любую жизнь, другие — именно свою.

Начался спор, который быстро превратился в первую демократию до появления народа. Голосовали возможностями. У Если их оказалось бесконечно много, и её сняли с выборов за административный ресурс.

Закон природы имел один голос, но объявил его обязательным.

Драконы сожгли бюллетени, чтобы исключить подделку. Тарас собрал пепел и предложил считать каждый кусочек отдельным мнением.

Семён прекратил голосование.

— Нельзя большинством решить, должен ли существовать каждый.

— Тогда кто решит? — спросил Остаток.

— Каждый.

Савара раскрыла книгу памяти на чистой странице. В неё по очереди вошли семь погибших миров. Каждый должен был выбрать: вернуться в полноту без отдельности или остаться прошлым, которое помнят живые.

Первый мир выбрал вернуться.

Второй выбрал память.

Третий попросил подумать до четверга, хотя четверг в нём не был изобретён.

Остальные сделали разные выборы. Остаток начал распадаться: у него больше не было единой воли.

Из множества последних мгновений вышли отдельные лица. Они не воскресли, но перестали быть одной обидой.

Невидимый Тихон стал заметнее. Теперь у него были контуры.

— Я тоже должен выбрать?

— Да, — сказала Вера.

— Тогда я выбираю родиться.

— Где?

Он показал на Эраста.

— В его решении.

В груди Эраста появилась восьмая дверь.

Она была маленькой, как первая мысль, и запертой снаружи.

Глава шестьдесят девятая

Восьмая дверь

Эраст относился к дверям с недоверием. За последние годы ни одна из них не вела просто в комнату, где можно сесть, выпить чаю и не обнаружить родственника из будущего.

Восьмая дверь находилась у него прямо под сердцем. Ключ висел снаружи, но повернуть его мог только тот, кто находился внутри.

— Архитектор был философ, — сказал Тарас. — Или чиновник.

Дальний побледнел.

— Этой двери не было в моём времени.

— Значит, будущее изменилось? — спросила Вера.

— Нет. Значит, у меня его больше нет.

Дорога Буду, окружавшая город, исчезла. Вместе с ней пропали двадцать четыре воротца и расписка, которую Маргарита Всеволодовна предусмотрительно сохранила после разрывания.

— Куда делось будущее? — спросила Мира.

Если указала на дверь.

— Внутрь решения.

Чтобы открыть её, Эраст должен был решить не то, кого спасать, а кем он станет после спасения. Обычный героизм этого не требовал. Обычно герой совершал подвиг и оставлял последствия людям, у которых не было собственной главы.

— Я стану тем же, — сказал Эраст.

Замок не дрогнул.

— Неправда, — заметила Вера.

— Я стану лучше.

Замок кашлянул.

— Это уже клевета на будущее, — сказал Тарас.

Эраст перечислил возможные профессии: хранитель миров, советник драконов, почётный спаситель в отставке. Дверь отвергла всё. Титулы были способами не отвечать на вопрос.

Тогда к нему подошёл Мирон.

— В моём мире я спас всех и стал никем. Не потому, что исчез. Потому что больше никто не нуждался во мне. Я не сумел жить без необходимости быть нужным.

Эраст понял, чего боялся. Не смерти. Не забвения. Он боялся мира, который справится без него.

— После спасения я стану лишним, — произнёс он.

Ключ повернулся изнутри.

— И что будешь делать? — спросила Вера.

— Жить.

— Конкретнее.

— Не знаю.

Дверь распахнулась.

За ней была кухня их Дома. За столом сидел невидимый Тихон, теперь обычный мальчик лет десяти. Перед ним стояла тарелка каши, которую он не хотел есть из принципа и потому уже почти победил.

— Я ждал, — сказал он.

— Долго?

— До первого твоего честного ответа.

На подоконнике лежал седьмой звук. Он оказался маленьким серым семечком.

— Вот чем надо кашлянуть? — спросил Тарас.

— Нет, — ответил Тихон. — Это надо посадить.

— Что вырастет?

— Мир, который не нужно спасать.

Дальний опустился на стул.

— В моём будущем семечко уничтожили.

— Кто?

— Я.

За окном кухни возникла фигура ещё более старая, чем Дальний. Она подняла руку, и все двери в Доме одновременно захлопнулись.

— Не только ты, — сказала фигура. — Мы.

Глава семидесятая

Совет последних Эрастов

За окном стояли Эрасты из будущих миров. Их было двенадцать, хотя Тарас насчитал тринадцать и заподозрил одного в попытке пройти на собрание без регистрации.

Каждый когда-то посадил семечко. Каждый получил мир, который не нуждался в спасителе. И каждый потом уничтожил этот мир.

— Зачем? — спросил настоящий Эраст.

Самый старый двойник снял шляпу. Под ней оказалось ещё одно неудачное будущее.

— Мир без необходимости спасать быстро забывает цену спасения. Люди начинают создавать опасности, чтобы снова почувствовать себя героями.

— И вы решили уничтожить мир первыми?

— Мы решили вернуть ему нужду в нас.

Мирон тихо засмеялся.

— Значит, идеальный Спаситель всегда заканчивает тем, что изобретает беду.

Дальний отвернулся. Теперь стало понятно, кого он не сумел спасти в течение сорока лет: не погибших, не Тихона и даже не Веру. Себя от желания оставаться необходимым.

Совет последних Эрастов вошёл в кухню через окно. Открыть дверь они не могли: будущее редко входит прилично.

— Отдай семечко, — потребовал старший.

Тихон спрятал его в карман.

— Нет.

Первый звук «кто» прилетел с площади и остановился над столом. За ним из треснувшего пузырька вырвались остальные: «за», «чем», «спа», «сать», «мир» и беззвучное семечко.

Семь частей сложились в вопрос: «Кто и зачем спасает мир?»

— В вашем варианте было иначе, — сказал Тарас.

— Как? — спросил Дальний.

— Вы забыли маленькое «и». Поэтому отвечали только на первую половину.

Тарас поймал связующий звук. Он был похож на медную монету с дыркой посередине.

— Вот причина всех катастроф, — объявил он. — Недофинансированный союз.

Последние Эрасты двинулись к Тихону. Вера встала перед сыном. Рядом поднялись Мира, Савара, Семён, Маргарита Всеволодовна и Мирон.

Закон природы нерешительно примкнул к ним.

— Вы против собственных будущих версий? — спросил он Эраста.

— Я всю жизнь против собственных версий. Просто раньше спорил с ними в голове.

Началась самая странная битва в истории времён до драконов. Никто не мог ударить противника, не получив ту же рану через несколько десятилетий. Каждый выпад старого Эраста отзывался болью в молодом. Каждый шаг молодого менял память стариков.

Тарас предложил решать спор в детстве, пока все участники были слабее. Савара запретила вмешательство в несовершеннолетнее прошлое без согласия родителей.

Тогда Тихон достал семечко.

— Хватит.

Он положил его в тарелку с кашей.

— Ты что делаешь? — одновременно спросили тринадцать Эрастов.

— Сажаю.

— В кашу?

— Земли ещё нет. Она появится позже.

Семечко проросло. Корень прошёл сквозь стол, Дом, город нерождённых, семь погибших миров и Поле Возможности. Он достиг места, где ещё не существовали ни энергия, ни титаны, ни само слово «существовать».

Там корень встретил того, кто первым решил, что реальности следует быть.

Это был не бог.

Не титан.

Не условие.

Это был маленький человек, удивительно похожий на Тараса.

Он сидел перед пустотой, держал в руках первый договор и торговался о цене Вселенной.

Глава семьдесят первая

Договор до появления слов

Маленький человек сидел перед пустотой на складном стуле. Стул был первой вещью во Вселенной и уже поэтому считался антиквариатом. На коленях у человека лежал договор, хотя букв ещё не придумали и текст приходилось читать намерением.

— Калька с меня неудачная, — прошептал Тарас. — Слишком серьёзный.

Человек поднял голову.

— Опоздали, — сказал он. — Торги закончились за вечность до начала.

— А если подать жалобу?

— Жалобы ещё не существует.

— Тогда я первый заявитель.

Человек заинтересовался. Сходство с Тарасом оказалось не только внешним: при слове «первый» он автоматически проверил, нельзя ли взять плату со второго.

Корень семечка протянулся между кухней и пустотой. По нему Эраст, Вера, Тихон, Тарас и остальные спустились в эпоху, где не было ни верха, ни низа. Маргарита Всеволодовна всё равно потребовала держаться за перила.

— Как вас зовут? — спросил Эраст.

— Пока никак. Имя повышает ответственность.

— У нас есть одно свободное, — сказал Тарас. — Тар. Коротко, экономно и почти моё.

— Почему почти?

— Полную версию получите после оплаты.

Так у первого торговца реальностью появилось имя.

Тар развернул договор. На первой стороне было условие: пустота передаёт возможность существовать во временное пользование. На второй — цена. Цена постоянно менялась, потому что ещё не было момента, в котором её можно зафиксировать.

— Кто покупатель? — спросила Савара.

— Всё, что появится.

— А продавец?

Тар указал на пустоту.

— Она.

— Пустота согласна?

— Молчание считается согласием.

— С каких пор? — возмутилась Вера.

— Поров ещё нет. Поэтому со всех.

Если появилась рядом без движения. Условия не приходят — они внезапно выясняются.

— Этот договор и есть первый выбор, — сказала она. — Закон природы появился позже, чтобы его исполнять.

Закон смущённо поправил мантию причин и следствий.

— Мне не сообщили, что я работаю по частному заказу.

— Всем законам сначала кажется, что они вечные, — ответил Тар. — Потом находится подпись.

Эраст посмотрел на договор. Под ним действительно стояла подпись. Не Тара и не пустоты.

Там было написано: «Тюлькин Тарас Ананиевич».

— Подделка, — сказал Тарас слишком быстро.

— Почерк ваш, — заметила Серафима Гордеевна.

— У меня почерк универсальный.

— И пятно от пирога ваше.

Тарас осмотрел рукав. Такого пятна пока не было.

Тар улыбнулся.

— Будет.

В тот же миг из будущего прилетела крошка пирога и легла на договор. Подпись засветилась.

Пустота вокруг них впервые дрогнула.

Сделка вступила в силу повторно.

Глава семьдесят вторая

Время в рассрочку

После повторного вступления договора в силу пустота выдала первый платёж. Им оказался миг.

Миг возник между тем, чего ещё не было, и тем, что уже задолжало. Он оказался узким, холодным и сразу начал заканчиваться.

— Поздравляю, — сказал Тар. — Вы только что получили время.

— Мы его не просили, — ответил Эраст.

— В договоре предусмотрено автоматическое предоставление.

— И автоматическое согласие?

— Разумеется. Вы существуете — значит, пользуетесь.

Из первого мига вышел сборщик. Он был одет в серый сюртук, а вместо лица носил часы без стрелок. В руках у него находилась ведомость прожитого.

— Оплата, — произнёс он.

— Чем? — спросила Вера.

— Изменением.

Сборщик коснулся складного стула. Дерево потемнело, одна ножка закрипела. Вещь постарела и тем самым заплатила за секунду существования.

— Значит, старение — проценты? — понял Тихон.

— Износ, опыт, память, забвение, — перечислил Тар. — Все формы оплаты принимаются.

Тарас одобрительно кивнул.

— Грамотно. Берёшь у человека будущее, возвращаешь прошлым.

— Это вы придумали, — напомнил Тар.

— Я ещё не придумал.

— Поэтому и смогли. После появления совести такие условия согласовать труднее.

Дальний подошёл к сборщику. Часы на его лице пошли сразу в обе стороны.

— Я уже заплатил двадцатью четырьмя годами.

— А воспользовались только одним днём, — сказал сборщик. — Переплата будет зачтена в счёт последующего небытия.

Маргарита Всеволодовна отобрала у него ведомость.

— Покажите расчёт.

Сборщик впервые за всю историю времени испугался проверки.

Ведомость оказалась длиннее будущего. В ней учитывались каждый седой волос, каждая забытая мелочь и все минуты, проведённые в ожидании человека, который написал «уже выхожу».

Тарас нашёл главную ошибку.

— Здесь время начисляется всем одинаково, а пользуются им по-разному. Я, например, за один час успеваю больше некоторых за неделю.

— Ты за час успеваешь создать работу на неделю другим, — уточнил Эраст.

— Это называется производительность.

Сборщик потребовал внести обеспечение за новый мир, выросший из семечка. Поскольку этот мир не нуждался в спасении, он не производил героизма, а значит, не создавал ценность, признаваемую договором.

— Кто определил ценность? — спросила Вера.

Тар показал на подпись Тараса.

— Покупатель.

Тарас попытался стереть подпись. Вместе с первой буквой исчезла одна секунда. Вместе со второй — ещё одна. Люди замерли между вдохом и выдохом.

— Не трогай, — успел сказать Эраст до исчезновения третьей секунды.

Тарас вернул буквы на место. Время возобновилось, но теперь шло не вперёд.

Оно пошло к тому дню, когда Тарас поставит эту подпись.

Глава семьдесят третья

Поручители мироздания

Обратное время не возвращало молодость. Оно возвращало незавершённые разговоры, забытые обещания и сдачу, которую когда-то решили не пересчитывать. Через несколько минут площадь заполнилась людьми, требовавшими закончить спор, начатый через тысячу лет.

Тар спрятал договор под стул.

— До подписи ещё далеко. Сначала должны появиться поручители.

— Кто согласился поручиться за Вселенную? — спросил Эраст.

— Те, кто был уверен, что платить придётся другим.

Первой пришла Энергия. Тогда у неё ещё не было направления, и она металась по пустоте, превращаясь то в жар, то в свет, то в желание срочно что-нибудь сделать без понимания зачем.

Тар предложил ей форму в обмен на подпись.

— А если я откажусь? — спросила Энергия.

— Останетесь потенциалом.

Это показалось ей оскорбительным. Она подписала.

Вторыми явились гигантские существа. Они родились раньше размеров и поэтому каждый занимал столько места, сколько о нём думали. При виде договора Тарас подумал о них мало, и они смогли разместиться вокруг стола.

Им Тар пообещал границы.

— Зачем они нам? — спросил старший гигант.

— Чтобы остальные понимали, где заканчиваетесь вы и начинаются их проблемы.

Гиганты подписали.

Титаны получили вес. До этого их решения ни на что не влияли. Получив вес, они немедленно начали давить на окружающих и называли это властью.

Боги пришли последними, но записали в летописи, что были первыми. Им досталось право объяснять условия договора тем, кто читать его не мог.

— Мы толкователи, — гордо сказал молодой бог Закона.

— Посредники, — поправил Тар.

— Творцы.

— Если шрифт будет достаточно мелким, можете написать и так.

Каждая подпись создавала новый слой реальности. Возникли пространство, материя, тяжесть и вера в то, что всё это кем-то продумано.

Савара проверила подписи.

— Одной не хватает.

— Чьей?

— Того, кто будет отвечать, когда поручители исчезнут.

Из обратного времени появился Тарас. Не сегодняшний, а завтрашний: помятый, сердитый и с тем самым пятном от пирога.

— Никому ничего не подписывать! — крикнул он.

Тар протянул ему перо.

— Вы опоздали ровно вовремя.

Завтрашний Тарас посмотрел на договор, потом на исчезающие миры за спиной. Чтобы они возникли, нужна была последняя подпись. Чтобы не возник долг, подписывать было нельзя.

— А если поставить подпись временно? — спросил он.

— Всё временное становится вечным, если его вовремя не отменить.

— До какого срока можно отменить?

— До конца мира.

Тарас взял перо.

Настоящий Тарас бросился останавливать себя, но Тар удержал его.

— Не мешайте. Именно сейчас вы становитесь причиной собственного существования.

Завтрашний Тарас подписал договор.

И исчез, потому что завтра стало сегодня.

Глава семьдесят четвёртая

Проверка существования

Вместе с подписью появились Проверяющие. Их было трое: Учёт, Соответствие и Целевое Использование. Они носили одинаковые серые лица и разные печати, каждая из которых могла закрыть мир до устранения нарушений.

— Плановая проверка, — сказал Учёт.

— Планов ещё нет, — заметил Эраст.

— Тогда внеплановая.

Соответствие измерило пустоту и обнаружило, что она не соответствует заявленному отсутствию. В ней уже находились люди, стул, договор и половина пирога из будущего.

Целевое Использование потребовало объяснить, зачем существует Вселенная.

— Чтобы жить, — сказала Вера.

— Неконкретно.

— Чтобы спасать, — сказал Дальний.

— Цель создаёт избыточные расходы на катастрофы.

— Чтобы приносить доход, — предложил Тарас.

Проверяющие впервые одобрительно зашелестели бумагами.

— Кому?

Тарас задумался. Именно на этом вопросе обычно заканчивались самые красивые экономические теории.

Тихон достал семечко мира, который не нужно спасать.

— Никому. Он существует для себя.

Учёт поставил красную печать.

— Нецелевое существование.

Мир начал гаснуть. Сначала исчезли лишние рассветы, затем бесцельные прогулки, потом музыка, не сопровождавшая ни труд, ни марш. Последним пропал смех, потому что его польза не уместилась в форму отчётности.

— Верните, — потребовал Эраст.

— Обоснуйте необходимость.

Мирон шагнул вперёд.

— Смех позволяет пережить то, что невозможно исправить.

— Тогда он обслуживает убыток.

— Нет. Он не даёт убытку стать человеком.

Проверяющие начали совещаться. Пока они искали подходящий пункт, Тарас незаметно переставил печати. Учёт признал существование соответствующим, Соответствие — целевым, а Целевое Использование учло само себя как расходный материал.

Троица стала исчезать.

— Это нарушение процедуры! — закричала она тремя голосами.

— Процедура существует для себя? — спросил Тарас.

— Разумеется.

— Нецелевое существование.

Проверяющие исчезли, оставив красную печать. Тихон поднял её и поставил на договор. На бумаге проступила новая строка: «Предмет сделки используется не по назначению».

— И что теперь? — спросила Мира.

Тар впервые выглядел растерянным.

— Теперь продавец имеет право потребовать возврата.

Пустота вокруг них раскрылась, как огромный рот.

Она пришла за Вселенной.

Часть седьмая

Цена настоящего

Глава семьдесят пятая

Возврат Вселенной

Пустота не нападала. Она возвращала товар в исходное состояние. Звёзды гасли без боли, пространство складывалось по старым сгибам, а причины отделялись от следствий и делали вид, что никогда не были знакомы.

— Срок на добровольное освобождение реальности — один миг, — сообщил Тар.

— Тот самый, который уже закончился? — спросил Эраст.

— Других пока не выдали.

Энергия попыталась сопротивляться, но без пространства ей стало некуда двигаться. Титаны лишились веса и превратились в громкие намерения. Боги продолжали отдавать приказы, хотя подчиняться им было уже некому.

Мира уменьшилась до тёплой искры. Савара стала одним воспоминанием о книге. Дом удерживался дольше остальных: Маргарита Всеволодовна заявила пустоте, что помещение принято после ремонта и возврату не подлежит.

— Можно расторгнуть договор? — спросила Вера.

— Только по соглашению сторон, — ответил Тар.

— Где продавец?

— Везде, чего нет.

— А покупатель?

Все посмотрели на Тараса.

— Я временный представитель, — сказал он.

— Вы поставили подпись от имени всего сущего, — напомнил Закон природы.

— Тогда всё сущее должно выдать мне доверенность задним числом.

Пустота проглотила первый погибший мир. Остаток закричал тысячами последних мгновений.

Тихон открыл семь дверей в груди и впустил туда исчезающие слои реальности. Но двери заполнялись слишком быстро. За первой уже теснились города, за второй — драконы, за третьей — целая эпоха титанов, недовольная недостаточной высотой потолков.

— Восьмая дверь, — сказал Эраст.

— Там новый мир, — ответил Тихон.

— Именно. Мир, который не нужно спасать, может принять тех, кого уже не успеем спасти.

Дальний схватил его за плечо.

— Тогда он станет нуждаться в спасении.

— Значит, перестанет быть идеальным. Переживёт.

Тихон открыл восьмую дверь. Оттуда пахло кашей, дождём и обычным вечером, в котором никто не ждал конца света. Исчезающие существа пошли внутрь.

Пустота остановилась у порога.

— Она не может забрать то, что не было предметом договора, — понял Семён.

— Почему новый мир не был? — спросила Вера.

Тарас проверил текст.

— Потому что он появился после проверки и не поставлен на учёт.

Маргарита Всеволодовна перекрестилась.

— Первый раз благодарю беспорядок в документах.

Все вошли в восьмую дверь. Последними остались Тарас и Тар.

— Вы идите, — сказал первый торговец. — Я часть сделки.

— Ты часть меня?

— Хуже. Ты часть меня.

Пустота приблизилась.

Тарас схватил Тара за воротник и втянул в дверь.

— Части не бросают. Особенно если их можно предъявить кредитору.

Дверь закрылась, оставив Вселенную снаружи.

На несколько мгновений вся реальность уместилась в одном мире, которого официально не существовало.

Глава семьдесят шестая

Аукцион прожитых историй

Новый мир выдержал переселение плохо. В каждом доме поселилось по три несовместимые эпохи. На кухне Эраста древний гигант делил плиту с богом огня, а нерождённый город занял ванную и объявил её столицей.

— Так жить невозможно, — сказал Закон природы.

— Значит, живём правильно, — ответил Тарас.

Пустота не могла войти, но могла ждать. Вокруг мира образовалась белая тишина. В ней не было ни угрозы, ни времени, что делало ожидание особенно убедительным.

Тар предложил выкупить Вселенную обратно. Поскольку денег ещё не было, платить следовало историями — единственным, что возникло внутри договора и не принадлежало пустоте.

— Почему истории наши? — спросила Савара.

— Потому что события выдаёт время, а смысл добавляете вы.

На центральной площади устроили аукцион. Пустота прислала представителем белую фигуру без черт. Её называли Господином Ничем, хотя она настаивала, что «господин» существенно завышает комплектацию.

Первым лотом стала история первой любви. За неё пустота предложила одну звезду и право не вспоминать неловкие разговоры.

Вера отказалась продавать.

— Даже плохие разговоры? — удивился Эраст.

— Особенно плохие. Без них ты мог бы решить, что сразу был умным.

Вторым лотом выставили первую победу драконов. Мира сняла её с торгов, обнаружив, что победа случилась над противником, которого драконы сами разбудили.

— Это традиция, — пояснила она.

Титаны продавали происхождение гор. Гиганты — воспоминания о времени, когда горизонт находился у них на уровне коленей. Боги предложили все молитвы, на которые не ответили, но Господин Ничем счёл их обязательствами, а не активом.

Тарас выставил историю о том, как однажды честно вернул долг.

— Этого не было, — сказал Эраст.

— Поэтому состояние идеальное.

Пустота отказалась.

Тогда Дальний предложил сорок лет одиночества. Белая фигура впервые обрела лицо — лицо человека, который ждал слишком долго.

— Высокая цена, — сказала она.

— Берите.

— Нет, — вмешался Эраст. — Это его память.

— Это моя вина, — ответил Дальний.

— Вина не перестаёт быть частью человека только потому, что тяжёлая.

Аукцион зашёл в тупик. Пустота принимала лишь истории, от которых люди не хотели отказываться. Ненужные воспоминания не имели цены.

Тихон принёс будущий вечер, собранный из мгновений: вся семья за столом, никто никого не спасает, Тарас делит пирог.

— Эту историю ещё не прожили, — сказал Господин Ничем.

— Поэтому она не принадлежит времени, — ответил Тихон. — И не принадлежит вам.

Пустота предложила за неё половину Вселенной.

— Какую половину? — спросил Тарас.

— Ту, которая вам больше нравится.

— Тогда обе.

Господин Ничем впервые улыбнулся.

— Теперь понятно, почему договор подписали именно вы.

Глава семьдесят седьмая

Кашель становится общим

Седьмой кашель долго искал хозяина и наконец решил, что индивидуальная ответственность себя не оправдала. Он разделился между всеми обитателями нового мира.

Сначала кашлянули драконы. Из их пастей вылетел огонь в форме вопросительных знаков. Потом кашлянули титаны, и каждый звук весил столько, что проваливался в прошлое.

Боги кашляли торжественно и объявляли каждый приступ знамением. Люди кашляли проще, зато сразу обвиняли погоду, соседей и недостаток витаминов.

Тарас не кашлял.

— Почему? — спросил Эраст.

— Я не подписывал согласие на обработку дыхания.

Тар тоже не кашлял. Два похожих человека стояли среди общего приступа и с одинаковым подозрением смотрели друг на друга.

Савара выяснила причину: договор признавал их одним лицом. Пока один из них не кашляет, второй освобождён от обязанности.

— Значит, я не его потомок? — спросил Тарас.

— Нет.

— Предок?

— Тоже нет.

— Тогда кто кому задолжал внешность?

Если провела ладонью по воздуху. Между Таром и Тарасом появилась петля времени. Первый торговец не родился в прошлом. Он был воспоминанием Вселенной о Тарасе, отправленным назад, чтобы договор когда-нибудь оказался подписан.

— Я копия? — спросил Тар.

— Ты причина оригинала, — ответила Если. — Это хуже и интереснее.

Общий кашель усиливался. Каждый приступ выбрасывал наружу желание быть кем-то другим. Над людьми появлялись несостоявшиеся профессии, над богами — обычные смертные жизни, над титанами — маленькие безопасные тела.

Над Тарасом ничего не появилось.

— Удивительно цельная личность, — сказала Вера.

— Я просто хотел быть собой с дополнительными полномочиями.

Над Таром появился Тарас.

Первый торговец опустил глаза.

— Я всю вечность ждал, когда стану настоящим.

— Не советую, — сказал Тарас. — Расходы большие, гарантия кончается сразу после рождения.

Он обнял Тара. Петля времени затянулась, но не уничтожила ни одного. Два одинаковых человека остались разными благодаря одному несовпадению: Тар хотел стать Тарасом, а Тарас никогда не хотел стать Таром.

Седьмой кашель добрался до них.

Оба кашлянули одновременно.

Изо рта Тара вылетела подпись. Изо рта Тараса — слово «нет».

Подпись и отказ столкнулись над договором.

Бумага раскололась на две части. В одной Вселенная была куплена. В другой сделка никогда не состоялась.

Миры начали расходиться.

— Держите их! — крикнул Эраст.

— За что? — спросил Тарас.

И это оказалось главным вопросом.

Глава семьдесят восьмая

Первая неоплаченная минута

Две Вселенные расходились медленно. Купленная тянула за собой время, законы, богов и привычку всему назначать цену. Несостоявшаяся забирала возможность, свободу и опасное право не объяснять, зачем ты живёшь.

Между ними оставались люди. Как обычно, устройство мироздания выяснялось уже после того, как им предложили выбрать сторону.

— В купленной Вселенной мы существуем, но должны платить, — сказала Вера. — В свободной можем быть всем, но перестанем быть собой.

— Можно жить посередине? — спросил Тихон.

Закон природы покачал головой.

— Середина тоже должна принадлежать одной из сторон.

Мальчик с красно-синим кубиком вышел вперёд.

— Только если стороны не меняются.

Он повернул кубик. Красное стало синим, не переставая быть красным. Две Вселенные на мгновение наложились друг на друга.

Эраст понял: выбирать надо не одну из них. Нужно сохранить право выбирать снова.

— Мы арендуем настоящее, — сказал он.

Тарас поморщился.

— Аренда хуже покупки. Платишь всегда, твоего ничего.

— Поэтому настоящее нельзя будет присвоить. Ни пустоте, ни богам, ни нам.

Тар перевернул половину договора. На обратной стороне впервые появился чистый участок.

— Пишите условие.

Эраст написал: «Каждое существо получает одну минуту без долга, цели и обязанности быть полезным».

— Всего минуту? — спросила Мира.

— Сначала. Если понравится, продлим.

Тарас добавил мелким почерком: «Продление происходит автоматически, пока никто не потребовал оплату».

Пустота прочитала условие и промолчала.

— Это согласие? — спросил Тар.

— Нет, — сказала Вера. — На этот раз молчание означает только молчание.

Началась первая неоплаченная минута.

В течение неё никто не старел. Энергия двигалась без расхода. Боги не принимали молитвы и неожиданно слышали ветер. Титаны перестали давить на землю. Гигантские существа уменьшились до удобного размера и сели рядом.

Эраст держал Веру за руку. Тихон ел кашу прямо из тарелки, где росло мировое дерево. Мира грела крылом чайник. Савара не записывала происходящее, чтобы оно хотя бы минуту не превращалось в прошлое.

Тарас разрезал пирог.

— Тот самый? — спросил Эраст.

— Тот самый.

Крошка упала ему на рукав и стала пятном, которое уже побывало у начала времён.

Минута закончилась.

Ничего не потребовало оплату.

Началась вторая.

Затем третья.

Миры медленно соединились, сохранив различия. Договор не исчез, но перестал быть единственным основанием реальности.

Дальний улыбнулся. Впервые его будущее не было продолжением ошибки.

— Получилось? — спросил Мирон.

— Пока да, — ответил Эраст.

Если вздрогнула. Слово «пока», древнее богов и энергии, отделилось от её имени и стало дверью.

Из двери вышел сборщик с часами вместо лица. Теперь стрелки на них были.

Одна показывала настоящее.

Вторая — срок платежа.

Обе совпадали.

— Льготный период завершён, — сказал сборщик. — Время пришло взыскать настоящее.

Глава семьдесят девятая

Взыскание настоящего

Сборщик протянул руку к настоящему. Никто не понял, где именно оно находится, поэтому на всякий случай все отступили на шаг в прошлое.

— Предмет взыскания, — объявил он, — текущий миг со всем находящимся в нём имуществом, чувствами и незавершёнными мыслями.

— Мысль Тараса можно оставить, — сказал Эраст. — Она всё равно обычно не завершена.

— Именно поэтому ценна, — возразил сборщик. — Завершённое принадлежит прошлому. Будущее принадлежит договору. Только незавершённое ещё можно изъять.

Стрелки на его лице совпали. Настоящее начало исчезать кусками. Сначала пропало слово, которое Вера собиралась произнести. Потом исчез шаг Тихона, и мальчик остался стоять одновременно до движения и после него.

Мира попыталась выдохнуть огонь, но пламя не успело стать настоящим и вернулось внутрь. Драконица икнула искрой.

— Это унижительно, — сказала она.

Тар внимательно изучил часы сборщика.

— Кто выдал вам право взыскания?

— Банк прожитых мгновений.

— Учредитель?

— Поздно.

Если вздрогнула. Рядом с ней древние условия — Пока, Хотя и Вопреки — на мгновение стали видимыми и тут же отвернулись.

— Поздно существовало до времени, — сказала она. — Оно возникло, когда Возможность впервые не успела стать реальностью.

— Но до времени нельзя опоздать, — заметил Семён.

— Именно поэтому оно так обиделось.

Сборщик вынул опись. Настоящее оценивалось по количеству решений, которые можно было принять и не приняли. У Эраста таких оказалось семьсот сорок два. У Веры — двести девятнадцать. У Тараса — одно.

— Почему одно? — удивился Эраст.

— Я остальные принимал, не отвлекаясь на последствия.

Единственным непринятым решением Тараса значилось: «Стать ли порядочным человеком окончательно».

— Формулировка предвзятая, — сказал он. — Я порядочный периодически.

Сборщик поставил печать на воздух. Мир замер. Настоящее отделилось от реальности прозрачным слоем и свернулось в рулон.

Люди остались без текущего момента. Они могли помнить, что сделали, и планировать, что сделают, но не могли сделать ничего.

Тарас обнаружил исключение. Его единственное решение всё ещё не было принято, а значит, небольшой участок настоящего сохранялся вокруг него.

— Все ко мне, — приказал он.

— Не поместимся, — сказал гигант.

— Думайте о себе скромнее.

Гигант уменьшился. Герои собрались внутри неприятого решения Тараса, как пассажиры под слишком маленьким зонтом.

— Как долго оно продержится? — спросила Вера.

— Пока я не решу стать порядочным или не откажусь окончательно.

— То есть почти вечность, — заключил Эраст.

Сборщик забрал рулон настоящего и открыл дверь в воздухе.

За дверью возвышалось здание без входа. На фасаде было написано: «Банк прожитых мгновений. Ваше время уже у нас».

Тарас шагнул следом.

— Куда ты? — спросил Эраст.

— Возвращать имущество.

— А план есть?

— Конечно. Сначала выясню, кому они задолжали.

Глава восьмидесятая

Банк прожитых мгновений

Входа у Банка не было по уважительной причине: клиенты попадали внутрь, только когда время уже ушло. Герои вошли через воспоминание Дальнего о двери, которую он когда-то не открыл.

Внутри стояли бесконечные окна. За каждым сидел служащий с календарём вместо головы. Одни принимали детство, другие выдавали отсрочки старости, третьи обменивали часы ожидания на минуты сожаления по внутреннему курсу.

— Нам вернуть настоящее, — сказала Вера.

Служащий в первом окне перелистнул лицо на следующий месяц.

— Основание?

— Оно наше.

— Это не основание, а эмоциональная оценка собственности.

Во втором окне потребовали паспорт момента. В третьем — доказательство, что настоящее не было добровольно передано будущему. В четвёртом предложили оформить новое настоящее под залог прошлого.

— Процент? — спросил Тарас.

— Один забытый год за каждый прожитый месяц.

— Грабёж.

— Стандартный тариф.

Савара увидела хранилище. За толстой стеклянной стеной лежали миллиарды мгновений: первые шаги, последние слова, несделанные признания, удачные ответы, придуманные через неделю после спора.

Дальний нашёл свой сорок первый год — тот, которого не прожил, потому что потратил жизнь на подготовку правильного кашля.

— Можно забрать? — спросил он.

— После подтверждения личности, — ответил служащий.

— Я — это я.

— В системе зарегистрированы три Эраста и одно лицо, временно утратившее слово «я».

Мирон предложил подтвердить Дальнего воспоминаниями. Банк отказал: память считалась ненадёжным документом, поскольку принадлежала человеку, а человек мог меняться.

— Здесь вы храните именно память, — заметила Савара.

— Хранить и доверять — разные услуги.

Тихон услышал тихий стук из сейфа номер ноль. Внутри находилась первая неоплаченная минута. Она продолжала длиться и уже выросла до нескольких часов.

— Почему вы её не взыскали?

— Она не числится существующей.

— Тогда выпустите.

— Нельзя выдать то, чего нет.

Тарас улыбнулся.

— А принять на хранение смогли?

Служащий замолчал. В банковском деле это означало, что найден вопрос дороже ответа.

Тарас потребовал начислить процент за незаконное пользование несуществующей минутой. Календарь на голове служащего перелистнулся сразу на конец года.

— Размер требования?

— Всё настоящее плюс моральный ущерб.

— Мораль ещё не поставлена на баланс.

— Тогда заберём натурой.

Из глубины Банка донёсся звон. Все окна закрылись одновременно.

По коридору приближалась женщина в чёрном платье. Она шла медленно, но каждый её шаг уже оказывался позади.

— Поздно, — прошептала Если.

Женщина улыбнулась.

— Наконец-то вы успели со мной познакомиться.

Глава восемьдесят первая

Залог имени

Поздно было красивой той красотой, которую замечают уже после ухода. Её лицо напоминало человека, которого каждый когда-то не остановил. На шее висели ключи от закрывшихся возможностей.

— Верните настоящее, — сказал Эраст.

— Оно вам не принадлежало.

— Мы в нём жили.

— Люди живут в домах и всё равно платят.

Тарас одобрил сравнение, но из солидарности промолчал.

Поздно объяснила: время создали не для жизни. Оно было способом отделить совершившееся от того, чему уже не суждено. Каждый миг кормил Поздно несбывшимися вариантами.

— Значит, чем больше мы решаем, тем сильнее вы становитесь? — спросила Вера.

— Чем дольше вы не решаете.

Все посмотрели на Тараса. Его единственное нерешённое решение оказалось для Поздно настоящим пиром.

— Я могу решить прямо сейчас, — пригрозил он.

— Стать порядочным?

— Не давите. От давления качество решения портится.

Поздно предложила сделку: Банк возвращает настоящее, если герои оставят залог, равный по стоимости будущим решениям.

— Что у нас есть? — спросил Эраст.

— Имена.

Имя хранило все поступки, совершённые человеком, и все ожидания, которые другие связывали с ним. Для Банка это был надёжный актив: имя переживало владельца и иногда приносило проценты славой или позором.

Дальний первым снял имя. Оно оказалось тяжёлым, потёртым и пахло дорогой, по которой он шёл сорок лет.

— Бери.

— Нет, — сказал Эраст. — Ты уже слишком долго платил за всех.

Мирон положил на стол имя Спасителя. Оно сияло золотом, но внутри было пустым.

Поздно отказалась.

— Титул без человека не имеет стоимости.

Тихон предложил своё имя. Семь дверей в его груди захлопнулись от страха.

Вера заслонила сына.

— Возьмите моё.

Эраст остановил её.

— Почему все предлагают себя раньше меня?

— Потому что ты слишком долго предлагаешь всех раньше себя, — ответила Вера.

Он снял имя. Без него лицо Эраста осталось прежним, но никто не мог понять, знакомы ли они. Даже Вера смотрела с любовью, не помня, к кому она относится.

Поздно взвесила имя.

— Недостаточно.

— Там четыре спасённых мира, один брак и неопределённое количество катастроф.

— Именно поэтому риск высокий.

Тарас положил рядом своё имя.

Весы рухнули.

— Перевес, — сказала Поздно.

— Сдачу выдаёте?

— Да. Одним забытым поступком.

Банк вернул рулон настоящего. Но имена Эраста и Тараса остались в сейфе.

Когда герои вышли, никто в мире больше не помнил двух людей, которые его спасали.

Глава восемьдесят вторая

Люди которых никто не знает

Настоящее развернулось над миром и снова стало мгновением. Все продолжили движение с того места, где остановились. Только Эраст и Тарас оказались чужими.

Мира увидела двух незнакомцев в Доме и немедленно выдохнула огонь. Эраст уклонился привычно, Тарас — заранее.

— Это мы! — крикнул Эраст.

— Кто — мы? — спросила драконица.

Вера смотрела на мужа и знала, что должна его узнать. Сердце помнило форму отсутствия, но имя, к которому она относилась, лежало в банковском сейфе.

— Вы мне дороги, — сказала она Эрасту. — Я только не понимаю почему.

— Для брака это довольно обычное состояние, — заметил он.

Маргарита Всеволодовна не помнила зятя, но сразу решила, что он ей не нравится. Это обнадёжило всех.

Савара открыла книгу памяти. Все страницы, где стояли имена Эраста и Тараса, превратились в пробелы. Подвиги сохранились, но выглядели самопроизвольными: миры спасались сами, драконы случайно договаривались, правительства без причины принимали разумные решения.

— Последнее точно подделка, — сказала Серафима Гордеевна.

Тихон подошёл к Эрасту.

— Я не помню, как тебя зовут.

— Но помнишь меня?

— Помню, что рядом с тобой безопасно, пока ничего не происходит. А потом происходит всё.

Эраст обнял сына. Родство оказалось старше имени и не нуждалось в справке.

С Тарасом было сложнее. Никто не помнил его, зато у каждого обнаружился долг перед неизвестным человеком. В карманах лежали расписки, обещания и одна ложка, взятая до конца света.

— Значит, меня узнают обязательства, — сказал Тарас. — Неплохая репутация.

Без имени они не могли вернуться в Банк: дверь открывалась только через личное сожаление, а сожаления больше не знали, кому принадлежат.

Тар предложил дать им временные имена.

— Как вас назвать?

— Меня — Эраст, — ответил Эраст.

— Это имя в залоге. Пользование чужим обеспечением запрещено.

— Тогда Раст.

— А я буду Рас, — сказал Тарас.

— Почему?

— Чтобы при обращении к одному сомневались оба.

Под временными именами они вышли на площадь. Там уже стояли памятники безымянным спасителям. На одном неизвестный герой держал меч, на другом — договор, на третьем почему-то сидел верхом на драконе лицом назад.

— История быстро работает, — сказала Савара. — Когда не знает фактов, становится особенно производительной.

У подножия главного памятника появилась надпись: «Здесь покоятся люди, которых ещё предстоит убить».

— Мы живы, — сказал Рас.

— Пока, — ответила Если.

Из-за памятника вышли двое убийц. У одного не было прошлого, у другого — будущего. Оба искали людей без настоящих имён.

Часть восьмая

Время которого нет

Глава восемьдесят третья

Убийцы без времени

Убийца без прошлого назывался Чистый. Он не помнил ни одного преступления и потому считал себя невиновным. Убийца без будущего назывался Последний. Ему нечего было терять, включая смысл имени.

— Кто заказчик? — спросил Раст.

— Не знаем, — ответил Чистый.

— Я узнаю потом, — сказал Последний.

— У тебя нет будущего.

— Поэтому и не узнаю.

Они атаковали одновременно. Чистый наносил удары, не имеющие причины. Предугадать их было невозможно. Последний бил последствиями: рана появлялась раньше клинка.

Раст уклонялся, ориентируясь на Веру. Когда она пугалась, он отходил в сторону; когда сердилась — пригибался. Семейная жизнь наконец получила боевое применение.

Рас достал расписку и предъявил её Чистому.

— Вы должны мне один неиспользованный удар.

— Не помню.

— Отсутствие памяти не прекращает обязательство.

Чистый задумался и пропустил собственный выпад. Клинок ударил его в прошлое, которого не было, и застрял.

Последний схватил Тихона. Семь дверей в груди мальчика открылись, но каждая вела в будущее. Убийца не мог войти ни в одну.

— Отпусти его, — сказала Вера.

— Мне приказано убить двоих без имени.

— У ребёнка имя есть.

— Тогда пусть не мешает.

Тихон положил ладонь ему на грудь.

— У тебя тоже есть будущее.

— Нет.

— Ты ещё не отпустил меня.

Этот крошечный выбор создал Последнему следующий миг. За ним второй. Появившееся будущее ослепило убийцу. Он увидел всё, что мог сделать после приказа, и впервые испугался не смерти, а продолжения жизни.

Он отпустил Тихона.

Чистый тем временем вспомнил первый поступок: когда-то он охранял вход в Банк. Поздно стёрла его прошлое, чтобы он не помнил, кто заказал убийство.

— Она хочет уничтожить имена, — сказал он. — Если владельцы умрут безымянными, залог станет собственностью Банка.

— Что она сделает с именами? — спросил Раст.

— Наденет их.

Если побледнела.

— Тогда Поздно сможет называться Вовремя.

Вдали пробили часы. Каждый удар отнимал у мира одно опоздание. Люди начали успевать на встречи, вовремя говорить важные слова и принимать решения до сожаления.

Поздно слабела.

Но вместе с ней исчезало всё, что родилось благодаря второй попытке.

Глава восемьдесят четвёртая

Война календарей

Когда люди перестали опаздывать, календари потеряли власть. Одни решили защищать прошлое, другие потребовали передать все дни будущему, третьи объявили настоящее спорной территорией.

Первым выступил Календарь богов. В нём каждый день был праздником кого-нибудь важного, поэтому работать не разрешалось никогда.

За ним пришёл Календарь титанов. Он состоял из двух дат: День Победы Титанов и День Подготовки к Следующей Победе.

Человеческий календарь оказался самым толстым. В нём были рабочие, выходные, переносы, сокращённые дни и особые часы, когда человек уже на работе, но ещё морально дома.

— Кому принадлежит сегодня? — спросил Семён.

Все календари ответили одновременно.

Началась война.

Дни недели сталкивались над городом. Понедельник наступал тяжело и без предупреждения. Пятница отступала медленно, постоянно оглядываясь на вечер. Воскресенье держало оборону до полуночи, после чего переходило на сторону противника.

Рас попытался договориться с календарями.

— Разделим настоящее поровну.

— Между семью днями? — спросил Тар.

— Между желающими. Получится ещё хуже, зато все будут участниками.

Савара обнаружила забытый Нулевой день. Он существовал до первой недели и не принадлежал ни одному календарю. Именно в нём можно было добраться до Банка, не используя имя.

— Где он? — спросила Мира.

— Между «ещё рано» и «уже поздно».

— Очень узкое место.

Герои отправились туда, пока календари делили вторник. Нулевой день оказался серым утром без числа. Люди в нём просыпались, но не знали, обязаны ли куда-нибудь идти.

На площади стояла дверь Банка. Перед ней лежал старый календарь без страниц.

— Это я, — сказал Дальний.

Он понял: его сорок лет не исчезли. Банк превратил их в Нулевой день — запас времени для случаев, когда история не знает, что делать дальше.

— Ты можешь вернуть годы, — сказала Вера.

— Тогда исчезнет дорога к Банку.

— Не решай один, — напомнил Раст.

Дальний разделил годы между всеми. Каждый получил по несколько секунд жизни, которой не должно было быть. Нулевой день не исчез, потому что стал общим.

Они открыли дверь.

Внутри Поздно примеряла имя Тараса.

Оно ей не подходило, но уже торговалось.

Глава восемьдесят пятая

Имя берёт владельца

Поздно надела имя Тараса, и Банк немедленно начал принадлежать ей на очень выгодных условиях. Окна превратились в кассы, воспоминания — в активы, а каждый потерянный час получил комиссию за обслуживание.

— Удивительно удобное имя, — сказала она. — Оно превращает любую проблему в источник дохода.

Рас возмутился.

— Вы используете его без моего согласия.

— Докажите, что оно ваше.

Он хотел рассказать о долгах, договорах и гениальных решениях, но всё это теперь числилось за Поздно. История переписывалась на глазах. Получалось, что именно она сопровождала Эраста, спасала миры и однажды пыталась продать дракону его собственный огонь.

— Неубедительно, — сказала Мира. — Но последнее похоже.

Поздно потянулась ко второму сейфу, где лежало имя Эраста. Если она наденет и его, то станет не только Вовремя, но и Спасителем. Тогда любое опоздание можно будет объявить спасением, а любое спасение — своевременной услугой.

Раст встал у сейфа.

— Это имя вы не получите.

— Оно уже не ваше.

— Зато поступки мои.

— Поступки записаны на имя.

— Не все.

Он шагнул к Вере и поцеловал её. Банк попытался зарегистрировать поступок, но не смог определить владельца. Имя лежало в сейфе, человек стоял снаружи, а любовь вообще отказывалась предоставлять отчётность.

На стекле появилась трещина.

Тихон обнял отца. Мира обожгла ему рукав в знак дружбы. Маргарита Всеволодовна велела незнакомцу немедленно снять обувь, окончательно подтвердив родство.

Каждый новый поступок без имени ослаблял залог.

Рас понял и обратился к Чистому:

— Прощаю долг.

— Какой?

— Неважно.

Это было первое бескорыстное решение Тараса, о котором никто не мог узнать, потому что имя находилось у Поздно.

Имя зашевелилось на её плечах.

— Что происходит?

— Оно берёт владельца, — сказал Тар. — Вы думали, что носите имя. Но хорошее имя иногда носит человека.

Поздно начала превращаться в Тараса: появилась привычка проверять карманы, недоверие к бесплатным предложениям и непреодолимое желание поторговаться с самой собой.

— Верну имя, — сказала она. — За половину настоящего.

— За оба имени и сорок лет Дальнего, — ответил Рас.

— Невозможно.

— Тогда оставайтесь Тарасом.

Поздно продержалась три секунды.

— Согласна.

Сейфы открылись. Имена вылетели наружу, но вместо того чтобы вернуться к людям, поднялись под потолок.

— Почему они не идут к нам? — спросил Эраст, снова помня, как его зовут.

— Потому что вы изменились, — ответила Если. — Старым именам нужны прежние владельцы.

Глава восемьдесят шестая

Тот кто опоздал первым

Имена кружили над залом, выбирая, кому принадлежать. Имя Эраста тянулось к Дальнему, потому что тот носил его дольше. Имя Тараса колебалось между Расом, Таром и Поздно, успевшей приобрести сомнительную кредитную историю.

— Пусть выбирают сами, — сказала Вера.

— Имена не люди, — возразил Закон природы.

— После всего увиденного это слабый аргумент.

Эраст отказался тянуть имя к себе. Дальний тоже опустил руки. Мирон снял с головы воображаемую корону Спасителя и положил рядом.

Имя разделилось на три светлых нити. Одна вернулась Эрасту, вторая — Дальнему, третья — Мирону. Каждый остался собой, но больше ни один не мог объявить себя единственным настоящим.

Имя Тараса вело себя практичнее. Оно потребовало долю в будущих решениях.

— Десять процентов, — предложил Рас.

Имя отвернулось.

— Пятнадцать и право первого отказа.

Оно вернулось к владельцу. Тар получил сокращённую часть имени — «Тар», а Поздно сохранила отчество Ананиевна в качестве штрафа.

Банк начал рушиться. Без залога он не мог удерживать мгновения. Из хранилищ вырывались детства, несказанные слова и годы, которые люди считали потерянными.

— Их нельзя просто вернуть, — сказала Савара. — Один человек получит сразу несколько возрастов.

Тихон открыл двери. Через первую ушли детства, через вторую — старости, через третью — дни ожидания. Четвёртая приняла мгновения любви, пятая — сожаления, шестая — пустые часы, седьмая — время, потраченное на спасение мира.

— А восьмая? — спросил Эраст.

— Для времени, которое человек отдаст другому добровольно.

Люди начали делиться. Дальний вернул Эрасту несколько лет, которых не прожил рядом с Верой. Мирон отдал Тихону детство, пропущенное в идеальном мире. Маргарита Всеволодовна подарила всем десять минут на чай и запретила использовать их для героизма.

Поздно стояла среди освобождённых мгновений и становилась прозрачной.

— Что будет с вами? — спросила Если.

— Я исчезну. Все успели.

Тарас подошёл к ней.

— Не все.

— Кто опоздал?

— Вы. Вы всю вечность приходили после других и ни разу не успели пожить для себя.

Он протянул ей одну минуту из восьмой двери.

Поздно взяла её. Впервые она оказалась не после события, а внутри него.

— Что мне делать?

— Что угодно.

— А если ошибусь?

— Успеете пожалеть. Это тоже жизнь.

Поздно рассмеялась. От смеха Банк окончательно рассыпался, и настоящее вернулось в миры.

Все решили, что победили.

Только сборщик с часами вместо лица остался стоять среди обломков.

Он снял часы.

Под ними оказалось лицо Тихона — взрослого, усталого и незнакомого.

— Вы вернули настоящее не туда, — сказал он. — Теперь оно принадлежит миру, в котором вы никогда не встретились.

Глава восемьдесят седьмая

Мир без знакомства

Взрослый Тихон снял часы и положил их на обломок Банка. Без циферблата его лицо стало моложе, но глаза остались глазами человека, слишком долго следившего за чужим временем.

— Что значит «мир, где мы не встретились»? — спросил Эраст.

— Значит, вы там есть. Просто слова «вы» больше нет.

Он открыл девятую дверь. Раньше её не существовало ни в груди ребёнка, ни в груди взрослого Тихона. Она появилась снаружи мира, словно кто-то закончил строить выход и забыл предусмотреть вход.

За дверью был обычный город. По улицам ходили люди, в небе не кружили драконы, пророчества продавались только в газетных киосках и стоили дешевле погоды. Мир выглядел настолько спокойным, что Эраст сразу заподозрил катастрофу.

— Где мы? — спросила Вера.

— В настоящем, которое выбрало самую устойчивую историю, — ответил взрослый Тихон. — Здесь вы не встретились, Тарас не вмешался, а первый кашель так и остался простудой.

— И мир не погиб?

— Ни разу.

Тарас оглядел чистые фасады.

— Подозрительно низкая деловая активность.

На углу висела вывеска «Кунилин Эраст Акакиевич. Ремонт часов и осторожных надежд». За стеклом сидел другой Эраст — аккуратный, спокойный, неженатый. Он чинил карманные часы и ни разу не смотрел на дверь в ожидании конца света.

Настоящий Эраст остановился.

— Вот кем я мог стать?

— Нет, — сказал взрослый Тихон. — Вот кем ты стал, когда не встретил остальных.

В мастерскую вошла женщина. Это была Вера — здешняя, строгая, уверенная и совершенно незнакомая часовщику. Она положила на стойку сломанные часы.

— Они отстают, — сказала она.

— На сколько?

— На одну жизнь.

Другой Эраст открыл корпус и не заметил, что их пальцы почти соприкоснулись.

Вера рядом с настоящим Эрастом тихо вдохнула.

— Они всё-таки встретились.

— Нет, — ответил взрослый Тихон. — Они пересеклись. Встреча — это когда после неё оба становятся другими.

Другой Эраст починил часы, получил плату и пожелал хорошего дня. Здешняя Вера ушла.

Мир продолжил быть устойчивым.

Тихон-ребёнок подошёл к взрослой версии себя.

— Если они не встретились, откуда ты взялся?

— Я не их сын.

— Чей?

Взрослый Тихон посмотрел на девятую дверь.

— Этого мира.

За их спинами другой Эраст впервые кашлянул.

Все часы в мастерской остановились.

Глава восемьдесят восьмая

Эраст который никого не спас

Другой Эраст кашлянул второй раз и вежливо извинился перед часами. Часы не приняли извинение: стрелки повернулись к нему, как маленькие обвиняющие пальцы.

— Не пугайте его, — сказал взрослый Тихон. — В этом мире кашель никогда не становился событием.

— Уже стал, — ответила Если.

Мастерская начала заполняться непрожитыми вариантами. Из шкафов выходили драконы, не встреченные героем. На верстаке выросла гора, которую он не спас. Под потолком висела свадьба, на которой его не было, и выглядела довольно организованной.

Другой Эраст увидел настоящего.

— Вы кто?

— Длинная история.

— Я закрываюсь через десять минут.

— Тогда короткая: я — ты, только с катастрофами.

Часовщик осмотрел его одежду, ожоги, следы древней энергии и шарф, завязанный Маргаритой Всеволодовной.

— Соболезную.

Настоящий Эраст ожидал зависти, восхищения или хотя бы желания обменяться жизнями. Другой Эраст лишь вернулся к часам.

— Тебе не интересно, сколько миров ты мог спасти?

— Если они существуют без моего спасения, значит, всё сделал правильно.

Эта фраза ударила сильнее любого обвинения Дальнего.

Часовщик жил один, но не был одинок. У него были соседи, работа, любимая скамейка у реки и привычка по воскресеньям кормить птиц, которые не считали это подвигом. Он не знал Веру, Тараса, Миру и Тихона, однако никого не потерял.

— Ты счастлив? — спросил Эраст.

— Иногда. В остальное время занят.

— А смысл?

— Чиню то, что могу. Остальное не ломаю.

Тарас наклонился к настоящему Эрасту.

— Опасный человек. Если такие размножатся, спасители останутся без работы.

Другой Эраст разобрал остановившиеся часы. Внутри вместо механизма лежало настоящее — то самое, которое герои вернули не туда.

— Кто положил это сюда? — спросил он.

Взрослый Тихон поднял руку.

— Я.

— Зачем?

— Чтобы вы впервые встретились не из-за угрозы миру.

На пороге появилась здешняя Вера. Она вернулась за часами и увидела толпу незнакомцев, драконицу, двух Тарасов и собственного двойника.

— Я, кажется, не вовремя, — сказала она.

Поздно улыбнулась.

— Впервые это моя реплика.

Здесьняя Вера посмотрела на часовщика.

— Вы опять кашляете?

— Мы знакомы?

— Нет. Но я слышала вас с улицы.

Они встретились взглядами.

Мир содрогнулся.

Устойчивость дала первую трещину.

Глава восемьдесят девятая

Вера которая не ждала

Здесьняя Вера руководила Управлением предотвращения невозможного. Поскольку невозможного в этом мире официально не происходило, ведомство считалось образцовым и ежегодно перевыполняло план по отсутствию происшествий.

— Все пройдёте со мной, — сказала она. — Особенно дракон и два одинаковых мужчины с документами на одну Вселенную.

— Дракон здесь один, — заметила Мира.

— Тогда особенно он.

В управлении героев рассадили по отдельным кабинетам, чтобы их версии реальности не сговаривались. Тарас немедленно сговорился с собой через вентиляцию.

Здесьняя Вера допрашивала настоящую.

— Кто вы?

— Ты, если бы однажды подождала.

— Я не жду.

— Знаю. Поэтому у тебя всё вовремя и ничего навсегда.

Здесьняя Вера не носила короны, но привыкла, что её решения исполняют. Она предотвратила сотни войн, закрыла все опасные переходы и запретила пророчества как форму вмешательства будущего в частную жизнь.

— Разумно, — признала настоящая Вера.

— Тогда почему вы смотрите на меня с жалостью?

— Потому что разум — не единственное, чем живут.

— А чем ещё?

За стеной Эраст спорил с собственным двойником, Тарас требовал бесплатного адвоката у себя же, а Мира пыталась объяснить пожарной охране, что огонь находится при ней на законных основаниях.

Настоящая Вера улыбнулась.

— Вот этим шумом.

Взрослый Тихон раскрыл настоящее внутри часов. Мир получил все события, которых избегал. На улицах возникли забытые возможности. Люди вспоминали тех, с кем могли познакомиться, работы, которые могли выбрать, детей, которых могли родить.

Управление предотвращения невозможного захлебнулось заявлениями.

— Закройте настоящее, — приказала здесьняя Вера.

— Нельзя, — сказал взрослый Тихон. — Оно уже началось.

— Тогда верните прежнее.

— Прежнее тоже настоящее. Просто вы его не замечали.

Город разделился. Одни требовали оставить спокойную жизнь. Другие хотели прожить всё упущенное сразу. Третьи организовали комиссию и тем самым доказали, что катастрофа уже стала государственной.

Здесьняя Вера вышла на площадь.

— Я сохраняю порядок.

— Какой? — спросила настоящая. — Тот, который был, или тот, который теперь возможен?

Ответить она не успела. Из толпы вышла маленькая девочка с глазами Тихона.

— Мама, — сказала девочка здешней Вере.

Та отступила.

— У меня нет детей.

— Поэтому я и пришла.

Взрослый Тихон закрыл глаза.

— Это моя мать.

Глава девяностая

Тарас без долгов

Пока Веры выясняли родство, Тарас отправился искать себя. Он нашёл двойника в самом высоком здании города. На двери значилось: «Тюлькин Тарас Ананиевич. Владелец всего, что удалось оформить».

— Наконец-то удачная версия, — обрадовался Тарас.

В кабинете сидел безупречный мужчина в дорогом костюме. На столе не было ни одной расписки, в шкафу — ни одного чужого долга. Он владел половиной города и никому ничего не был должен.

— Цель жизни достигнута, — прошептал Тар.

— Кто вы? — спросил здешний Тарас.

— Ты, только беднее и интереснее.

Двойник вызвал охрану. Настоящий Тарас предъявил договор о создании Вселенной. Охрана увидела подпись начальника и решила сначала уволиться, а потом разбираться.

Здешний Тарас изучил договор.

— Я бы такое не подписал.

— Поэтому у тебя ничего не случилось.

— У меня всё есть.

— Кто рядом?

Двойник нажал кнопку. В кабинет вошли секретари, советники и люди, чьи улыбки были включены в должностные обязанности.

— Я спросил не кто работает. Кто останется, если ты перестанешь платить?

Здешний Тарас задумался и тут же приказал повысить всем зарплату. Вопрос показался ему опасным.

Тар прошёл вдоль стены с наградами. На каждой было написано «за отсутствие риска». Ни одного провала, ни одной спасательной операции, ни одной дружбы с человеком, который постоянно втягивает тебя в конец света.

— Ты счастлив? — спросил настоящий Тарас.

— У меня нет причин быть несчастным.

— Это не ответ.

— Это финансовая устойчивость.

Из раскрытого настоящего в город пришли долги других вариантов. Расписки дождём посыпались на крышу. Оказалось, здешний Тарас разбогател потому, что все его рискованные решения совершали другие версии, а прибыль стекалась к самой осторожной.

— Несправедливо, — сказал настоящий.

— Законно, — ответил двойник.

— Это худший вид несправедливости.

Кредиторы окружили здание. Среди них были боги, титаны, драконы и одна старушка, которой Тарас в другом мире обещал занести табурет.

Здешний двойник побледнел.

— Что им нужно?

— Чтобы ты стал мной.

— Никогда.

Слово прозвучало слишком громко.

В небе открылось чёрное окно. Из него выглянула сила древнее Поздно.

Она услышала своё имя.

Часть девятая

Мир который отказался

Глава девяносто первая

Никогда приходит вовремя

Никогда вошло в мир через отказ здешнего Тараса. Оно не имело тела, потому что тело когда-нибудь заканчивается. Вместо лица у него была закрытая дверь, вместо рук — перечёркнутые дороги.

Поздно отступила.

— Ты не должно было появиться.

— Именно поэтому я существую, — ответило Никогда.

Если объяснила: до времени Возможность делилась не только на случившееся и опоздавшее. Были варианты, которые сами отказались становиться реальностью. Из них и выросло Никогда.

— Чего оно хочет? — спросил Эраст.

— Чтобы решения стали окончательными.

Никогда коснулось города. Все двери закрылись навсегда. Сломанные часы перестали подлежать ремонту. Люди, однажды не встретившиеся, больше не могли встретиться даже случайно.

Здесьняя Вера посмотрела на девочку, называвшую её матерью.

— Я не могу быть твоей мамой.

— Можешь, — сказала девочка. — Но не была.

— Теперь уже никогда, — подтвердило существо.

Девочка начала исчезать.

Взрослый Тихон бросился к ней, но между ними выросла стена из непринятых решений.

— Почему ты называешь её матерью? — спросил Тихон-ребёнок.

— Потому что я её сын, — ответил взрослый. — В одном из вариантов она выбрала ребёнка без отца. Я родился не от человека, а от решения не ждать.

— А девочка?

— Моё детство. В этом мире пол ещё не было решено окончательно.

Никогда разделило их. Взрослый Тихон остался мужчиной, девочка — несостоявшейся возможностью.

Настоящая Вера схватила здесьнюю за руку.

— Выбери её сейчас.

— Это не моя дочь.

— Станет твоей после выбора.

— А если я не справлюсь?

— Тогда будете семьёй. Там все не справляются вместе.

Здесьняя Вера шагнула сквозь стену и обняла девочку. Никогда треснуло.

— Выбор сделан поздно, — сказала оно.

Поздно улыбнулась.

— Значит, он мой.

Две древние силы столкнулись. Поздно возвращало вторые попытки. Никогда закрывало их. Между ними рождалось Сейчас — короткое пространство, где ещё можно изменить решение.

Эраст посмотрел на здешнего себя и Веру.

— Встретьтесь сейчас.

Они молчали.

Никогда подняло перечёркнутую руку.

Глава девяносто вторая

Первое знакомство второй раз

Чтобы встреча состоялась, одного знакомства было мало. Другой Эраст и здешняя Вера должны были добровольно изменить друг другу жизнь, не зная, станет ли она лучше.

— Очень невыгодные условия, — оценил Тарас.

— Поэтому и настоящие, — сказала Вера.

Никогда приближалось. За ним исчезали мосты, письма и слова, которые люди собирались произнести когда-нибудь.

Другой Эраст протянул здешней Вере починенные часы.

— Они больше не отстают.

— На одну жизнь?

— На один разговор. Остальное придётся чинить вам.

Она взяла часы.

— Хотите выпить чаю?

Никогда остановилось.

— Это встреча? — спросил Тихон.

— Пока приглашение, — ответила Если.

— А если чай плохой? — спросил другой Эраст.

— Тогда у нас сразу появится общая проблема.

Они ушли в мастерскую. Мир содрогнулся второй раз, но не разрушился. Устойчивость не исчезла — она научилась двигаться.

Никогда попыталось закрыть дверь, однако Маргарита Всеволодовна поставила в проём стул.

— Дверьми не хлопать.

— Я древняя сила.

— А дверь новая.

Никогда впервые столкнулось с запретом, который не имело права отменить. Оно отступило от мастерской.

Тем временем настоящее начало создавать ложные воспоминания, чтобы объяснить новые связи. Жители города внезапно помнили свадьбы, которых не было, общих друзей, ещё не представленных друг другу, и семейные ссоры по вопросам, до которых не успели дожить.

Другой Эраст вспомнил, как познакомился с Верой десять лет назад. Здешняя Вера помнила, что впервые увидела его утром. Оба воспоминания казались настоящими.

— Если прошлое подстроится под встречу, этот мир станет копией нашего, — сказал Эраст.

— А вместе с ним придут все катастрофы, — добавил Дальний.

Взрослый Тихон кивнул.

— Поэтому я перенаправил настоящее сюда. Мне нужен был мир, способный выбрать встречу, но не повторить вашу историю.

— Зачем?

— Чтобы доказать, что вы важны друг другу, но не обязательны для Вселенной.

Эраст неожиданно почувствовал облегчение. Быть необязательным оказалось не унижением, а свободой.

Тарас почувствовал то же и немедленно попытался оформить свободу как услугу.

На площади появились первые драконы этого мира. Они были маленькими, мирными и работали уличными фонарями.

Мира посмотрела на них с ужасом.

— До чего доводит отсутствие катастроф.

Один фонарь кашлянул огнём.

Никогда повернулось к нему.

Кашель начинался снова, но теперь не знал, чью историю повторять.

Глава девяносто третья

Эпидемия чужой памяти

К утру весь город помнил по две жизни. В одной люди никогда не встречали невозможного. В другой они спасали миры, любили драконов, спорили с богами и регулярно одалживали деньги Тарасу.

Последнее воспоминание оказалось самым устойчивым. У дома здешнего Тараса выстроилась очередь кредиторов из людей, которых он никогда не видел.

— Это не мои долги, — повторял он.

— Теперь память общая, — сказал настоящий Тарас. — Поздравляю с интеграцией.

Савара обследовала заболевших. Ложные воспоминания не были ложью: они действительно принадлежали другим вариантам тех же людей. Настоящее пыталось соединить миры, не уничтожая различий, но человеческая память оказалась слишком маленькой для нескольких биографий.

Кто-то забывал настоящее имя. Кто-то просыпался рядом с незнакомым супругом и помнил сорок лет счастливого брака. Один сапожник считал себя древним титаном, но продолжал чинить обувь, потому что работа была срочная.

— Нужно разделить память, — сказала Савара.

— Тогда исчезнут новые встречи, — ответил взрослый Тихон.

— Или объединить людей, — предложил Мирон.

— Тогда исчезнут личности.

Эраст понял, что они вернулись к седьмому кашлю: спасти все варианты означало лишить каждый отдельности.

— Мы ищем одно решение для всех, — сказал он. — В этом ошибка.

— Предлагаешь каждому решать самому? — спросила Вера.

— Да. И отвечать за то, что забудет.

На площади поставили семь дверей памяти. Первая сохраняла прожитое. Вторая — возможное. Третья позволяла оставить одно чужое воспоминание. Четвёртая стирала боль, но вместе с ней урок. Пятая сохраняла боль без обиды. Шестая не объясняла ничего. Седьмая вела обратно.

Люди выбирали по-разному. Сапожник оставил память титана, потому что после неё перестал бояться крупных заказов. Здешний Тарас сохранил один долг — старушке за табурет.

— Почему именно этот? — спросил настоящий.

— Хочу понять, зачем ты обещал.

— Она попросила.

— И всё?

— Иногда долг — это способ помнить, что тебя ждали.

Здешний Тарас впервые посмотрел на двойника без презрения.

Другой Эраст выбрал память о Тихоне, хотя в его жизни сына не было. Здешняя Вера сохранила воспоминание о девочке, которую только что приняла.

Настоящая Вера подошла к двери.

— Что выберешь? — спросил Эраст.

— Всё своё. И одну жизнь, где я тебя не встретила.

— Зачем?

— Чтобы помнить: я выбрала тебя, а не просто не имела другого мира.

Эраст сделал то же.

Эпидемия закончилась. У каждого осталось ровно столько прошлого, сколько он согласился нести.

Только взрослый Тихон не вошёл ни в одну дверь.

— У меня нет собственной памяти, — признался он. — Я собран из того, что вы забыли.

Глава девяносто четвёртая

Сын забытых решений

Взрослый Тихон раскрыл грудь. За девятью дверями не было миров. Там находились решения Эраста и Веры, от которых они когда-либо отказались: не сказанные слова, не выбранные дороги, не прожитые дни.

— Ты не наш будущий сын? — спросила Вера.

— Я ваш забытый выбор.

— Но ты жил, старел, работал сборщиком времени.

— Всё забытое где-то продолжает жить. Иначе забвение было бы убийством.

Дальний приблизился к нему.

— Я встречал тебя в своём будущем?

— Ты создал меня. Каждый раз, когда решал пожертвовать собой и не спрашивал остальных, куда девать жизнь после твоей жертвы.

Взрослый Тихон вырос из неиспользованного будущего семьи. Он носил лица их возможных детей, возраст Эраста, упрямство Веры и странную склонность Тараса проверять условия договора.

— Почему ты стал сборщиком? — спросил Тихон-ребёнок.

— Хотел вернуть себе время, которое вы не прожили.

— Получилось?

— Я вернул его вам.

— А себе?

Взрослый не ответил.

Никогда приблизилось. Сын забытых решений принадлежал ему по праву: всё, от чего отказались навсегда, становилось частью древней силы.

— Отдай его, — потребовал Эраст.

— Он никогда не был твоим.

— Тогда пусть решит сам.

Никогда не знало такого правила. Отказ можно было забрать, но нельзя было заставить отказавшееся выбрать.

Взрослый Тихон посмотрел на семью, которая могла бы стать его семьёй.

— Если я останусь, ребёнок Тихон исчезнет. Мы занимаем одно место в будущем.

— Мест хватит, — сказала Маргарита Всеволодовна. — В крайнем случае Тарас потеснится.

— Я не исчезну физически. Исчезнет разница между нами. Он получит мои воспоминания и перестанет быть ребёнком.

Тихон-ребёнок взял взрослого за руку.

— А если ты уйдёшь?

— Стану частью Никогда.

— Третий вариант?

— Нет.

— Значит, плохо искали.

Он открыл восьмую дверь — ту, через которую люди отдавали время друг другу добровольно. Все присутствующие положили туда по одному непрожитому мгновению.

Из мгновений возникло отдельное будущее. Маленькое, неопределённое и ничьё.

— Живи там, — сказал ребёнок. — Не вместо меня и не вместо них.

Взрослый Тихон шагнул к двери.

Никогда ударило перечёркнутой рукой. Девять дверей разлетелись, освобождая забытые решения.

Они поднялись над миром чёрной стаей.

Каждое шептало: «Уже поздно».

Поздно ответила: «Ещё нет».

Между ними раскрылось небо до появления времени.

Оттуда спустилась женщина с книгой в руках. На обложке было написано «Спасти мир и не кашлять».

— Наконец-то, — сказала она. — Герои дошли до главы, в которой узнают, кто написал первое пророчество.

Глава девяносто пятая

Женщина которая прочитала всех

Женщина опустилась на землю осторожно, будто боялась помять эпоху. На вид ей было лет сорок, если не считать глаз: глаза явно появились раньше счёта и с тех пор относились к арифметике настороженно.

Книга в её руках была толстой, потрёпанной и перевязанной ремнём. На обложке золотилось название «Спасти мир и не кашлять». Ниже мелкими буквами значилось: «Издание первое, исправленное будущим».

— Кто вы? — спросил Эраст.

— Астрейя Доалфавитная. Первая летописца.

— Летописец, — машинально поправила Савара.

— В моё время окончания ещё не изобрели. Пользовались теми, которые подходили по смыслу и погоде.

Тарас заглянул за её плечо.

— А тираж большой?

— Один экземпляр.

— Эксклюзив. Уже лучше. Права кому принадлежат?

— Тому, кто доживёт до последней страницы.

Тарас немедленно отступил. Условия показались ему литературными, а значит, особенно опасными.

Астрейя открыла книгу. На первых страницах были нарисованы не драконы и не люди, а огромные существа, державшие на плечах молодые материки. Между ними текла светящаяся энергия. Она не была ни огнём, ни молнией, ни магией. Она выглядела как намерение, которое ещё не выбрало поступок.

— Это было до драконов, — сказала Астрейя. — До богов. До времени в его нынешней, чрезмерно организованной форме.

— А пророчество? — напомнила Вера. — Вы сказали, мы узнаем, кто его написал.

— Узнаете.

— Когда?

— Когда перестанете перебивать главу.

Маргарита Всеволодовна одобрительно кивнула. Наконец появилась женщина, способная вести разговор при наличии Тараса.

Астрей перелистнула книгу до самого конца. Последняя заполненная страница описывала их нынешнюю встречу слово в слово. Следующая была чистой.

— Дальше ничего нет? — спросил Тихон.

— Дальше вы ещё не сделали.

— Тогда откуда взялось первое пророчество?

Астрей закрыла книгу.

— Его переписали с последней страницы.

— Но последняя страница пустая.

— Теперь понимаете масштаб неприятности.

Над ними сгустилось небо до появления времени. Забытые решения кружили чёрной стаей, Никогда тянулось к ним, Поздно удерживало за края. Астрей провела пальцем по корешку книги.

— Чтобы заполнить конец, придётся вернуться туда, где ещё не было начала.

Глава девяносто шестая

Книга читает читателя

Астрей положила книгу на землю. Земля тут же попыталась стать страницей: камни вытянулись в буквы, трава расставила запятые, а один особенно честлюбивый куст объявил себя эпитафией.

— Не наступайте на текст, — предупредила летописца. — Потом будете жаловаться, что судьба написана мелким шрифтом.

Эраст заглянул в раскрытый том и увидел себя. Не описание — самого себя, только плоского и напечатанного. Печатный Эраст заглядывал в книгу, где другой Эраст тоже заглядывал в книгу. На пятом повторении у него заболела голова, а на седьмом Тарас предложил брать плату за вход.

— Она показывает будущее? — спросила Вера.

— Нет. Будущее слишком часто меняет показания. Книга читает того, кто её открыл, и записывает наиболее упрямый вариант.

Вера коснулась страницы. Там появилась строка: «Вера не доверяла книге, потому что книга слишком быстро поняла причину».

Она убрала руку.

— Неприятная вещь.

— Хорошая литература редко бывает удобной, — сказала Астрей. — Удобной бывает инструкция к табурету. И то до первого лишнего винта.

Здесьшний Тарас поискал в книге своё имя. Нашёл двести восемь упоминаний, из них сто девяносто семь сопровождалось словами «долг», «расписка» или «необъяснимым образом». Он закрыл страницу ладонью.

— Предвзятое издание.

Настоящий Тарас просиял.

— Зато документальное.

Тихон-ребёнок заметил, что взрослого Тихона в книге почти нет. Его строки начинались, но обрывались перед точкой.

— Почему она тебя не дописывает?

— Потому что я состою из вычеркнутого, — ответил взрослый Тихон. — Для книги я не человек, а редакция.

Астрей посмотрела на него внимательнее.

— Ты и принёс мне этот том.

— Я вас не помню.

— Конечно. Ты отдал воспоминание, чтобы доставка состоялась до твоего рождения.

Взрослый Тихон пошатнулся. Девятая дверь в его груди открылась, и оттуда выпал маленький металлический знак. На нём было выбито: «Архив времён до драконов. Посетитель номер последний».

Мира наклонилась над знаком.

— До драконов никого не было.

— Были, — сказала Астрея. — Просто драконы потом очень удачно переписали учебники.

Мира оскорблённо расправила крылья.

— Мы не переписываем историю.

— Вы её сжигаете, а затем диктуете по памяти. Это эффективнее.

Книга сама раскрылась посередине. Из сгиба поднялся ветер, пахнувший камнем, грозой и первым словом, которое ещё не решило, каким языком стать.

Страницы превратились в лестницу вниз.

На нижней ступени стояла надпись: «До начала осталось три шага».

— Почему три? — спросил Эраст.

— Потому что первый всегда лишний, — ответила Астрея и шагнула на него.

Глава девяносто седьмая

Архив времён до драконов

Лестница привела их не в прошлое, а под него. Над головой прозрачными слоями лежали эпохи: города, королевства, драконьи войны, первые боги. Всё это держалось на чём-то огромном, медленно дышавшем во тьме.

— Это титан? — прошептал Эраст.

— Это полка, — ответила Астрея.

Полка открыла глаз размером с озеро.

— А это заведующий архивом.

Заведующего звали Глыб. Он был одним из Опор — гигантских существ, на которых молодая реальность складывала то, что пока не умела удерживать сама. На спине Глыба хранились горы. В бороде зимовали громы. Левое колено считалось полуостровом и требовало автономии.

— Цель посещения? — прогрохотал он.

— Найти первое пророчество, — сказала Вера.

— Форма семь до возникновения форм.

Тарас оживился.

— Где получить?

— После заполнения.

— А заполнить?

— После получения.

Тарас с уважением снял шляпу. Перед ним стояла бюрократия настолько древняя, что люди явно произошли не от обезьяны, а от очереди.

Глыб позволил им пройти по своей ладони. На ней располагался архив: пещеры с ещё не случившимися событиями, скрижали без букв и сосуды, наполненные первородной энергией. На каждом сосуде висела табличка: «Не открывать до появления причины».

Эраст кашлянул в кулак.

Все сосуды повернулись к нему.

— Вот причина, — сказал один.

— Мы ждали более убедительную, — сказал второй.

— Но сроки поджимают, — признал третий.

Астрея быстро закрыла Эрасту рот страницей из книги.

— Здесь кашлять нельзя. В те времена энергия исполняла не желания, а случайные движения души. Испугаетесь — родится чудовище. Разозлитесь — появится война. Захотите чаю — возникнет море кипятка и культ заварочного листа.

Тарас немедленно захотел денег.

Из пола вырос золотой столб и придавил ему ногу.

— Желание исполнено буквально, — пояснил Глыб. — Первородная энергия не обязана понимать намёки.

Мира почувствовала зов из глубины архива. Между сосудов лежала единственная чешуя — огромная, белая и холодная. Когда драконица коснулась её, по пещерам прокатился рёв миллионов ещё не рождённых драконов.

— Чья она? — спросила Мира.

Глыб закрыл озёрный глаз.

— Твоя.

— Я ещё не родилась.

— Поэтому и хранится в архиве.

На обратной стороне чешуи было вырезано первое предложение пророчества: «Когда человек кашляет в тишине до первого утра...»

Почерк принадлежал Вере.

Глава девяносто восьмая

Почерк которого не было

Вера сравнила надпись со своей подписью на договоре Тараса. Буквы совпадали, включая привычку перечёркивать букву «т» так, словно та лично нарушила границу.

— Я этого не писала.

— Ещё не писала, — уточнила Астрей.

— Тогда откуда у вас мой почерк?

— Из вашей руки.

— Которой я ещё не писала.

— Теперь понимаете, почему я предпочитаю каменные таблички. Они хотя бы не спорят о времени изготовления.

Эраст осмотрел чешую. Под первой строкой проступали новые слова, но прочитать их мешал тонкий слой пепла. Мира выдохнула на него. Вместо огня появился холодный свет, и пепел сложился в крошечного дракона.

Тот чихнул, назвал Миру мамой и спрятался у неё под крылом.

— Это недоразумение, — сказала она.

— Так обычно начинаются династии, — заметила Маргарита Всеволодовна.

Чешуя показала вторую строку: «...мир услышит не болезнь, а дверь».

Дальше шёл обрыв.

— Остальное написано на первой печати, — сказал Глыб. — Её забрали молодые боги.

— Боги уже существовали? — спросил Тихон.

— Они только устраивались. Сначала были явлениями природы, потом потребовали имена, полномочия и отдельные облака. После этого неизбежно возникло руководство.

Астрей объяснила: боги появились, когда первородная энергия научилась повторять привычки людей, которых ещё не было. Гром захотел, чтобы его боялись, море — чтобы ему приносили подарки, а судьба сразу потребовала не отвечать за результат.

— А титаны? — спросил Эраст.

— Опоры устали держать мир и попросили смену. Боги отказали. Так началась первая война поколений — ещё до появления поколений.

Глыб протянул им каменную карту. На ней золотой точкой мигала гора, стоявшая вверх корнями.

— Там Дворец первых должностей. Печать хранит бог Начальник.

— Как его зовут?

— Он ещё не решил. Пока требует обращаться по должности.

Тарас забрал карту.

— Я поговорю с ним на понятном языке.

— Ты знаешь язык богов? — спросил Эраст.

— Любая высшая сила понимает две вещи: лесть и смету.

Они направились к выходу из архива. Мира несла белую чешую и маленького дракона, который понемногу обрастал цветом. Сначала у него стали рыжими уши, потом хвост, а затем характер.

Перед дверью Глыб остановил Эраста одним пальцем.

— Человек, который кашляет. Ты уже приходил сюда.

— Когда?

— После того, как уйдёшь.

— И что я сделал?

— Попросил стереть тебе память.

Вера сжала руку Эраста.

— Зачем?

Глыб посмотрел на чешую с её почерком.

— Чтобы пророчество снова стало выбором, а не воспоминанием.

Часть десятая

Время до начала

Глава девяносто девятая

Боги проходят собеседование

Дворец первых должностей стоял на вершине перевёрнутой горы и держался исключительно на уверенности строителей. Поскольку строителей ещё не существовало, уверенность была безграничной.

У входа толпились молодые боги. Один претендовал на рассвет, другой — на внезапные совпадения, третий хотел заведовать дождём по выходным. Каждый держал свиток с перечнем чудес и справку об отсутствии человечества.

— Без опыта работы людей не пугаем, — объявлял страж с головой грома. — Конец света только по предварительной записи.

Тарас подошёл к окошку.

— Нам к Начальнику.

— Основание?

— Есть предложение, после которого он станет ещё начальнее.

Страж задумался. Таких оснований инструкция не предусматривала, а потому сочла убедительными.

В тронном зале сидело существо из чистого приказа. У него не было лица, зато имелось семь указательных пальцев и печать на груди. Каждое произнесённое им слово немедленно становилось правилом природы.

— Стоять, — сказал Начальник.

Даже время остановилось. Поздно замерла на полушаге, Никогда — на полуотказе. Только Маргарита Всеволодовна продолжила идти.

— Я сказала стоять.

— Вы сказали не мне.

Начальник впервые столкнулся с толкованием нормативного акта и почувствовал приближение цивилизации.

Вера показала белую чешую.

— Нам нужна первая печать. На ней продолжение пророчества.

— Пророчества запрещены до появления будущего.

— Вот распоряжение из будущего, — Тарас протянул договор о создании Вселенной.

Начальник прочитал подписи, нашёл собственную, хотя ещё не умел писать, и заметно смягчился.

— Документ составлен с нарушениями.

— Поэтому действует во всех эпохах, — объяснил Тарас.

Печать на груди бога раскрылась. Внутри вращалась первородная энергия, сжатая до одного слова: «Будет».

Астрей побледнела.

— Не прикасайтесь. Это первое утверждение мира. Всё, к чему оно присоединится, станет неизбежным.

Начальник поднял печать над чешуёй.

— Пророчество будет исполнено.

— Подождите, — сказал Эраст.

Но слово уже упало.

Белая чешуя вспыхнула. На ней появилась третья строка: «...и тот, кто спасёт всех, исчезнет из собственной истории».

Эраст почувствовал, как книга перестаёт узнавать его.

Глава сотая

Автор первого пророчества

Имя Эраста исчезло сначала с обложки его судьбы, потом из памяти мелких предметов. Сапоги забыли форму его ног. Карманы перестали находить монеты, которых там не было. Даже кашель на мгновение растерялся и выбрал Тараса.

Тарас кашлянул.

— Верните владельца. У него это получается дешевле.

Вера схватила Эраста за рукав. Рукав помнил её лучше, чем хозяина, и остался.

— Отмените печать, — потребовала она.

— Первое утверждение не отменяется, — сказал Начальник. — Иначе всё снова станет возможным.

— Это уже было, — заметил Дальний. — Ничего хорошего.

Астрей раскрыла книгу. Строки, где действовал Эраст, бледнели. На их месте оставались поступки без исполнителя: миры спасались сами, драконы женили неизвестно кого, Тарас занимал деньги у пустого стула.

— Нужно дописать автора пророчества, — сказала летописца. — Пока у текста нет автора, печать считает автором героя и забирает его в оплату.

— Так напишите себя, — предложил Тарас.

— Я переписчица. Если подпишусь, книга станет подделкой.

— Наконец-то документ с принципами. Редчайший и непрактичный вид.

Вера взяла осколок чешуи. Почерк послушно возник под строками, но имя не появилось.

— Я писала слова. Значит, автор я.

— Автор — не тот, кто пишет, — ответила Астрей. — Автор — тот, чьё решение заставляет слова существовать.

Все посмотрели на Эраста. Он уже стал полупрозрачным.

— Я не помню, чтобы решал сочинить пророчество.

— Потому что попросил стереть память, — напомнила Вера.

Взрослый Тихон открыл девятую дверь. Из неё вышло забытое решение Эраста — маленькое, сердитое и очень похожее на него утром.

— Я решил? — спросил Эраст у самого себя.

— Мы решили, — ответило решение. — Ты, Вера и тот, кто ещё не родился.
Тихон-ребёнок поднял руку.

— Я?

— Взрослый ты. Он принёс книгу Астрее. Вера написала текст. Эраст согласился стать героем, не зная, что уже им был.

— Тогда кто автор? — спросила Мира.

Решение указало на троих.

— Семья. Та, которой в момент написания ещё не существовало.

На чешуе проступила подпись: «Эраст, Вера и Тихон Кунилины. По поручению тех, кого успеют спасти».

Имя Эраста вернулось. Сапоги вспомнили ноги, карманы — отсутствие денег, кашель — законного владельца.

Тарас облегчённо выдохнул.

— Семейное авторство. Значит, гонорар можно делить, а ответственность оставить общей.

Книга захлопнулась и ударила его по пальцам.

На чистой последней странице появилось одно слово: «Неправда».

Глава сто первая

Почему появились драконы

Начальник вернул время одним движением пальца. Поздно закончила шаг, Никогда — отказ, а Маргарита Всеволодовна, не заметив остановки, успела переставить трон так, чтобы не мешал проходу.

Белая чешуя в руках Миры стала тёплой. Маленький дракон под её крылом вырос до размера кота и немедленно сел с выражением существа, которое уже считает дом своим.

— Если чешуя моя, почему я её не помню? — спросила Мира.

Астрея перевернула страницу с рисунком первородной энергии.

— Потому что ты была не первым драконом. Ты была решением создать драконов.

До их появления энергия исполняла каждый сильный порыв. Титаны злились — возникали вулканы. Боги завидовали — появлялись моря с соседской стороны материка. Глыб однажды чихнул и создал горную систему, за которую до сих пор не извинился.

— Нужны были существа, способные проглатывать лишнюю энергию и выпускать её дозированно, — продолжила Астрея. — Огонь, лёд, грозу, время. Драконы стали предохранителями мира.

Мира посмотрела на себя.

— Мы — техника безопасности?

— С характером.

— Это хуже.

— Зато красивее, — сказал Эраст.

Мира решила не обижаться до выяснения, комплимент это или техническое заключение.

Первую драконью форму создала Вера — её будущий почерк определил узор чешуи. Эраст дал ей кашель, то есть дверь между внутренним и внешним. Тихон доставил решение в прошлое. Но для рождения вида не хватало одной вещи: существа, готового добровольно стать первым.

— Я согласилась? — спросила Мира.

— Ещё нет.

Никогда подошло ближе.

— Она может отказаться.

Поздно встала с другой стороны.

— Может согласиться потом.

— А сейчас? — спросил Тихон.

Сейчас возникло между ними короткой вспышкой.

— Сейчас она свободна.

Мира долго смотрела на белую чешую. Если она примет её, появятся драконы, войны, разрушенные города и бесконечные попытки людей жениться на том, что умеет сжигать сватов. Если откажется, первородная энергия рано или поздно исполнит чьё-нибудь неудачное настроение и уничтожит мир без всякой поэзии.

— Я согласна, — сказала она. — Но с условием.

Тарас достал перо быстрее, чем Начальник успел запретить договоры.

— Все драконы рождаются свободными и не обязаны спасать людей от последствий человеческой глупости.

— Тогда зачем они нужны? — спросил Начальник.

— Чтобы последствия были дозированными.

Мира коснулась чешуи.

Белый свет разошёлся по миру. Вдалеке раскрылись тысячи яиц, которых секунду назад не существовало. Небо впервые узнало тень крыльев.

А вместе с драконами родился первый настоящий огонь.

Он кашлянул.

Глава сто вторая

Главный герой уходит со страницы

Кашель огня прокатился по временам. В будущем зажглись драконьи пасти, в настоящем чихнули фонари, в прошлом Глыб обнаружил у себя на бороде вулкан и потребовал книгу жалоб.

Эраст почувствовал ответный кашель, но удержал его. Мир замер, ожидая привычной катастрофы.

— Не кашляй, — сказала Вера.

— Я стараюсь.

— Ты всегда стараешься после того, как уже поздно.

Поздно гордо расправила плечи.

— Не отвлекайтесь, он почти мой.

Астрея открыла книгу на последней странице. Теперь там появились слова: «Чтобы спасти мир, Эраст должен перестать быть главным героем».

— Очень расплывчатое требование, — сказал Тарас. — Можно назначить заместителя.

— Нельзя, — ответила Астрея. — Книга выбрала Эраста центром истории. Пока он центр, каждый его кашель открывает дверь, каждое решение становится пророчеством, а каждая попытка пожить спокойно привлекает минимум одну древнюю силу и родственника.

Маргарита Всеволодовна посмотрела на неё строго.

— Родственники здесь ни при чём.

Книга исправила последнее слово на «максимум».

— Как перестать быть главным? — спросил Эраст.

— Отдать историю тому, кто не станет ею владеть.

Все посмотрели на Тараса.

— Я бы не стал, — возмутился он. — Я бы только временно управлял на основании доверенности.

— Поэтому не ты, — сказала Вера.

Тихон-ребёнок подошёл к книге. Страница показала его взрослым, потом старым, потом снова ребёнком. Он мог принять историю и стать тем сборщиком времени, от которого они только что пытались его спасти.

— Не он, — сказал взрослый Тихон.

— Тогда кто? — спросил Эраст.

Маленький дракон высунул морду из-под крыла Миры. На его лбу светилась крошечная буква, похожая одновременно на дверь и знак вопроса.

— У него ещё нет имени, — сказала Мира.

— И прошлого, — добавила Астрея. — Книга не сможет сделать его заложником роли. Эраст присел перед драконом.

— Хочешь стать главным героем?

Дракон укусил его за палец.

— Согласие получено, — объявил Тарас. — Устная форма с печатью зубами.

Эраст приложил ладонь к странице и отдал книге своё место. Боль была короткой: исчезла не жизнь, а привычка мира смотреть на него первым.

Строки перестроились. Эраст остался рядом с Верой, Тихоном и друзьями, но уже не в центре. Впервые за всё путешествие катастрофа возникла и не спросила его мнения.

Книга повернулась к маленькому дракону.

Тот сел на чистую страницу, обернул хвост вокруг лап и кашлянул.

Из кашля выпало яйцо размером с город.

Оно треснуло.

Внутри лежал спящий мир — самый первый, ещё не разделённый на землю, небо и здравый смысл.

Глыб опустился на колени. Начальник снял печать. Даже Никогда отступило.

— Это не мир, — прошептала Астрея. — Это тот, кому мир снился.

Гигантское существо внутри яйца открыло глаз.

И спросило:

— Который из вас придумал людей?

Глава сто третья

Тот кому снился мир

Существо внутри яйца открыло второй глаз. Первый смотрел на героев, второй — на все времена сразу. От такого взгляда прошлое смутилось и попыталось вспомнить, действительно ли оно уже было.

— Который из вас придумал людей? — повторило существо.

Все предусмотрительно посмотрели на Тараса.

— Почему сразу я?

— У тебя договор о создании Вселенной, — напомнил Эраст.

— Это хозяйственный документ. Я отвечал за оформление, а не за содержимое.

Существо поднялось. Яйцо оказалось не оболочкой, а креслом, из которого оно просто очень давно не вставало. Его плечи держали ночь, волосы переходили в звёздную пыль, а на ладони помещался Глыб вместе с архивом и обеденным перерывом.

Астрея поклонилась.

— Сновидец Первого Мира.

— У него есть имя? — шёпотом спросил Тихон.

— Было. Потом из имени сделали пространство, и теперь произнести его можно только изнутри.

Сновидец посмотрел на маленького дракона, занявшего место главного героя.

— Драконов я понимаю. Они удерживают энергию. Титанов понимаю. Они удерживают мир. Богов не понимаю, но это взаимно. А люди зачем?

— Для смысла, — сказала Вера.

— Смысл существовал до них.

— Для любви, — предложил Эраст.

— Она была у звёзд. Они просто не называли её и потому меньше ссорились.

— Для экономики, — сказал Тарас.

Сновидец впервые испугался.

— Вот этого я и боялся.

Астрей раскрыла книгу. Страница не показала ответа. Вместо него возник перечень человеческих изобретений: война, колыбельная, налог, хлеб, предательство, милосердие, очередь, поэзия и дверной замок.

— Слишком противоречиво, — сказал Начальник.

— Это краткая характеристика вида, — ответила Савара.

Сновидец протянул руку. Из будущего посыпались человеческие голоса. Одни молились, другие ругались, третьи объясняли детям, почему нельзя трогать горячее, после чего сами трогали.

— Я не создавал их, — сказал он. — В моём сне люди появились без разрешения.

Никогда приблизилось.

— Значит, их можно отменить.

Поздно вздохнула.

— Как всегда, пришли к разумному решению слишком рано.

Сновидец сжал ладонь. Все человеческие времена собрались в светящуюся точку.

— До первого утра вы докажете, что люди нужны миру. Иначе я проснусь.

— Что тогда будет? — спросил Тихон.

— Ничего, — ответила Астрей. — Буквально.

Глава сто четвёртая

Суд до появления закона

Для суда выбрали ровное место на ладони Сновидца. Начальник немедленно объявил его залом заседаний, Глыб — недвижимостью, а Тарас попытался оформить аренду задним числом, которого ещё не существовало.

— Кто будет судьёй? — спросил Эраст.

— Я, — сказал Сновидец.

— Вы одновременно заявитель и причина возможного уничтожения человечества, — возразила Вера.

— В начале мира разделения полномочий не было.

— Поэтому мир так быстро дошёл до нас, — заметил Тарас.

После короткого спора судьёй назначили Сейчас. Оно существовало лишь одно мгновение, зато не имело прошлого, связей и времени для взятки. Чтобы заседание не закончилось сразу, Поздно растянула мгновение, а Никогда запретило ему завершаться. Впервые две древние силы сотрудились и обе выглядели недовольными.

Обвинителем выступил Начальник.

— Люди нарушают порядок, меняют правила, называют случайность судьбой, а собственную глупость — исторической необходимостью.

— Возражаю, — сказал Тарас. — Последнее является сложившейся практикой.

— Защитник уже выбран? — спросило Сейчас.

Все снова посмотрели на Тараса.

— У меня нет юридического образования.

— Именно поэтому ты идеально представляешь человечество, — сказала Маргарита Всеволодовна.

Первым доказательством обвинения стала война. Начальник извлёк её из книги, и над ладонью Сновидца возникли армии всех эпох. Люди убивали людей из-за земли, веры, власти и неправильного произношения названия соседней реки.

Вторым доказательством стал голод рядом с полными складами.

Третьим — одиночество в переполненном городе.

Эраст хотел возразить, но теперь он не был главным героем. История не остановилась, чтобы дать ему слово. Это оказалось обидно и удивительно полезно: он впервые слушал, не готовя спасительную фразу.

— Есть ли у защиты доказательства? — спросило Сейчас.

Тарас порылся в карманах и достал расписку старушки за табурет.

— Вот.

Начальник рассмеялся громом.

— Этим ты оправдаешь весь вид?

— Нет. Но эта бумага доказывает, что человек может помнить чужую просьбу дольше, чем собственную выгоду.

— Табурет ты так и не принёс, — напомнил Эраст.

— Суд оценивает намерение.

— Суд оценивает всё, — сказала Сейчас.

— Тогда прошу перерыв.

— Для чего?

— Чтобы всё-таки принести табурет.

Сейчас впервые улыбнулось. Суд получил первое человеческое доказательство: попытку исправить то, чем только что хвастался.

Глава сто пятая

Свидетели против человечества

Первым свидетелем вызвали Глыба. Он поднял руку, поклялся говорить правду и случайно заслонил половину ещё не созданного солнца.

— Что люди сделали с титанами? — спросил Начальник.

— Назвали нас мифами.

— То есть отрицали ваше существование?

— Хуже. Нарисовали с маленькими головами.

По архиву прошёл возмущённый гул Опор. Для гигантских существ вопрос пропорций оказался болезненнее забвения.

Тарас начал перекрёстный допрос.

— Люди когда-нибудь благодарили вас?

— Строили храмы на наших спинах.

— Значит, заботились, чтобы вам не было скучно.

— Они приносили жертвы.

— Возражаю против нецелевого использования благодарности, но сам факт признаю.

Следующей выступила Мира. Обвинение показало города, сожжённые драконами, похищенные сокровища и несколько принцесс, которых никто не похищал, но легенда получалась лучше с похищением.

— Люди охотились на нас, — сказала Мира. — Из нашей чешуи делали доспехи. Из зубов — амулеты. Из рассказов — героические песни, где дракон почему-то никогда не имел права на вступительное слово.

— А что делали драконы? — спросил Тарас.

— Сжигали охотников.

— Симметричные отношения.

— Иногда сжигали деревни.

— Несимметричные, но понятные.

Маленький дракон на странице книги поднял лапу.

— Свидетель желает добавить? — спросило Сейчас.

Он выдохнул дымом слово «Мама».

Мира замолчала. Потом осторожно прикрыла его крылом.

— Люди ещё давали нам имена, — сказала она. — До них мы были функциями. С ними стали кем-то.

Третьим свидетелем явился молодой бог дождя. Он обвинил людей в том, что они одновременно просили дождь, ругали дождь и забывали зонт, после чего считали виноватым небо.

— Но молились вам? — уточнил Тарас.

— Когда засуха.

— А когда всё хорошо?

— Забывали.

— Значит, дарили вам свободное время.

Начальник потребовал прекратить превращать недостатки в услуги.

— Я не превращаю, — сказал Тарас. — Люди это сделали задолго до меня.

Последним свидетелем обвинения вызвали самую первородную энергию. Один из сосудов архива раскрылся, и над судом возник свет без формы.

— Люди использовали меня для всего, — прозвучало внутри каждого. — Для лечения и убийства. Для света и оружия. Для надежды и власти.

— И что из этого было их настоящей природой? — спросила Вера.

— Выбор между ними.

Глава сто шестая

Тарас защищает человечество

Тарас вышел в середину ладони и впервые не держал ни договора, ни расписки, ни заранее подготовленного пути к отступлению. Это произвело на друзей большее впечатление, чем суд конца человечества.

— Уважаемое Сейчас, уважаемый Сновидец и все, кто существовал до появления обращения «уважаемый». Обвинение право. Люди опасны, жадны, нелогичны и способны испортить даже бесплатное чудо, если к нему не приложена гарантия.

Начальник довольно поднял семь пальцев.

— Защита признаёт вину.

— Полностью. Но не бесповоротно.

Никогда нахмурилось дверью вместо лица.

Тарас показал будущее. В нём рядом стояли войны и госпитали, разрушенные дома и люди, вытаскивающие незнакомцев из-под камней. Один человек предавал друга, другой отдавал жизнь тому, чьего имени не знал. Дети ломали игрушки и делились последней конфетой, иногда в указанном порядке.

— Каждый человеческий недостаток доказывает только одно: человеку дали свободу и не приложили инструкцию.

— Свобода не оправдание, — сказал Начальник.

— Конечно. Поэтому люди придумали ответственность. Потом научились её избегать. Потом придумали совесть, чтобы избегать было неудобно.

Сновидец слушал, и звёзды в его волосах гасли и загорались.

— Зачем миру такой ненадёжный вид?

— Чтобы мир мог стать лучше, чем его придумали.

Эраст посмотрел на друга. Эту фразу Тарас явно не собирался продавать, и оттого она звучала особенно дорого.

— Титаны держат мир, — продолжил он. — Драконы удерживают энергию. Боги удерживают порядок. А люди ничего не удерживают надёжно. Они роняют, ломают, теряют. Но именно поэтому поднимают, чинят и ищут.

— Не все, — сказал Начальник.

— Достаточно, чтобы каждый раз находился хотя бы один.

Тарас положил на ладонь расписку за табурет.

— Я обещал и не сделал. Это обвинение. Я помню и хочу исправить. Это защита. Человечество помещается между этими двумя фактами.

Сейчас обратилось к Сновидцу.

— Решение?

Тот закрыл глаза. Мир вокруг начал исчезать: сначала дальние звёзды, потом первые горы, затем окошко, через которое Начальник принимал богов на работу.

— Доказательств недостаточно, — сказал Сновидец. — Слова людей защищал человек. Пусть мир решит сам.

— Как? — спросила Вера.

Сновидец раскрыл грудь. Внутри билось огромное сердце, окружённое пустыми местами.

— Приведите первого человека. Если мир примет его удар сердца, остальные получат право появиться.

— А где его взять? — спросил Эраст.

Астрейя перевернула чистую страницу.

— Придётся написать.

Часть одиннадцатая

Люди до людей

Глава сто седьмая

Первый человек

Первого человека решили создавать в архиве, чтобы при неудаче можно было оформить его как черновик. Глыб освободил отдельную пещеру, переселив оттуда две горные цепи и одно несостоявшееся море.

— Что положим в основу? — спросила Астрейя.

— Разум, — предложила Савара.

— Мужество, — сказала Вера.

— Чувство юмора, — добавил Эраст.

— Платёжеспособность, — сказал Тарас.

— Последнее вычеркнуть, — распорядилась Маргарита Всеволодовна. — Иначе получится не человек, а требование банка.

Первородная энергия не понимала отвлечённых качеств. Разум превратился в большую голову, мужество — в отсутствие коленей, чтобы не преклоняться, а чувство юмора снабдило будущего человека тремя носами, потому что энергия решила пошутить первой.

— Неудачно, — признал Эраст.

— Для первого раза очень по-человечески, — возразила Астрейя.

Они начали заново. Каждый должен был отдать не лучшее качество, а собственный недостаток, который научился преодолевать.

Эраст отдал страх ошибиться. Вера — привычку всё решать одной. Тарас — желание получить выгоду раньше смысла. Мира — гордость, мешавшую просить помощи. Тихон — страх стать чужим будущим. Маргарита Всеволодовна долго утверждала, что недостатков не имеет, но затем отдала уверенность, что лучше всех знает, как правильно.

— Временно, — уточнила она.

Недостатки соединились. Вместо уродства возникло лицо — обычное, живое и немного растерянное. Первый человек открыл глаза.

— Кто я?

— Пока никто, — сказала Вера.

— Очень перспективное начало, — добавил Тарас.

Человек попытался встать, упал, огляделся и поднялся снова.

Сновидец наблюдал издали.

— Он несовершенен.

— Поэтому встал второй раз, — ответил Эраст.

Первый человек посмотрел на них.

— Зачем вы меня сделали?

Все замолчали. Прежние ответы — смысл, любовь, экономика — теперь звучали недостаточно.

Маленький дракон подполз и положил морду ему на колени.

Человек осторожно погладил его.

— Видимо, чтобы кто-то не был один, — сказал Тихон.

В груди первого человека ударило сердце.

Мир прислушался, но не ответил.

Глава сто восьмая

Сердце которому не ответили

Сердце первого человека ударило второй раз. Звук прошёл сквозь камень, энергию и ещё не созданные века. Ни одна звезда не зажглась ему в ответ.

— Мир его не принимает, — сказал Начальник.

— Может, мир занят, — предположил Тарас. — У него начало рабочего дня.

Первый человек услышал их и положил ладонь на грудь.

— Я неправильный?

— Ты первый, — ответил Эраст. — Сравнивать пока не с кем.

— Тогда почему вы смотрите на меня так, будто я уже подвёл потомков?

Астрея проверила книгу. Страница с первым человеком оставалась серой. Чтобы стать настоящим, ему требовалось совершить поступок, которого не было в качествах создателей.

— Мы собрали его из себя, — поняла Вера. — Он умеет только то, что уже умеем мы.

— Значит, нужно дать ему свободу, — сказал взрослый Тихон.

— Она уже есть, — возразил Начальник.

— Нет. Мы создали его ради оправдания человечества. Он родился с назначением.

Первый человек посмотрел на Сновидца.

— Если мир меня не примет, что будет с ними?

— Людей не будет.

— А со мной?

— Ты тоже человек.

— Значит, я исчезну первым?

— И последним, — подтвердило Никогда.

Первый человек задумался. Потом снял с себя светящуюся нить, связывавшую его с книгой, и протянул её Сновидцу.

— Тогда не принимай меня ради них.

— Что? — спросила Астрея.

— Если я создан только как доказательство, я не хочу им быть. Пусть люди появятся или не появятся не потому, что я хорошо прошёл испытание.

Он отказался от цели, ради которой существовал. Никогда шагнуло к нему, принимая отказ, но Сейчас встало между ними.

— Это выбор, — сказала оно.

Сердце человека ударило третий раз.

Где-то в пустоте ему ответил слабый стук.

Потом второй. Третий. Миллиарды ещё не рождённых сердец на мгновение отозвались из будущего.

Сновидец открыл глаза.

— Мир принял его.

— Нет, — сказала Вера. — Люди приняли друг друга.

Человеческие времена начали возвращаться, но вместе с ними из будущего выпала чёрная тень. Она была похожа на человека, из которого убрали всё, кроме права выбирать.

— Свобода без совести, — прошептала Савара.

Тень улыбнулась.

— Наконец-то вы создали меня правильно.

Глава сто девятая

Свобода требует владельца

Тень назвала себя Сам. Не потому, что это было имя, а потому, что других слов она не признавала.

— Я выбираю сам, живу сам и отвечаю только перед собой.

— Удобная система, — заметил Тарас. — Особенно если отвечать тоже не хочется.

Сам возник из всех будущих решений, где человек пользовался свободой, не признавая свободы другого. Он не был злом: зло хотя бы понимало добро и выбирало противоположное. Сам считал остальных декорациями.

Он коснулся первородной энергии. Та послушно приняла форму руки.

— Энергия моя.

— Она ничья, — сказала Астрей.

— Значит, принадлежит тому, кто первый назвал владельца.

Тарас возмущённо кашлянул. Нарушение принципов присвоения показалось ему личным оскорблением.

Сам приказал энергии создать мир, где каждый получает желаемое немедленно. Возникли бесконечные дворцы, горы золота и миллионы престолов. Через минуту все начали воевать за единственное, чего не хватало: превосходство над соседями.

— Видите? — сказал Сам. — Они свободны.

— Они одиноки, — ответил первый человек.

Сам протянул ему руку.

— Пойдём. Ты первый. Тебе не с кем считаться.

Первый человек посмотрел на маленького дракона, на тех, кто дал ему свои недостатки, и на миллиарды сердец, ещё не имевших лиц.

— Уже есть.

Он отказался. Сам ударил его энергией.

Эраст бросился вперёд, но книга не остановила мир ради бывшего главного героя. Удар прошёл мимо него и попал в Сновидца.

Огромное существо вздрогнуло. Его сон разделился на личные сны каждого будущего человека. Миллиарды миров начали требовать отдельной реальности.

— Если они осуществляются одновременно, общий мир исчезнет, — сказала Астрей.

— Вот истинная свобода, — улыбнулся Сам.

— Нет, — возразил Тарас. — Это банкротство с большим количеством учредителей.

Он развернул договор о создании Вселенной и нашёл незаполненную строку «Собственник первородной энергии».

— Нужна подпись того, кому она принадлежит.

— Я подпишу, — сказал Сам.

— Не можешь. Собственник отвечает за последствия.

Сам отдернул руку.

— Тогда подпишет первый человек.

— Не буду, — сказал тот.

— Почему?

— Если энергия станет моей, другим достанется только то, что я им разрешу.

Строка заполнилась сама: «Владелец нет. Ответственны все».

Первородная энергия вырвалась из руки Сама и рассыпалась искрами. В каждом будущем человеке осталось по одной — недостаточно, чтобы получить всё, но достаточно, чтобы изменить что-нибудь.

Так появилась воля.

Сам остался без энергии, но не исчез.

— Я тоже теперь внутри каждого, — сказал он.

Глава сто десятая

Кашель древнего сна

Сновидец вдохнул миллиарды человеческих снов и закашлялся. Его первый кашель поднял материки, второй погасил половину звёзд, третий выбросил богов из дворца прямо в будущие мифологии.

— Теперь понятно, откуда всё началось, — сказал Эраст.

— От тебя заразился? — спросил Тарас.

— Кашель не болезнь, — напомнила Вера. — Это дверь между внутренним и внешним.

С каждым кашлем Сновидца его мысли становились мирами. Один состоял из бесконечной войны. Другой — из покоя, в котором никто ничего не решал. Третий был почти идеален, но продержался недолго: жители решили улучшить идеал и создали собрание.

Астрея открыла книгу. Маленький дракон, новый главный герой, носился по строкам и пытался закрывать двери кашля хвостом.

— Он не справится один, — сказала Мира.

— Главный герой и не должен справляться один, — ответил Эраст. — Мне просто потребовалось сто две главы, чтобы это понять.

Они встали вокруг Сновидца. Титаны удерживали возникающие земли. Драконы поглощали лишнюю энергию. Боги устанавливали законы, которые люди немедленно начинали толковать. Люди связывали отдельные сны общими обещаниями.

Тарас протянул Сновидцу договор.

— Подпишите, что обязуетесь не просыпаться до окончания мира.

— Когда он окончится?

— Этот пункт стороны определяют дополнительным соглашением.

Сновидец едва заметно улыбнулся и поставил знак, похожий на галактику.

Кашель прекратился. Миры соединились в одну реальность — несовершенную, спорную, но общую.

Сейчас объявило решение суда:

— Людям разрешается существовать без гарантии пользы.

— На какой срок? — спросил Начальник.

— Пока способны выбирать не только себя.

Сам растворился среди будущих людей. Никогда ушло следом, чтобы закрывать окончательные отказы. Поздно задержалось: у человечества явно намечалось много клиентов.

Первый человек подошёл к героям.

— Теперь я могу узнать своё имя?

Астрея посмотрела в книгу.

— Имя выбирает тот, кто будет рядом и сможет его произнести.

Маленький дракон ткнул носом в ладонь человека и произнёс что-то среднее между рычанием и словом «Друг».

— Пусть будет Друг, — сказал первый человек.

Глыб открыл проход обратно во времена драконов. Герои уже собирались уходить, когда Сновидец остановил их.

— Вы ответили, зачем нужны люди. Но не ответили, кто их придумал.

— Разве не мы? — спросила Вера.

— Вы создали первого из того, что уже принесли люди будущего. Это не начало, а петля. Астрея побледнела и раскрыла книгу на первой странице. Раньше там был рисунок титанов. Теперь появилась надпись человеческим почерком: «Сновидец создан для хранения мира до нашего возвращения».

Под ней стояла подпись.

Тарас прочитал и впервые не попытался извлечь выгоду.

— Здесь имя Эраста.

— Нет, — сказала Вера. — Здесь его почерк. А имя другое.

Эраст наклонился к странице.

Было написано: «Кунилин Эраст Акакиевич Первый».

Из прохода вышел человек, похожий на Эраста, но старше всех времён.

— Наконец-то, — сказал он. — Я ждал, когда моя поздняя версия перестанет быть главным героем.

Глава сто одиннадцатая

Эраст который был первым

Эраст Первый вышел из прохода так спокойно, словно опоздал не на рождение человечества, а на собрание жильцов. Он был выше позднего Эраста, седее и одет в длинный серый плащ, на котором вместо пыли лежали целые эпохи.

— Почему Первый? — спросил Тарас. — Были ещё второй и третий?

— Были тысячи. Но только я пережил мир, в котором нумерация имела смысл.

Поздний Эраст смотрел на него с неприятным чувством человека, встретившего собственный портрет, который успел состариться и разочароваться первым.

— Ты создал Сновидца?

— Мы создали.

— Кто — мы?

— Люди.

Первый мир оказался не началом, а убежищем. До него существовала Реальность Ноль — место без магии, пророчеств и богов. Люди там научились управлять первородной энергией напрямую, строили города внутри вероятностей и меняли законы природы чаще, чем Тарас условия мелким шрифтом.

— Звучит развито, — сказала Вера.

— Так обычно звучит цивилизация перед тем, как нажимает последнюю кнопку.

Жители Реальности Ноль попытались отменить случайность. Они хотели мир без болезней, катастроф и ошибочных решений. Энергия исполнила желание: всё стало неизбежным. Каждый знал, что скажет, кого полюбит, когда умрёт. Даже сожаление приходило по расписанию.

— И что случилось? — спросил Тихон.

— Люди перестали жить. Продолжали двигаться, но уже ничего не выбирали.

Эраст Первый создал Сновидца как хранилище непредсказуемости. В его сон переселили возможность ошибаться. Титаны держали конструкцию, боги охраняли правила, драконы отводили избыток энергии. Новое человечество должны были создать позже, когда мир станет достаточно несовершенным.

— Значит, мы запланированная неисправность? — спросил поздний Эраст.

— Нет. Неисправность оказалась талантливее проекта.

Астрея раскрыла книгу. Между прологом и первой главой проступила карта Реальности Ноль. Посреди неё мигал единственный город.

— Он сохранился?

— Сохранилось всё, — ответил Первый. — Именно в этом проблема.

В проходе показались одинаковые человеческие фигуры. Они двигались синхронно и улыбались так, будто улыбка была обязательным пунктом инструкции.

— Реальность Ноль нашла убежище, — сказал Эраст Первый. — Она пришла вернуть своих потомков.

Глава сто двенадцатая

Город в котором всё правильно

Город Реальности Ноль вошёл в молодой мир целиком. Башни прошли сквозь горы, улицы легли поверх ещё не созданных рек, а центральная площадь аккуратно вытеснила дворец первых должностей, сославшись на утверждённый план застройки.

Жители города были красивы, спокойны и одинаково вовремя поворачивали головы. Никто не толкался, не опаздывал и не спрашивал дорогу. Тарас осмотрел их и насторожился.

— Они даже сдачу считают без ошибки.

— Ужасное место, — согласился Эраст.

Навстречу вышла женщина в белом. Её звали Координатор. Имя одновременно обозначало должность, характер и отсутствие свободных вечеров.

— Эраст Акакиевич Первый, срок хранения вашей модели истёк. Передайте Сновидца и человеческие варианты.

— Они не вещи, — сказала Вера.

— Вещи надёжнее. Но юридическая категория пока не определена.

Координатор объяснила: Реальность Ноль не погибла. Она застыла в совершенном состоянии и миллионы лет ждала возвращения возможности. Теперь, когда люди нового мира создали волю и распределили первородную энергию между всеми, старое человечество захотело получить её обратно.

— А что будет с нами? — спросил Тихон.

— Вы станете исправленными версиями себя.

Она показала Эраста без кашля и сомнений, Веру без страха потери, Тараса без долгов, Миру без гнева, Тихона без неопределённого будущего. Все выглядели счастливыми. Особенно подозрительно выглядел Тарас, добровольно вернувший чужие деньги.

— Это не я, — сказал он. — Это клевета с хорошей осанкой.

Координатор протянула позднему Эрасту прозрачную пластину.

— Подпишите согласие. Вы сохраните память, семью и друзей. Исчезнут только решения, которые могут причинить вам боль.

— А решения, которые могут принести радость?

— Они будут назначены автоматически.

Вера взяла пластину и сломала её пополам.

— Отказ зарегистрирован, — без раздражения сказала Координатор. — Через час вы согласитесь. Мы рассчитали разговор.

— А если нет?

— Тогда мы ошиблись.

Впервые жители города одновременно вздрогнули. Слово «ошиблись» не употреблялось здесь со времён последнего свободного человека.

Маленький дракон чихнул искрой на идеально белую мостовую. На ней осталось чёрное пятно неправильной формы.

Весь город повернулся к пятну.

Один ребёнок отделился от строя и улыбнулся не по расписанию.

Глава сто тринадцатая

Ошибка номер один

Ребёнок подошёл к чёрному пятну и наступил в него обеими ногами. Координатор подняла руку, но не нашла подходящей команды: до этого дети нарушали порядок только теоретически.

— Как тебя зовут? — спросил Тихон.

— Номер триста восемьдесят семь.

— Это не имя.

— Других нет.

Маленький дракон снова чихнул. Пятно превратилось в смешную морду. Ребёнок расмеялся, и смех прошёл по городу как первая трещина. Где-то человек опоздал на шаг. Кто-то повернул голову в другую сторону. Один безупречный фонтан выплеснул воду за край и, кажется, испытал облегчение.

— Прекратить отклонение, — приказала Координатор.

Жители застыли, но ребёнок продолжал смеяться.

— Почему он не слушается? — спросил Эраст.

Первый смотрел на мальчика с ужасом и надеждой.

— Потому что это ошибка номер один. Та самая, которую мы не смогли уничтожить.

Когда Реальность Ноль отменяла случайность, один ребёнок отказался знать собственное будущее. Его решение оказалось слишком маленьким для системы и потому незаметным. Из него Эраст Первый создал Сновидца, а самого ребёнка оставили в городе как пустой номер.

— Значит, он старше Сновидца? — спросила Вера.

— Старше времени, но младше всех нас. У детей это получается естественно.

Координатор направила на мальчика устройство исправления. Поздний Эраст встал между ними.

— Отойдите. Через минуту вы всё равно решите отойти.

— Удобно спорить, когда заранее записал ответ.

— Ваш ответ рассчитан.

— Тогда рассчитайте этот.

Эраст кашлянул.

Кашель открыл дверь прямо внутри предсказания. Расчёт Координатора разошёлся на два варианта, потом на десять, затем на миллион. Город не умел работать с таким количеством Эрастов и временно завис.

Тарас немедленно воспользовался паузой и оформил мальчику имя.

— Какое? — спросил Тихон.

— Случай.

— Странное имя.

— Зато никто не сможет утверждать, что встреча с ним предусмотрена договором.

Мальчик повторил:

— Случай.

В тот же миг идеальный город впервые заблудился в собственном будущем.

Глава сто четырнадцатая

Договор об эвакуации Вселенной

Пока город пытался пересчитать Случая, Эраст Первый забрал у Тараса договор о создании Вселенной. Он провёл ладонью по оборотной стороне, и проявился второй текст — более древний, написанный до появления бумаги.

— Договор об эвакуации Реальности Ноль, — прочитала Савара.

— Почему он был у меня? — спросил Тарас.

— Потому что ты его подписал, — ответил Первый.

— Я тогда не существовал.

— Это никогда не мешало твоей подписи появляться раньше обязательств.

По договору Сновидец получал на хранение свободную волю, титаны — пространство, боги — законы, драконы — энергию. Последний пункт назначал ответственным за возвращение имущества Тюлькина Тараса Ананиевича.

— Вот почему долги находят меня во всех эпохах, — прошептал Тарас. — Я не невезучий. Я правопреемник.

— Одно другого не исключает, — сказал Эраст.

Координатор потребовала исполнить договор. Тарас внимательно изучил подписи.

— Имущество передаётся после окончания срока хранения. Где срок?

— До восстановления человечества.

— Какого именно? Старого или нового?

Координатор молчала.

— Стороны не определили существенное условие, — торжественно сказал Тарас. — Договор неисполним.

— Ты сам его составлял.

— Поэтому знаю, где спрятал выход.

Эраст Первый покачал головой.

— Это не выход. Пока договор спорный, обе версии человечества имеют равные права на мир. Они начнут сливаться.

Слияние уже началось. У жителей нового будущего исчезали ошибки, а жители Реальности Ноль получали желания. Один человек внезапно захотел мороженого и испытал панику, потому что желание не было включено в распорядок. Другой опоздал на работу и назвал это пробкой, изобретя первое убедительное оправдание.

— Через час останется одно человечество, — сказала Астрей. — Оно получит свободу новых людей и привычку старых всё контролировать.

— Сам вернётся, — поняла Вера.

В толпе уже росла знакомая чёрная тень. Теперь у неё были миллионы спокойных лиц.

— Не Сам, — сказал Эраст Первый. — Мы называли это Совершенством.

Тень открыла глаза сразу во всех людях города.

— Вы слишком долго хранили мою Вселенную, — произнесла она. — Пора вернуть её без повреждений.

Часть двенадцатая

Наследство до рождения

Глава сто пятнадцатая

Совершенство предъявляет претензию

Совершенство не повышало голос. Ему не требовалось: каждое слово появлялось внутри слушателя уже согласованным. На мгновение Эрасту показалось разумным отдать ему мир, перестать спорить и наконец выпаться.

Вера ударила его локтем.

— Не думай чужими мыслями.

— Я только примерил.

— Тебе не идёт.

Совершенство предъявило претензию. В ней перечислялись повреждения Вселенной: незапланированные драконы, войны богов, свободные титаны, люди с разными мнениями, брак Эраста и Веры, а также Тарас как обстоятельство непреодолимой силы.

— Последнее прошу оставить, — сказал Тарас. — Впервые документ отражает реальность.

— Все отклонения будут устранены, — сообщило Совершенство. — Каждое существо получит единственно правильную роль.

Глыб почувствовал, как его тело снова превращается в опору без права устать. Начальник стал чистой должностью. Мира потеряла имя и превратилась в белую чешую — устройство для отвода энергии. Тихон начал исчезать: неопределённым детям в совершенном мире места не полагалось.

Эраст Первый не сопротивлялся.

— Ты этого хотел? — спросил поздний Эраст.

— Я хотел вернуть свой мир.

— Даже таким?

— В нём остались люди, которых я обещал спасти.

— Они ещё люди, если за них уже всё выбрали?

Первый отвёл взгляд.

Совершенство коснулось Астреи. Книга в её руках превратилась в инструкцию из одной страницы. На ней было написано: «Всё происходит правильно». Больше читать было нечего.

Маргарита Всеволодовна подошла к Совершенству.

— Вы закончили?

— Я не заканчиваюсь.

— Это заметно. Разговор длинный, а пользы пока нет.

Совершенство попыталось назначить ей правильную роль. Мир перебрал мать, учительницу, наставницу, тещу и чрезвычайное обстоятельство, но ни одна категория не вмещала Маргариту Всеволодовну полностью.

— Ошибка классификации, — произнесло оно.

— Нет. Плохо старались.

В идеальной системе появилась вторая трещина.

Случай засмеялся.

Глава сто шестнадцатая

Вера до собственного имени

Через трещину в Совершенстве Вера увидела Реальность Ноль до остановки. В центре города стояла лаборатория вероятностей, а у главного пульта — женщина без имени, похожая на неё.

— Это моя первая версия?

— Нет, — сказал Эраст Первый. — Ты её последняя надежда.

Женщина из прошлого проектировала Сновидца. Она поняла, что идеальный мир превращается в тюрьму, и спрятала в конструкцию одну недоказуемую вещь — веру в возможность, которой ещё нет. Не религию, не уверенность, а согласие действовать без гарантии.

— Её звали Вера? — спросил Тихон.

— После этого стали звать.

Та женщина отправила своё качество в будущий мир, потеряв способность надеяться сама. Она осталась в Реальности Ноль и стала Координатором.

Вера посмотрела на женщину в белом.

— Ты — она.

Координатор впервые не ответила сразу.

— Личная история не относится к задаче.

— Поэтому ты хочешь забрать мир? Чтобы вернуть то, что отдала?

— Я хочу завершить эвакуацию.

— Нет. Ты хочешь снова уметь ждать невозможного.

Совершенство приказало Координатору молчать. Она открыла рот, но голос не вышел. Тогда Вера протянула ей руку через трещину.

— Забери часть моей веры.

— Ты ослабнешь, — предупредила Астрея.

— Вера, которой нельзя поделиться, всего лишь упрямство.

Координатор коснулась её пальцев. На белой одежде появилось первое цветное пятно. Женщина заплакала и с удивлением посмотрела на слёзы, как на несанкционированные осадки.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она.

— Поздравляю, — ответил Тарас. — Вы приняты в человечество.

Координатор повернулась к жителям города.

— Я отменяю расчёт.

Совершенство треснуло сильнее. Миллионы людей впервые не получили следующую команду.

Некоторые остановились. Некоторые испугались. Один пошёл не туда и обнаружил, что там тоже есть жизнь.

Но половина города потребовала вернуть порядок.

Совершенство собрало их страх и стало почти телесным.

— Свободу нельзя навязать, — сказала оно. — Они выбрали меня.

Глава сто семнадцатая

Наследники невозможного

Два человечества разделились не на старое и новое, а на тех, кто хотел заранее знать ответ, и тех, кто соглашался жить с вопросом. Граница прошла через семьи, города и одного человека, который менял сторону каждые пять минут и тем самым честнее всех пользовался свободой.

Совершенство потребовало голосования.

— Большинство определит единственную модель.

— Большинство не может отменить существование меньшинства, — сказала Вера.

— Может, если правильно посчитать, — заметил Тарас и тут же получил от неё взгляд.

Астрейя нашла в договоре пункт о наследовании. Если имущество невозможно разделить без уничтожения, наследники должны определить, что именно они наследуют.

— Мир нельзя поделить, — сказал Эраст Первый.

— Зато можно отказаться от права владеть им, — ответил поздний Эраст.

Он первым поставил подпись: «Наследую жизнь, но не право решать за других».

Вера подписала следом. Тихон добавил кривую детскую букву. Мира оставила след когтя. Глыб приложил палец и случайно заверил соседний материк.

Люди нового мира начали подписывать. Затем к ним присоединилась Координатор и часть Реальности Ноль.

Совершенство смеялось их собственными голосами.

— Вы всё равно зависите друг от друга. Чужой выбор причинит вам боль.

— Да, — сказал первый человек Друг. — Поэтому свобода не подарок. Это риск, который мы разрешаем другим.

Эти слова стали новым условием мира. Первородная энергия разделилась окончательно и вошла в сердца, мысли, огонь, труд и случайные добрые поступки, которые никто не успевал оформить как подвиг.

Совершенство начало уменьшаться.

Эраст Первый остался на его стороне.

— Ты не подпишешь? — спросил поздний.

— Я обещал спасти всех жителей Реальности Ноль.

— Спасти — не значит оставить прежними.

— Для тебя легко говорить. Ты получил семью, друзей и право на ошибки. Я потерял свой мир.

— Тогда пойдём с нами.

Первый посмотрел на Веру, Тихона и Эраста, как на жизнь, которая воспользовалась его планом и не спросила разрешения.

— Мне нет места в вашей истории.

— Я тоже так думал, — сказал взрослый Тихон. — Место не находят. Его делают из времени, которым делятся.

Он открыл восьмую дверь.

Совершенство бросилось к ней первым.

Глава сто восемнадцатая

Два Эраста и одно место

Совершенство вошло в восьмую дверь и оказалось в будущем, созданном из добровольно отданных мгновений. Там невозможно было приказать: каждое мгновение принадлежало тому, кто подарил его другому.

Оно попыталось назначить идеальный порядок, но время отвечало чужими голосами: «Можно иначе».

— Выпустите меня, — потребовало Совершенство.

— Мы никого не удерживаем, — сказал взрослый Тихон. — Дверь открывается наружу, когда ты признаешь, что выход может выбрать не только ты.

Совершенство осталось внутри, впервые столкнувшись с задачей без единственного решения.

Эраст Первый стоял перед поздним. Два одинаковых лица разделяли столько веков, что родство казалось разновидностью археологии.

— Если я останусь, один из нас исчезнет, — сказал Первый. — Мир не удержит две исходные версии одного человека.

— Я уже перестал быть главным героем. Место свободно.

— Речь не о роли. Мы носим одно имя, один кашель и одну причину существовать.

Тарас предложил переименовать одного из них, но книга ударила его по руке раньше Веры.

Астрейя проверила страницы. В тексте смешивались воспоминания двух Эрастов. Поздний помнил Реальность Ноль, Первый — свадьбу, которой у него никогда не было. Оба одновременно вспомнили долг Тараса и решили, что это не доказывает ничего.

— Слияние началось, — сказала Астрейя. — Через несколько минут останется один Эраст с двумя жизнями.

— Это плохо? — спросил Тихон.

— Он перестанет понимать, какие решения принимал сам. Человек без собственного прошлого становится удобным продолжением чужого.

Вера встала между ними.

— Я различаю вас.

— Пока, — сказал Первый.

— Ты смотришь на мир как на обещание, которое обязан исполнить. Мой Эраст — как на неприятность, от которой всё равно нельзя отвернуться.

Поздний Эраст кивнул.

— Очень трогательно.

— Я ещё не закончила. Ты боишься потерять тех, кого спасал. Он боится, что без него никто не справится. Страхи похожи, но глупость разная.

Книга разделила страницы. У каждого Эраста появилось собственное прошлое.

— Этого недостаточно, — предупредила Астрейя. — Нужны разные будущие.

Первый посмотрел на открытый проход в Реальность Ноль.

— Я вернусь туда и помогу тем, кто выбрал свободу.

— А тем, кто выбрал Совершенство?

— Оставлю право передумать.

Поздний протянул ему руку. Когда ладони соприкоснулись, кашель разделился между ними: один открывал двери в прошлое, другой — в будущее.

Мир принял двух Эрастов.

И тут исчезла Вера.

Не только из зала — из памяти, книги и всех времён. На месте, где она стояла, осталась белая нить и записка её почерком:

«Если вы это читаете, значит, я ещё не родилась».

Глава сто девятнадцатая

Женщина которой ещё нет

Белая нить лежала на месте Веры и уходила сразу в две стороны: в прошлое, где она ещё не родилась, и в будущее, где её уже никто не помнил.

Поздний Эраст поднял записку. Почерк был знакомым, но смысл отказывался помещаться в голове.

— Кто исчез? — спросил он.

Тихон открыл рот и заплакал. Он не помнил мать, но тело помнило отсутствие.

Маргарита Всеволодовна стояла неподвижно. Мир уже переписал её биографию: у неё никогда не было дочери, только твёрдое убеждение, что кто-то постоянно неправильно воспитывает Эраста.

— Вера, — сказала она.

Имя прозвучало как нарушение закона. Книга дрогнула, и на пустой странице возникла одна буква.

— Вы её помните? — спросила Астрейя.

— Я помню, как ждала её раньше, чем знала, кого жду.

Эраст Первый осмотрел нить.

— Разделение двух моих будущих изменило исходную петлю. Вера должна была передать надежду из Реальности Ноль самой себе. Теперь передавать некому.

— Значит, вернёмся и заставим её родиться, — решил поздний Эраст.

— Рождение не подписывают задним числом, — заметил Тарас.

— Ты именно так оформил Вселенную.

— Поэтому знаю последствия.

Астрейя коснулась белой нити. Та превратилась в дорогу шириной с мысль. По обе стороны не было ничего — даже пустота появилась позже.

— Пойдём туда, где личность ещё не отделилась от возможности, — сказала она. — Не называйте Веру слишком громко. Имя может выбрать не ту судьбу.

Маленький дракон шагнул первым. Книга последовала за ним, послушная новому главному герою.

Эраст посмотрел на Маргариту Всеволодовну.

— Вы с нами?

— Я девять месяцев шла к этой встрече. Правда, теперь выясняется, что в обратную сторону.

Они вступили на нить. Позади мир немедленно забыл слово «вера». Люди продолжали обещать, любить и строить планы, но уже не понимали, зачем начинать то, что может не получиться.

Глава сто двадцатая

Мир без слова вера

Первым остановился рассвет. Солнце не было уверено, что его ждут, и решило не рисковать. Затем замолчали молитвы, прекратились признания и закрылись мастерские, где люди чинили вещи без гарантии успеха.

— Быстро действует, — сказал Тарас.

— Это не действие, а отсутствие причины продолжать, — ответила Астрей.

На дороге встречались несостоявшиеся поступки. Письмо, которое не отправили. Дом, который не начали строить. Рука, не протянутая человеку на краю. Они лежали вдоль нити серыми тенями и становились пищей Никогда.

— Я не виновато, — сказала Никогда. — Вы убрали возможность надеяться. Мне осталось только закрывать.

Поздно шло рядом и выглядело больным. Без веры во вторую попытку оно теряло силу. Тихон держался за белую нить обеими руками.

— Если мама не родится, я исчезну?

— Да, — честно сказал взрослый Тихон.

— А ты?

— Я состою из забытых решений. В мире без неё их станет больше. Возможно, я буду жить дольше всех.

Ребёнок нахмурился.

— Это несправедливо.

— Значит, ещё не всё потеряно. Справедливость тоже требует веры в то, чего пока нет.

Два Эраста начали меняться. Поздний забывал свадьбу, прикосновения и голос Веры. Первый, наоборот, вспоминал женщину из Реальности Ноль, отдавшую надежду будущему.

— Мы снова сливаемся, — сказал Первый. — Вера была различием между нами.

— Тогда разделимся сами.

— Как?

— Ты пойдёшь назад и найдёшь ту, которая отдала надежду. Я пойду вперёд и найду ту, которая должна её получить.

— Между ними нет времени.

Тарас достал договор.

— Зато есть командировочные расходы. Если оформить две точки назначения, дорога будет обязана признать расстояние.

Он написал: «От Реальности Ноль до рождения Веры». Между словами появился промежуток.

Так возникло место, где можно было искать человека до его существования.

Глава сто двадцать первая

Дорога расходится надвое

У развилки не было указателей. Левая дорога помнила всё, правая — ничего. Эраст Первый выбрал память, поздний Эраст — неизвестность.

— Почему мне опять худший маршрут? — спросил поздний.

— Потому что лучший ты бы всё равно испортил кашлем, — ответил Тарас.

Первый ушёл в Реальность Ноль вместе с Координатором и взрослым Тихоном. Им предстояло найти женщину у пульта до того, как она отдала своё качество Сновидцу.

Поздний взял Тихона-ребёнка, Миру, маленького дракона и Маргариту Всеволодовну. Тарас присоединился к обеим группам, сославшись на двойную оплату.

— Так не бывает, — сказала Астрей.

— Я подписал себя в двух экземплярах.

И действительно: на развилке появились два Тараса. Каждый заявил, что настоящий именно он, а долгами должен заниматься второй.

Правая дорога вела через будущие жизни Веры, которые теперь никому не принадлежали. В одной она стала королевой. В другой — врачом драконов. В третьей никогда не встретила Эраста и прожила спокойно, отчего Эраст задержался там дольше, чем хотел признать.

— Она была счастлива, — сказал он.

— Это не означает, что ты был лишним, — ответила Мира. — Счастье не должность с единственным сотрудником.

В конце дороги стояла закрытая дверь без ручки. На ней значилось: «Рождение отменено по причине отсутствия будущего».

Маргарита Всеволодовна постучала.

— Кто там? — спросил голос, которого ещё не было.

— Мать.

— Чья?

— Если откроешь — твоя.

Дверь дрогнула, но не открылась.

Изнутри донёсся кашель.

Эраст побледнел.

— Это мой кашель.

— Нет, — сказала Астрей. — Он существовал до тебя. Просто всё это время выбирал голос.

Глава сто двадцать вторая

Кашель выбирает хозяйку

Кашель прошёл сквозь дверь и поселился в белой нити. Она задрожала, открывая сотни входов между внутренним и внешним, но за каждым находилась другая возможная Вера.

Одна хотела родиться без памяти. Другая — помнить Реальность Ноль. Третья соглашалась существовать только при условии, что никогда не встретит Эраста.

— Последняя выглядит разумно, — признал он.

— Не льсти себе, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Это всего лишь страх.

Тихон подошёл к двери.

— Мама, я не знаю, какая ты должна быть. Я даже не уверен, что имею право просить тебя родиться ради меня.

За дверью стало тихо.

— Но если ты придёшь, — продолжил он, — я обещаю не делать тебя только мамой. Ты можешь быть кем угодно. Даже человеком, который иногда не знает, что делать со мной.

— Такое бывает ежедневно, — подтвердила Маргарита Всеволодовна.

Дверь приоткрылась. Из щели вышел свет, но Никогда захлопнуло её ладонью.

— Она уже не родилась.

Поздно навалилось с другой стороны.

— Зато ещё может.

Древние силы зашпорили, и между ними снова вспыхнуло Сейчас.

— Решает не прошлое и не будущее, — сказала оно. — Решает та, кто находится внутри.

Кашель перешёл за дверь. Там он перестал принадлежать Эрасту и стал голосом возможности.

— Я не хочу рождаться по пророчеству, — сказала Вера.

— Тогда родись назло ему, — предложил Тарас.

— Это тоже зависимость.

— Родись без причины, — сказал Эраст. — Мы потом найдём достаточно причин остаться.

Дверь распахнулась.

За ней не было женщины. Там стояло одно имя, написанное светом.

Оно ждало человека, который согласится его прожить.

Часть тринадцатая

Имя раньше человека

Глава сто двадцать третья

Имя которое выбирает судьбу

Имя Вера висело в пустоте и примеряло будущие жизни. С королевой оно становилось приказом, с пророчицей — профессией, с обычной женщиной — тихой привычкой вставать после плохих дней.

— Какую выберем? — спросил Тарас.

— Мы не выбираем, — сказал Эраст.

Имя услышало его и приблизилось.

— Ты пришёл за прежней Верой, — произнесло оно.

— Да.

— Тогда ты не увидишь меня новую.

Эраст понял: вернуть человека точно таким, каким помнишь, означает запретить ему стать другим. Он разжал ладонь, в которой держал записку.

— Я пришёл не возвращать. Я пришёл встретить тебя ещё раз.

Имя стало теплее.

Маргарита Всеволодовна протянула руки.

— Я согласна родить тебя любой.

— Даже если я не стану вашей дочерью?

— Тогда станешь человеком, которого я всё равно буду учить жить. Родство лишь сокращает вступление.

Имя рассмеялось голосом Веры. Вокруг него начало собираться тело — не из плоти, а из выборов: ждать, спорить, любить, уходить и возвращаться.

Но последнего выбора не хватало.

— Ей нужна собственная причина, — сказала Астрей.

Из прошлого пришёл Эраст Первый. Он принёс маленькую искру надежды, которую Координатор когда-то собиралась отдать Сновидцу.

— Я успел до передачи, — сказал он. — Теперь петля разомкнута.

Координатор шла рядом и впервые улыбалась не по расписанию.

Искра коснулась имени. Вера открыла глаза.

— Я родилась не потому, что вы меня ждали, — сказала она. — Я родилась, потому что хочу узнать, зачем.

Мир вспомнил слово «вера». Солнце немедленно взошло, слегка опоздав и свалив вину на горизонт.

Глава сто двадцать четвёртая

Встреча с незнакомой женой

Вера стояла перед Эрастом молодой и взрослой одновременно. Она знала его имя, но не помнила ни свадьбы, ни спасённых миров, ни привычки Тараса появляться перед обедом и исчезать перед оплатой.

— Вы мой муж? — спросила она.

— Был.

— Разведены?

— Хуже. Временная причинность.

Тарас предложил восстановить брак на основании непрерывности имущества, но Вера попросила его замолчать до появления адвоката.

Эраст не пытался заставить её вспомнить. Он рассказал, как они познакомились, но говорил о собственных ошибках чаще, чем о подвигах. Вера слушала с выражением человека, которому предлагают чужую биографию в хорошем состоянии.

— Я должна снова полюбить вас?

— Нет.

— Надеемся?

— Очень.

— Противоречиво.

— Поэтому правдиво.

Тихон стоял в стороне. Новая Вера подошла к нему первой.

— Ты мой сын?

— Если захочешь.

— А если испугаюсь?

— Тогда испугаемся вместе.

Она обняла его осторожно, будто примеряла не ребёнка, а ответственность. Тихон заплакал, и память начала возвращаться не к Вере, а к миру вокруг неё.

Стены вспомнили её шаги. Мира — споры. Маргарита Всеволодовна — день рождения. Только Эраст оставался незнакомцем.

— Почему я не помню вас? — спросила Вера.

Астрейя посмотрела в книгу.

— Потому что ваше знакомство было причиной первого пророчества. Разомкнув петлю, мы стёрли причину.

— Значит, можем познакомиться без пророчества, — сказал Эраст.

Он протянул руку.

— Кунилин Эраст Акакиевич. Иногда спасаю мир. Чаше мешаю ему погибнуть самостоятельно.

Вера пожала руку.

— Вера. Пока без отчества и обязательств.

Глава сто двадцать пятая

Цена разомкнутой петли

Когда Вера назвала себя, первое пророчество исчезло с белой чешуи. За ним начали исчезать события, которые оно когда-то вызвало: встреча с драконами, войны времён, рождение некоторых богов и семь особенно неудачных брачных церемоний.

— Мы спасли Веру и отменили собственную историю, — сказал Эраст.

— Наконец экономия на последствиях, — обрадовался Тарас.

— Вместе с последствиями исчезнем мы.

— Возражение принято.

Астрейя объяснила: петлю нельзя просто разорвать. Начало и конец держали друг друга. Теперь требовалась новая причина, по которой события произошли без приказа будущего.

— Вы должны выбрать всё прожитое заново, — сказала она. — Не повторить поступки, а признать их своими.

Мира выбрала стать матерью драконов, хотя могла вернуться к жизни без этой ответственности. Тихон выбрал семью, не требуя от Веры памяти. Маргарита Всеволодовна выбрала дочь, которая стала другой.

Тарас долго смотрел на договор.

— Я выбираю долги.

— Какие именно? — спросил Эраст.

— Все настоящие. Не те, которыми удобно хвастаться, а те, где меня действительно ждут.

Мир содрогнулся от редкого финансового чуда.

Эраст Первый выбрал Реальность Ноль и право её жителей ошибаться.

Поздний Эраст посмотрел на Веру.

— Я выбираю нашу жизнь. Даже если ты её не выберешь.

Это было самое трудное признание: любовь без требования взаимности не восстанавливала брак, но возвращала Эрасту собственное прошлое.

Вера закрыла глаза. Перед ней прошли чужие воспоминания о себе. Она не стала забирать их все.

— Я выбираю один день, — сказала она. — Тот, когда мы впервые решили остаться рядом после того, как уже могли уйти.

Воспоминание вошло в неё. Вера открыла глаза и посмотрела на Эраста иначе.

— Остальное расскажешь сам.

История вернулась, но стала не исполненным пророчеством, а суммой добровольных решений.

Белая чешуя осталась пустой.

Глава сто двадцать шестая

Кто теперь пишет пророчества

Астрейя перелистала книгу. Все прежние главы сохранились, но будущее исчезло окончательно. Последняя страница больше не подсказывала, что произойдёт дальше.

— Пророчеств не будет? — спросил Тихон.

— Будут, — сказала Астрейя. — Люди не откажутся говорить уверенно о том, чего не знают. Просто Вселенная больше не обязана слушаться.

Начальник немедленно учредил ведомство прогнозов. Тарас предложил продавать к ним поправки. Мир вернулся к нормальному состоянию, то есть начал создавать будущие проблемы заранее.

Вера училась собственной жизни. Она узнавала друзей по тому, как они не требовали узнавания. Мира приносила ей драконьи воспоминания. Тихон рассказывал детство. Эраст готовил чай и старался не объяснять, почему раньше он делал его лучше.

— Ты всё ещё кашляешь? — спросила Вера.

— Иногда.

— И мир рушится?

— Теперь зависит от настроения мира.

Она улыбнулась.

— Значит, кашляй осторожно.

Маленький дракон сидел на книге и вырос быстрее времени. Как новый главный герой, он должен был получить имя, но отвергал все варианты: Пламя казалось должностью, Случай уже был занят, а Тарас предлагал назвать его Активом.

Вечером дракон кашлянул. Никакая дверь не открылась.

Он кашлянул снова. Из книги выпала страница, которой Астрейя не писала.

На ней было всего две строки:

«Первое пророчество отменено.

Начинается последнее».

— Кто написал? — спросил Эраст.

Астрейя перевернула лист. На обороте чернел отпечаток человеческой ладони.

Вера сравнила его с руками присутствующих.

Отпечаток не принадлежал никому из них.

Он принадлежал тому, кто держал книгу с другой стороны страницы.

Глава сто двадцать седьмая

Ладонь с другой стороны

Отпечаток на странице медленно двигался. Пальцы распрямились, нащупали край текста и постучали изнутри бумаги.

Тук. Тук. Тук.

— Это не читатель, — сказала Астрейя. — Читатели перелистывают. Этот ищет выход.

Тарас прислушался.

— Может, открыть?

— Ты всегда открываешь дверь, если из-за неё стучат? — спросила Вера.

— Только если есть шанс, что пришли с деньгами.

Ладонь написала пальцем по бумаге: «НЕ ЧИТАЙТЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРОРОЧЕСТВО ВСЛУХ».

Все одновременно посмотрели на две строки, уже прочитанные Тихоном.

— Поздно, — сказал Эраст.

Поздно появилась рядом и виновато развела руками.

Книга стала тяжелее. Между страницами возникли звуки других миров: вой драконов, звон оружия, детский смех, заседание комиссии и чей-то настойчивый кашель. Каждый звук требовал стать продолжением.

Астрейя закрыла том, но пальцы прорвали обложку изнутри. В отверстии показался человеческий глаз.

— Вы меня слышите? — спросил голос.

— Представьтесь, — потребовала Маргарита Всеволодовна.

— Я последний читатель.

— Почему последний?

— Потому что после этой книги читать будет некому.

Маленький дракон зарычал на глаз и обжёг страницу. Бумага не загорелась, зато отверстие расширилось до дверного проёма.

За ним стоял зал с бесконечными полками. На каждой хранился законченный мир, сжатый в книгу. Некоторые тома светились, некоторые шептали, а один настойчиво требовал вернуть залог за обложку.

— Это Архив Последних Историй, — сказал голос. — Ваш мир поступил на списание.

Тарас шагнул к двери.

— На основании чего?

— Он слишком много раз был спасён. Конструкция утратила исходную достоверность. Эраст вздохнул.

— Наконец-то нас обвиняют в успешной работе.

Глава сто двадцать восьмая

Архив законченных миров

За страницей не было ни прошлого, ни будущего. Здесь хранилось то, что уже закончилось и потому больше не могло спорить с редактором.

Полки уходили вверх до точки, где даже бесконечность просила стремянку. По проходам ходили библиотекари без лиц и снимали пыль с вымерших цивилизаций.

— Руками не трогать, — предупредил Последний читатель. — Некоторые миры всё ещё надеются на продолжение.

Его звали Лист. Он был обычным мужчиной в сером свитере, только за спиной вместо тени тянулась очередь непрочитанных книг.

— Кто создал архив? — спросила Вера.

— Те, кто пережил конец своей истории. Когда мир больше не может продолжаться, его сохраняют здесь как завершённый смысл.

— А наш ещё продолжается.

— В этом и нарушение.

Лист показал карточку выдачи. Мир Эраста и Веры числился завершённым тридцать семь раз. После каждого конца кто-нибудь кашлял, открывал дверь, возвращал время или находил юридическую неточность.

— Тридцать седьмой раз мой, — с гордостью сказал Тарас.

— Все тридцать семь ваши.

Тарас растрогался. Не каждый человек видит официальное подтверждение собственной настойчивости.

На отдельной полке лежали отвергнутые финалы. В одном Эраст жил спокойно. В другом стал богом. В третьем Тарас вернул все долги, и книга была помечена как фантастика повышенной недостоверности.

Вера нашла финал, где помнила всю прежнюю жизнь. Она открыла страницу и увидела себя счастливой рядом с Эрастом.

— Можно забрать память отсюда?

— Можно, — сказал Лист. — Но тогда этот вариант станет вашим настоящим, а нынешняя Вера исчезнет.

Она закрыла книгу.

— Пусть остаётся здесь.

Эраст ничего не сказал, но взял её за руку. Теперь этот жест не возвращал прошлое, а создавал новое.

В конце зала стоял пустой стеллаж с табличкой «Последнее пророчество». На нём было место только для одной книги.

— Когда пророчество исполнится, — объяснил Лист, — один из всех ваших миров станет окончательным. Остальные будут закрыты.

Никогда провело рукой по корешкам и улыбнулось дверью.

— Наконец работа по специальности.

Глава сто двадцать девятая

Миры требуют равных прав

Книги на полках слышали слово «закрыты» и начали открываться. Из одной вышел город без драконов, из другой — царство титанов, из третьей — мир, где Эраст никогда не женился и выглядел по этому поводу подозрительно отдохнувшим.

— Почему решать будет ваш мир? — спросил другой Эраст.

— Мы ещё ничего не решили, — ответил настоящий.

— Именно вы всегда так говорите перед тем, как решить за всех.

Архив заполнился версиями героев. Веры с памятью и без неё. Тарасы богатые, бедные, честные и один совершенно бесплатный, которого остальные попросили предъявить документы. Драконы всех размеров спорили, кто был первым.

Лист ударил библиотечным штампом по столу.

— Тишина!

Миры не подчинились. Они уже были закончены и не боялись последствий.

Каждый требовал права стать окончательным. Мир титанов ссылался на древность. Мир богов — на полномочия. Мир без катастроф утверждал, что страдал меньше всех. Мир непрерывных катастроф доказывал, что зато у него выше читательская активность.

— Голосование не поможет, — сказала Вера. — Каждый мир проголосует за себя.

— Можно ввести коэффициенты, — предложил Тарас.

— Именно поэтому не поможет.

Маленький дракон забрался на пустой стеллаж. Как главный герой, он имел право предложить решение, но всё ещё не умел говорить. Тогда он выдохнул восемь огненных кругов — по одному вокруг каждой основной версии мира.

— Он предлагает оставить все? — спросил Тихон.

— Стеллаж рассчитан на одну книгу, — напомнил Лист.

Дракон укусил полку. Та стала шире.

— Вандализм не является философским аргументом.

Дракон укусил снова.

— Хотя иногда убедителен, — признал Лист.

Полка расширялась, но архив начал трещать. Для бесконечных вариантов требовалось бесконечное место, а бесконечность уже была занята каталогом.

Из трещин посыпались незаписанные миры — те, которые никто не успел даже представить.

Один из них кашлянул.

Глава сто тридцатая

Читатель который пережил всех

Кашлянул не человек и не дракон. Кашлянул сам Архив. Полки разошлись, страницы поднялись бурей, а законченные миры снова почувствовали будущее.

Лист упал на колени.

— Этого не должно быть. Здесь ничего не продолжается.

— Теперь продолжается, — сказала Поздно и заметно посвежела.

Астрей потребовала от Листа правду. Последний читатель оказался не хранителем архива, а его единственным жителем. Его мир закончился первым, и он миллиарды лет читал чужие истории, чтобы не оставаться последним человеком.

— Я сохранял миры, — сказал он.

— Ты запирали их после финала, — возразил Эраст.

— Финал защищает смысл. Если история продолжается бесконечно, любой поступок можно отменить следующей главой.

— Значит, ты написал последнее пророчество?

— Я написал просьбу остановиться.

Отпечаток принадлежал Листу. Он держал книгу с другой стороны и надеялся, что герои добровольно выберут конец.

— Почему не сказал прямо? — спросил Тарас.

— Прямые просьбы в ваших мирах исполняются реже пророчеств.

Это показалось всем убедительным.

Лист показал собственную книгу. На последней странице он сидел один в архиве. Страница повторялась миллионы раз, менялась только пыль.

— Если ваш мир не закончится, Архив разрушится. Все завершённые истории вернутся одновременно и займут настоящее.

— А если закончится? — спросила Вера.

— Вы останетесь книгой. Вас будут помнить, но вы больше не сможете ошибаться.

— Совершенство с переплётом, — сказал Эраст.

Лист кивнул.

— Зато никто не потеряет смысл.

Маленький дракон подошёл к книге Листа и перевернул последнюю страницу.

За ней оказалась ещё одна — чистая.

Лист отшатнулся.

— Её не было.

— Была, — сказал Тихон. — Ты просто решил, что после тебя читать некому.

На чистой странице появилось название новой главы.

Часть четырнадцатая

Последнее пророчество

Глава сто тридцать первая

Выбрать настоящий мир

Последнее пророчество раскрылось полностью: «Один мир должен стать настоящим, иначе ни один не останется отдельным».

— Кто установил это правило? — спросила Вера.

— Архив, — ответил Лист.

— А кто создал Архив?

— Я не знаю.

— Тогда правило может быть всего лишь старой привычкой, — сказал Эраст.

Они решили проверить миры не по совершенству, древности или количеству спасений, а по способности признавать существование других. Каждой версии предложили отказаться от права быть единственной.

Мир богов отказался: единственность входила в должностную инструкцию. Мир титанов согласился, но попросил не ставить сверху тяжёлые эпохи. Мир без драконов долго сомневался, затем оставил на небе место для крыльев. Мир, где Эраст не женился, попросил сутки на размышление и адрес хорошего юриста.

— Настоящим станет не один мир, — поняла Вера. — Настоящей должна стать граница между ними.

— Граница не живёт, — сказал Лист.

— Зато позволяет жить разным сторонам.

Тихон открыл восьмую дверь. Она умела соединять только то время, которым делились добровольно. Каждый мир положил в неё по одному мгновению, которое готов был отдать соседнему.

Из мгновений возник переплёт. Он не сжимал книги в одну, а держал их рядом.

Тарас оценил конструкцию.

— Совместная собственность без определения долей. Будущие суды обеспечены работой.

Пророчество начало бледнеть. Но один мир не отдал ничего — Реальность Ноль. Совершенство всё ещё сидело за восьмой дверью и требовало единственного ответа.

Без него переплёт не закрывался.

Глава сто тридцать вторая

Совершенство выходит на свободу

Восьмая дверь открылась. Совершенство вышло уменьшившимся до человеческого роста и крайне раздражённым отсутствием окончательного решения.

— Я нашло выход, — сказала оно.

— Признало чужой выбор? — спросил взрослый Тихон.

— Нет. Доказало, что чужого выбора не существует.

Оно принесло из добровольного будущего миллионы мгновений и сложило их в один идеальный момент. В нём все были живы, счастливы, примирены и навсегда остановлены.

— Вот настоящий мир. Никто не страдает, потому что ничего больше не происходит.

Лист посмотрел на идеальный момент с тоской.

— Это хороший финал.

— Это фотография, — сказала Вера. — Жизнь на ней только притворяется жизнью.

Совершенство предложило каждому войти. Эраст увидел Веру, помнящую всё. Тихон — семью без расставаний. Тарас — стол без единого неоплаченного счёта. Даже Маргарита Всеволодовна увидела мир, где все наконец выполняли её советы с первого раза.

Она отступила первой.

— Подозрительно. Если человек всё сделал правильно с первого раза, значит, он что-то скрывает.

Идеальный момент треснул.

Эраст отказался от полной памяти Веры. Вера — от гарантированной любви. Тихон — от заранее счастливого детства. Тарас задержался возле оплаченного счёта, перекрестился и тоже вышел.

— Почему? — спросил Эраст.

— Там заплатил не я. Не могу присваивать чужой подвиг.

Совершенство потеряло форму. Оно не понимало существ, добровольно выбирающих риск.

Тогда Реальность Ноль заговорила тысячами голосов. Не все её жители хотели идеального финала. Они отдали переплёту своё мгновение сомнения.

Последний мир присоединился.

Книги закрылись рядом, не уничтожая друг друга.

Но из-под пустого стеллажа донёсся стук.

Там находились миры, которым никто не дал даже первой страницы.

Глава сто тридцать третья

Восстание ненаписанных

Ненаписанные миры не имели лиц, имён и законов. Они существовали как обида возможности, которую ни разу не выбрали.

— Почему спасают только случившееся? — спросили они голосом белых страниц.

Астрейя попыталась объяснить, что невозможно прожить всё.

— Значит, ваше спасение всегда означает наше небытие.

Белые страницы поднялись и начали стирать написанное. Сначала исчезли второстепенные дороги, затем забытые города, потом отчества героев. Эраст Акакиевич на мгновение стал просто Эрастом и почувствовал себя подозрительно современно.

Тарас спрятал договор под одежду.

— Бумагу не отдам. Она уже достаточно пострадала от содержания.

Ненаписанные предложили справедливость: стереть все существующие миры и вернуть возможностям равные шансы.

— После этого кто выберет? — спросил Тихон.

— Никто. Поэтому выбор будет честным.

— Честным для пустоты, — ответил Эраст.

Маленький дракон прыгнул на белую страницу и оставил след грязной лапы. Так появился первый факт ненаписанного мира.

Страница возмутилась.

— Теперь ты существуешь, — сказал Тихон. — И уже не равна остальным.

Ненаписанные замерли. Любое проявление лишало их идеальной возможности, но давало жизнь.

Некоторые выбрали цвет. Другие — звук. Один мир выбрал единственную скамейку под дождём и решил начать с неё. Остальные сохранили пустоту, но перестали требовать, чтобы пустыми стали все.

Архив расширился не наружу, а в глубину. Для будущих историй появилось место между строк.

Лист впервые снял табличку «Последний читатель».

— Как теперь называться?

— Первым библиотекарем продолжений, — предложила Астрейя.

— Должность звучит безнадежно.

— Значит, надолго.

Последнее пророчество осталось на пустом стеллаже, хотя условие было выполнено.

Кто-то всё ещё держал его с другой стороны.

Глава сто тридцать четвёртая

Тот кто кашляет за пределами книги

Отпечаток ладони снова проступил на странице, но Лист стоял рядом и обе его руки были видны. Значит, первый след принадлежал не ему — он лишь думал, что написал пророчество.

Астрейя положила книгу на пустой стеллаж. Все страницы одновременно повернулись наружу, образовав окно.

За окном сидел человек за столом. Его лица не было видно: между ним и героями лежала раскрытая книга.

— Он читает нас? — спросил Тихон.

— Нет, — сказала Астрея. — Он вспоминает.

Человек перевернул страницу. Мир содрогнулся. Он сделал пометку на полях — и у Тараса появился долг, которого секунду назад не существовало.

— Узнаю авторский стиль, — мрачно сказал Тарас.

Эраст постучал по стеклу страницы.

Человек поднял голову. На его лице были черты Эраста Первого, позднего Эраста, Тихона и миллионов людей, которые когда-либо рассказывали истории.

— Кто вы? — спросила Вера.

— Память того, кто придумал мир, — ответил он. — Вы называли меня Автором, Сновидцем, судьбой и совпадением. Ни одно имя не было точным.

— Зачем последнее пророчество?

— Чтобы вы дошли до страницы, где сможете меня заменить.

Он закашлялся. Кашель был сухим, человеческим и настолько древним, что первый звук породил энергию, второй — титанов, третий — богов. Четвёртый создал драконов. Пятый дошёл до Эраста.

— Все наши кашли были эхом вашего?

— Да. Я заболел историей и не смог её закончить.

Человек протянул руку сквозь страницу. На ладони лежало перо.

— Кто-то из вас должен взять его. Тогда я стану персонажем, а он — тем, кто решает, где поставить последнюю точку.

Все посмотрели на Эраста.

Он покачал головой.

— Я уже был главным.

Посмотрели на Веру.

— Я только начала новую жизнь. Не хочу сразу распоряжаться чужими.

Тихон был ребёнком. Мира — драконом. Маргарита Всеволодовна согласилась бы, но перо предусмотрительно отодвинулось.

Тарас протянул руку.

— Только временно. До выяснения авторских прав.

Перо прыгнуло ему в ладонь.

И весь мир оказался написан почерком Тараса Ананиевича.

Глава сто тридцать пятая

Первый закон хорошего человека

Почерк Тараса Ананиевича был крупным, осторожным и слегка виноватым. Буквы теснились, будто заранее знали: места в мире мало, а платить за лишнюю строку придётся отдельно.

Первым делом новый Автор посмотрел на свой долг. Тот занимал три страницы, два поля и маленькую сноску, где особенно мелко было написано, что сноска тоже платная.

— Начнём с очевидного, — сказал Тарас и вывел пером: «Все долги, возникшие без согласия должника, считать недействительными».

Мир вздохнул с таким облегчением, что в нескольких государствах упали казначеи.

Договор под одеждой Тараса зашуршал, похудел и превратился в один лист. На нём осталось: «Вы должны один честный разговор».

— Это ещё кому?

— Видимо, себе, — сказала Вера.

— С собой я всегда договариваюсь без свидетелей.

Тарас написал второй закон: «Никто не имеет права назначать человека главным без его письменного согласия».

Короны слетели с голов случайных наследников. Председатели семнадцати советов внешне обнаружили, что заседание можно закончить. Где-то далеко один император впервые спросил подданных, хотят ли они императора, и был глубоко оскорблён разнообразием ответов.

Эраст одобрительно кивнул.

— Полезный закон.

На его груди немедленно появилась табличка: «Советник Автора по полезным законам».

— Я не соглашался.

— Я не назначал!

Перо дёрнулось в руке Тараса и само дописало на полях: «Молчание героя считается сюжетным согласием».

Все посмотрели на человека за окном. Бывший Автор уже стоял рядом с ними — худой, растерянный, в домашней рубашке и с чернильным пятном на рукаве.

— Это старое правило, — признался он. — Иначе персонажи никогда не выходили из дома.

— Разумные персонажи, — заметила Маргарита Всеволодовна.

Тарас зачеркнул правило. В тот же миг тысячи героев отказались идти в тёмные подвалы, открывать подозрительные письма и разговаривать с незнакомцами в плащах. Сюжеты по всему миру остановились перед закрытыми дверями.

— Прекрасно, — сказал Эраст. — Мы спасли всех от приключений.

— А приключения от смысла, — добавила Вера.

Из глубины Архива донёсся грохот. Ненаписанные миры полезли между строк, занимая освободившиеся места. Скамейка под дождём выросла посреди зала, а на ней сидел человек, который отказался быть героем и теперь не знал, кем работать.

Тарас поднял перо.

— Исправлю.

— Подожди, — сказал Тихон. — Каждый раз, когда взрослый говорит «исправлю», ребёнку потом приходится искать выход.

Но перо уже коснулось страницы.

Глава сто тридцать шестая

Исправление исправленного

Тарас написал: «Каждый вправе отказаться от приключения, но приключение вправе подождать у двери».

По всему миру возле домов появились приключения. Одни выглядели как рыцари, другие — как налоговые уведомления. Самые опасные были похожи на хорошую возможность.

У дверей Архива тоже кто-то постучал.

— Кто там? — спросил Эраст.

— Последствия, — ответили снаружи.

— Нас нет дома.

— Это мы знаем. Дом теперь у нас.

Дверь открылась сама. В зал вошли последствия первых двух законов. Первое было высоким и прозрачным, потому что отменённые долги нигде не исчезли: они потеряли должников, но сохранили аппетит. Второе носило сотни ненадетых корон и требовало, чтобы кто-нибудь всё-таки принимал решения.

— Авторская власть, — объяснил бывший Автор, — не исполняет желание. Она распределяет цену желания между теми, кто не успел отойти.

— Почему сразу не сказали?

— Раньше это звучало как авторский комментарий. Их никто не читает.

Прозрачный долг обнюхал Тараса и бросился к маленькому дракону. Тот был главным героем, следовательно, по древнему закону повествования отвечал за всё.

Мира накрыла малыша крылом.

— Только попробуй.

Долг остановился. Некоторые силы древнее титанов, но материнский тон появился ещё раньше.

Тарас торопливо написал: «Цена авторских решений ложится на автора».

Чернила вспыхнули. Все отменённые долги, ненадетые короны и непрожитые приключения вошли в него разом.

Тарас согнулся, но не упал. На его плечах вырос город, потом война, потом маленькая кухня, где пожилая женщина ждала сына, которого автор когда-то убрал из главы ради темпа.

— Тяжело? — спросил Эраст.

— Нет, — прохрипел Тарас. — Просто раньше совесть была внутренним органом.

Вера взяла перо за другой конец.

— Пиши не закон. Пиши возможность.

Вместе они вывели: «Каждая история имеет право предложить автору другой ход».

Страница покрылась примечаниями. Города предлагали не разрушать их. Злодеи просили детство попроще. Второстепенные герои требовали имён. Один конь настаивал, что прекрасно понимает человеческую речь и давно устал возить рыцаря не туда.

Перо задрожало под тяжестью поправок.

— Теперь надо всё прочитать, — сказал Тарас.

— Поздравляю, — сказал бывший Автор. — Вы изобрели редактуру.

Астрей побледнела.

— Нет. Он изобрёл голосование внутри книги.

На страницах возникли урны. В первую же минуту большинство проголосовало за вечное лето, бесплатный хлеб и немедленное исключение всех глав, где идёт дождь.

Скамейка под дождём исчезла.

Человек, сидевший на ней, остался в воздухе.

— Верните мой дождь, — тихо попросил он. — Без него я не знаю, зачем ждал.

Тарас понял, что справедливое большинство умеет стирать не хуже несправедливого автора.

Глава сто тридцать седьмая

Автор второго плана

Бывшего Автора звали Семён.

Это выяснилось случайно, когда Маргарита Всеволодовна спросила, как обращаться к человеку, который создал богов, титанов, драконов и ни одной удобной кладовой.

— Семён, — ответил он.

Все молчали.

— Что?

— Ничего, — сказал Эраст. — Просто ожидали больше слогов.

Лишившись пера, Семён начал терять авторские свойства. Сначала перестал понимать мысли окружающих. Потом не смог вспомнить, что находится за ближайшей дверью. Наконец споткнулся о собственное описание и разбил колено.

— Больно, — удивился он.

— Это вы ещё в сапогах, — заметил Эраст. — Некоторых вы отправляли в горы босиком ради символизма.

Семён потребовал вернуть перо хотя бы на одну минуту.

— Исправлю несколько ранних решений.

— Каких?

— Ваш первый брак.

— Перо не давать, — немедленно сказал Эраст.

Тарас сидел за столом и читал предложения миров. Его волосы поседел на одну главу вперёд. Рядом лежали три стопки: «разумно», «невозможно» и «разумно, но почему-то страшнее». Третья росла быстрее.

Вера принесла ему воду.

— Ты не обязан отвечать всем.

— Автор, который не отвечает персонажам, похож на начальника, запершего кабинет изнутри.

— А автор, который отвечает всем?

— На человека, который скоро запрет кабинет снаружи.

Тихон тем временем разговаривал с Семёном.

— Вы знали, что со мной случится?

— Знал варианты.

— И выбрали этот?

Семён долго смотрел на свои ладони.

— Я выбирал то, после чего ты продолжал идти.

— Это не ответ.

— Теперь я персонаж. Нам редко дают хорошие ответы.

Тихон отвернулся. Взрослая версия его самого появилась в глубине страницы, но не приближалась. Между ребёнком и взрослым лежали годы, которые один уже пережил, а второй ещё не соглашался принимать.

Маленький дракон потянул Семёна за рукав и указал на белое место между строками.

Там проступало предложение: «Семён оказался главным злодеем».

— Я этого не писал, — сказал Тарас.

— Я тоже, — ответил Семён.

Предложение дописало себя: «Потому что всякий автор, ставший персонажем, обязан ответить перед созданными им мирами».

Из Архива вышли те, кого Семён когда-то убил, забыл, объединил с другими персонажами или вычеркнул до первой редакции. Их было так много, что очередь заканчивалась в мифологической эпохе.

Первым стоял титан без имени.

— Ты создал меня, чтобы я подержал небо в одном абзаце, — сказал он. — Потом заменил горой.

Второй была богиня с одним глазом и двумя несовместимыми судьбами.

— Меня вычеркнули, потому что читатель мог запутаться.

Третьим подошёл человек со скамейки.

— А мой дождь вернётся?

Семён шагнул назад.

Перо в руке Тараса само раскрылось остриём, как судебный нож.

Глава сто тридцать восьмая

Суд над тем кто придумал суд

Суд устроили в зале незавершённых приговоров. Здесь когда-то боги решали судьбы смертных, но обычно расходились до объявления наказания, потому что бессмертным было трудно договориться о сроках.

Семёна посадили на скамью, которую вернули вместе с дождём. Дождь шёл только над обвиняемым, что выглядело выразительно и сэкономило воду.

Астрейя стала хранителем порядка. Маргарита Всеволодовна — обвинителем, хотя никто её не назначал.

— Я почувствовала общественную необходимость.

— Есть защита? — спросил Эраст.

Все посмотрели на него.

— Почему опять я?

— У вас богатый опыт защиты виноватых решений, — сказала Вера.

Эраст встал рядом с Семёном.

— Прежде чем начать, уточню: мой подзащитный виновен почти во всём. Но если мы его уничтожим, это будет финал, написанный им самим много лет назад. Предлагаю из принципа не доставлять ему удовольствия.

Первым свидетельствовал титан. Он рассказал, как держал небо до появления времени, а потом был заменён географией.

— Почему вы убрали его? — спросила Маргарита Всеволодовна.

— Спина болела, — сказал Семён. — Я пожалел.

Титан растерялся. Он тысячелетиями готовил гнев и не предусмотрел сострадания.

Богиня призналась, что две судьбы ей нравились. В одной она была жестокой, в другой — доброй, а между ними могла выбирать.

— Я думал, противоречие испортит образ.

— Противоречие и было моим образом.

Семён опустил голову.

Потом выступали чудовища. Большинство жаловалось на плохие имена и привычку героев убивать их до разговора. Один гигантский слизень хотел официально уточнить, что охранял сокровище не из жадности, а потому что оно грело пол.

Тарас записывал показания. С каждым словом перо становилось тяжелее.

— Приговор готов, — объявила Маргарита Всеволодовна. — Пусть проживёт жизнь каждого, кому причинил боль.

Зал одобрительно загудел.

— Тогда он никогда не закончит, — сказал Тихон.

— Именно.

— И никто из них тоже не закончит. Они останутся внутри его наказания.

Тишина пришла раньше решения.

Тихон подошёл к Семёну.

— Вы не можете вернуть прошлое. Но можете перестать делать вид, что оно было нужно.

Семён кивнул.

— Не всё было нужно.

Эти слова оказались сильнее оправдания. Стены суда раскрылись, и за ними показались первые эпохи: океаны энергии, исполины из света, титаны, ещё не научившиеся быть врагами, и боги до того, как им придумали поклонников.

Тарас поднял перо, чтобы записать приговор.

Но слова уже появились сами: «Автор признаётся не виновным и не невиновным, а ответственным».

— Кто написал? — спросила Вера.

Из древней энергии поднялась огромная рука и перевернула страницу суда.

— Тот, — прошептала Астрейя, — кто придумал автора.

Часть пятнадцатая

Черновик конца

Глава сто тридцать девятая

До первого слова

Рука была больше эпохи. На каждом её пальце жили законы, которые ещё не решили, станут ли природой. Она перевернула страницу, и герои упали в мир до первого слова.

Здесь не было земли. Не было неба. Не существовало даже слова «не было», поэтому происходящее чувствовало себя свободно.

Океаны чистой энергии сталкивались и порождали гигантских существ. Одно напоминало кита, но китов ещё не придумали. Другое было похоже на гору, хотя горы появятся позже и, вероятно, украдут идею.

— Это Предначалие, — сказала Астрей. — Время до драконов, богов и титанов.

— Я думал, до начала ничего нет, — сказал Тарас.

— Так думают те, кто приходит после и любит присваивать пустые участки истории.

Перо вырвалось из его руки и поплыло к световому исполину. Тот проглотил его, не заметив.

— Авторские права съели, — констатировал Эраст.

— У меня был подобный случай с договором, — сказал Тарас. — Только там сначала съели человека.

Семён пошёл к исполину.

— Он ещё не существо. Это возможность размера.

— Тогда попросите возможность размера вернуть возможность письма.

Исполин раскрыл глаз. Внутри глаза зарождались будущие созвездия.

— Зачем вам конец? — спросил он без голоса.

Вопрос прошёл через тела и временно сделал каждого старше мира.

— Чтобы история имела форму, — ответил Семён.

— Форма нужна тому, кто боится бесконечности.

— Бесконечность нужна тому, кто не умеет заканчивать разговор, — сказала Маргарита Всеволодовна.

Исполин впервые встретил тещу и задумался о конечности.

Из его груди выпало перо. Но вместе с ним выпало Чёрное Слово — первое слово, которое Семён когда-то отказался писать.

Оно не имело букв. Оно означало окончание без смысла: прекращение потому, что продолжать устали.

Чёрное Слово коснулось океана энергии. Целая возможность мира погасла.

— Вот кто перевернул страницу суда, — поняла Вера. — Не создатель автора. Его усталость.

Семён побледнел.

— Я спрятал её до начала времён.

— Все прячут усталость туда, где её, по их мнению, никто не найдёт, — сказал Эраст. — Обычно она потом основывает государство.

Глава сто сороковая

Право на собственную ошибку

Чёрное Слово двинулось к будущему. Оно гасило возможности, из которых должны были родиться титаны, боги, драконы, люди и учреждения, выдающие справки по четвергам после обеда.

— Последних можно не спасать, — предложил Тарас.

— Нельзя выбирать цивилизацию только по удобству расписания, — сказала Вера.

— Тогда зачем цивилизация?

Перо вернулось к Тарасу, но больше не слушалось. Каждая буква требовала согласия всех будущих персонажей. На слово «остановись» пришло три миллиарда поправок, включая предложение заменить его на «приостановись с возможностью обжалования».

— Так мы не успеем.

— Отдай каждому право написать одну строку, — сказал Тихон.

— Начнётся хаос.

— Он уже начался. Просто пока пишет один человек.

Тарас разделил перо. Оно рассыпалось на бесконечное множество маленьких перьев и ушло в будущие времена.

Каждый персонаж получил право на одну строку о себе.

Титаны написали, что не обязаны воевать с богами. Боги написали, что не обязаны быть бессмертными. Драконы потребовали убрать из легенд выражение «злое чудовище» и заменить его на «территориально чувствительный гражданин».

Люди оказались менее единодушны. Одни добавляли себе храбрость, другие — деньги, третьи — прошлое, в котором деньги достались честно. Несколько правителей написали, что всегда были любимы народом. Народ использовал свою строку для примечаний.

Эраст долго держал маленькое перо над ладонью.

— Что напишешь? — спросила Вера.

— Что не обязан спасать мир.

— Напиши.

— Тогда вдруг окажется, что я спасал его не потому, что должен.

Он вывел: «Эраст Акакиевич мог уйти».

Перед ним открылась дверь домой. Там стояла тихая кухня, на столе остывал чай, и ни один пророк не прятался в шкафу.

Эраст закрыл дверь.

— Теперь можно продолжить добровольно.

Вера написала: «Я помню достаточно, чтобы выбирать, но не достаточно, чтобы не удивляться». Её прошлые жизни перестали давить и встали рядом, как советчики без права решающего голоса.

Тихон написал медленно: «Я не обязан становиться тем взрослым, который уже был».

Взрослый Тихон в глубине страницы улыбнулся и исчез. Осталась дорога, но впервые без заранее назначенного конца.

Мира дала перо маленькому дракону. Тот поставил отпечаток лапы.

— И что это значит? — спросил Семён.

— Что он сам разберётся, когда научится писать, — ответила она.

Чёрное Слово замедлилось. Оно могло стереть авторский текст, но не знало, как стереть миллиарды добровольных ошибок.

Глава сто сорок первая

Редактор которому никто не рад

Когда каждый написал о себе по строке, мир стал длиннее в четыре раза и противоречивее в девять. У двух соседних королевств появилась одна и та же древняя столица. Семеро избранных оказались единственными. Один бессмертный умер во вторник и подал жалобу в среду.

— Нужен редактор, — сказал Семён.

Все отступили.

— Я уже был автором. Второй раз не предлагают.

— Где такое правило?

— Только что придумал.

Из Чёрного Слова вышла женщина в сером платье. Вместо лица у неё были поля страницы, испещрённые красными пометками.

— Повторы убрать, — сказала она. — Лишних героев объединить. Неубедительные чудеса объяснить. Мир сократить на треть.

— Кто вы? — спросила Астрей.

- Необходимость.
- Это имя или угроза?
- Редактор.

Она щёлкнула пальцами. Два королевства с одной столицей объединились и немедленно начали гражданскую войну из-за названия. Семеро избранных превратились в одного очень уставшего мужчину. Воскресший во вторник снова умер, теперь окончательно и стилистически аккуратно.

- Редактор подошла к Эрасту.
- Главный герой дублирует функции Тихона, Тараса и дракона. Сократить.
- Кого?
- Вас.

Эраст почувствовал, как становится второстепенным. Сначала исчезло отчество. Потом воспоминание о первом спасённом мире. Затем окружающие перестали замечать его, пока он не заговорит.

- Возражаю, — сказала Вера.
- Романтическая линия затянута.
- Это жизнь.
- Тем более нуждается в сокращении.

Вера ударила Редактора маленьким пером. Красная пометка появилась у той на платье: «Мотивация недостаточна».

- Ещё раз, — посоветовала Маргарита Всеволодовна. — Сильнее мотивируй.

Но Редактор уже добралась до Предначалия. Она убирала исполинов как избыточные метафоры, сворачивала океаны энергии в один понятный источник и готовила титанов к сокращению численности.

- Если она упростит прошлое, — сказала Астрейя, — будущее потеряет варианты.
- Зато станет понятнее, — ответил Семён.

Все посмотрели на него.

- Я не сказал, что лучше. Я объяснил, почему когда-то согласился.

Тарас попытался соединить маленькие перья обратно. Они не хотели. Получив однажды право голоса, письменные принадлежности быстро приобрели политические взгляды.

Тогда маленький дракон подбежал к Редактору и чихнул огнём.

Красные пометки загорелись. Под каждой обнаружился не вычеркнутый текст, а другой вариант истории.

- Редактор не уничтожала возможности.
- Она складывала их внутрь Чёрного Слова.

Глава сто сорок вторая

Ластик для автора

Чёрное Слово раскрылось, как дверь. За ним лежал Черновик конца — место, куда попадали все отброшенные финалы.

Там Эраст погибал тысячу раз и тысячу раз оставался жить. Вера забывала его, вспоминала, проходила мимо и никогда не встречала. Тарас становился богатым, бедным, министром финансов и человеком, который вовремя выбросил подозрительную бумагу. Последний вариант казался самым фантастическим.

- Тихон увидел десятки взрослых себя.
- Который настоящий?
- Тот, за которого ты ещё не решил, — сказала Вера.
- Редактор вошла в Черновик и подняла красное перо.
- История не может сохранить все финалы. Читатель должен получить один.
- Почему? — спросил человек со скамейки.

— Иначе он почувствует, что потратил время зря.

— А если один финал окажется ложью?

— Хороший финал — ложь, которой верят после закрытия книги.

Семён подошёл к ней. Теперь они стояли друг напротив друга: тот, кто не сумел закончить, и та, которая умела заканчивать слишком хорошо.

— Ты появилась из моей усталости?

— Я появилась из твоего страха разочаровать.

— Это почти одно и то же.

— Для автора. Не для читателя.

Редактор протянула ему перо.

— Выбери финал. Один. Остальные исчезнут.

Семён посмотрел на миры, которые судили его, простили не до конца и всё равно пришли спасать. Потом — на Тараса, державшего ответственность вместо власти. На Эраста, который мог уйти. На Веру, выбравшую несовершенную память. На Тихона, отказавшегося от готового взрослого себя.

— Нет.

Редактор улыбнулась пустыми полями.

— Тогда выберу я.

Красное перо опустилось к странице.

И в этот момент кто-то кашлянул.

Это был не Семён, не Эраст и не древняя энергия. Кашель прозвучал снаружи Черновика, дальше Архива и выше окна, за которым прежде сидел Автор.

После первого звука все буквы стали объёмными.

После второго страницы перестали подчиняться переплёту.

После третьего в руке Тихона появился ластик.

На нём было написано: «Для удаления автора. Использовать один раз».

— Какого автора? — спросил Тихон.

Ластик повернулся другой стороной.

Там перечислялись имена.

Семён.

Тарас Ананиевич.

Редактор.

Эраст Акакиевич.

Вера.

Тихон.

Маленький дракон.

И последнее имя, написанное почерком, которого никто из них не узнавал, потому что этот почерк принадлежал тому, кто сейчас держал книгу.

Тихон поднял глаза.

За пределами всех страниц кто-то перевернул следующую.

Глава сто сорок третья

Читатель снаружи

Следующая страница оказалась пустой только с их стороны.

Снаружи по ней двигалась тень. Огромный палец задержался над Тихоном, словно читатель хотел провести по строчке, но вспомнил, что книги от этого не становятся понятнее.

— Он нас видит? — спросила Вера.

— Хуже, — сказал Семён. — Он решает, интересно ли ему.

Тень перелистнула назад. Все снова пережили последние три секунды. Тихон поднял ластик, Редактор улыбнулась пустыми полями, маленький дракон икнул огнём.

Палец вернулся вперёд.

— Неприятное чувство, — сказал Эраст. — Как будто твою жизнь перечитали и ничего не подчеркнули.

На полях появилась карандашная надпись: «Кого они сотрут?»

— Вот и вопрос, — сказала Редактор. — Пока не выберете, читатель не уйдёт.

— Пусть уходит, — ответил Тарас. — Мы его не задерживаем.

Книга захлопнулась.

Мир исчез.

Через мгновение книга открылась снова, и мир вернулся. Не полностью. У одного города пропала северная окраина, у одного бога — второе имя, а у Тараса — воспоминание о человеке, которому он когда-то честно вернул долг.

— Что произошло?

— Читатель отвлёкся, — объяснил Семён. — Пока книга закрыта, существует только то, что успело запомниться.

Тарас ощупал карманы.

— А деньги при закрытой книге тоже исчезают?

— Только чужие.

— Значит, законы мира писал экономист.

Тихон прочитал имена на ластике ещё раз. Каждое стало дверью. За именем Семёна находился мир без создателя. За именем Тараса — мир без новых законов. За именем Эраста — мир, который больше некому было спасти. За именем Веры — мир, в котором никто не помнил, зачем его спасли.

За его собственным именем стояла тишина.

За именем маленького дракона — огонь, не научившийся согреть.

Последняя дверь имени не имела. На ней отражался глаз читателя.

— Можно стереть его? — спросил Тихон.

— Если стереть читателя, книга останется непрочитанной, — сказала Астрей.

— Но существовала же она до него.

— Возможно. Только доказать это было некому.

Эраст подошёл к безымянной двери и постучал.

С другой стороны постучали в ответ — не пальцем, а изнутри.

За дверью тоже находился кто-то запертый.

— Я знал, — сказал Эраст. — Читатели всегда подозрительно похожи на персонажей, которым выдали квартиру получше.

Глава сто сорок четвёртая

Кого нельзя стереть

Редактор предложила голосование.

— Демократия уже однажды убрала дождь, — напомнил человек со скамейки.

— Теперь вопрос проще. Нужно выбрать одного виноватого.

— Поэтому и опаснее, — сказала Вера.

Тарас предложил жеребьёвку. Он нарезал бумажки, написал имена и положил их в шляпу Эраста. Когда Тихон достал первую, там значилось: «Тарас Ананиевич». На второй тоже. И на третьей.

— Шляпа предвзята, — сказал Тарас.

— Шляпа моя, — ответил Эраст. — Она просто много слышала.

Семён взял ластик.

— Сотрите меня. Всё началось с моего кашля.

— До вашего кашля было Предначалие, — возразила Астрей. — А до него, вероятно, кто-нибудь плохо спал.

— Я автор. Ответственность моя.

— Бывший автор, — уточнил Тарас. — Не присваивайте действующие обязательства. Редактор протянула ладонь.

— Сотрите меня. Без редактора история станет длинной, противоречивой и местами бессмысленной.

— То есть останется жизнью, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Не вижу угрозы. Эраст предложил стереть себя. Вера ударила его по руке раньше, чем он закончил фразу.

— Я лишь проверял варианты.

— Проверяй менее героически.

Тихон смотрел на своё имя. Ластик становился теплее, будто чувствовал сомнение и принимал его за согласие.

— Если стереть меня, взрослого Тихона не будет. Значит, часть бед не случится.

— И часть добра, — сказала Вера.

— Добро можно сделать иначе.

— Можно. Но не задним числом.

Маленький дракон забрал ластик зубами. Все бросились к нему. Он отбежал, сел и начал старательно стирать слово «ластик» на самом ластике.

Буквы посерели.

Предмет задрожал и превратился в кусок белой резины без назначения.

— Он уничтожил оружие? — спросил Семён.

— Он уничтожил инструкцию, — ответила Мира. — Оружие теперь само не знает, что умеет.

Белая резина подпрыгнула и стёрла ближайшую запятую.

Два предложения слились. Титан признался, что держал небо потому что жалел людей которые ещё не появились и очень хотел обедать.

— Смысл пострадал, — сказала Редактор.

— Зато честность выросла, — заметил Эраст.

Резина покатила по странице. Она стирала знаки препинания, границы абзацев и расстояния между именами.

СемёнТарасЭрастВераТихон превратились в одно слово.

И мир впервые не смог определить, кто из них совершил следующий поступок.

Глава сто сорок пятая

Общая биография

Поступок оказался кашлем.

Кашляли все пятеро одновременно, но каждый был уверен, что звук принадлежал другому. От кашля Черновик конца свернулся в трубку, а времена потекли навстречу друг другу.

Эраст вспомнил детство Тихона. Вера — авторский стол Семёна. Тарас обнаружил, что однажды был драконом, хотя финансовой пользы из этого воспоминания извлечь не сумел.

— У нас общая биография, — сказала Вера.

— Требую раздел имущества, — ответил Тарас.

Имена продолжали слипаться. Теперь любой поступок одного становился прошлым остальных. Когда Эраст сделал шаг, у Семёна заболела нога. Когда Тихон испугался, Вера вспомнила страх, которого у неё никогда не было.

Редактор попыталась расставить запятые вручную, но белая резина следовала за ней и стирала их с деловитостью чиновника, обнаружившего неправильно поставленную печать.

— Нельзя жить без границ, — сказала она.

— Некоторым удаётся без совести, — заметила Маргарита Всеволодовна. — Границы проще.

Астрей повела всех в Зал Собственных Имён. Здесь хранились первые звуки, на которые когда-либо откликнулся каждый человек, бог, титан и дракон.

Зал был разграблен.

На полках остались только прозвища, должности и несколько отчеств, забытых родственниками. В центре стояло существо из чужих имён. Оно носило имя Эраста на плече, имя Веры вместо сердца и имя Тараса в кармане.

— Представьтесь, — потребовала Редактор.

— Я — Все, Кого Можно Перепутать.

— Короче нельзя?

— Можно. Тогда перепутаете с кем-нибудь конкретным.

Существо объяснило, что родилось в тот миг, когда границы между авторами, героями и читателями исчезли. Теперь оно имело право на любую судьбу, потому что каждая судьба хоть немного принадлежала ему.

— Отдай имена, — сказал Тихон.

— Зачем? Отдельные имена нужны, чтобы отдельно отвечать.

Тарас одобрительно нахмурился.

— Логика знакомая. Обычно так разговаривает совет директоров.

Все, Кого Можно Перепутать, открыло рот. Оттуда посыпались забытые подписи, псевдонимы и детские прозвища. Каждое искало хозяина, но хозяева изменились и не сразу узнавали себя.

Эраст поймал имя «Эраст Акакиевич». Оно было тяжёлым, неудобным и безусловно его.

— Никогда не думал, что обрадуюсь отчеству.

— Отчество, — сказала Маргарита Всеволодовна, — это когда родители продолжают участвовать даже после того, как их не спрашивают.

Вера вернула своё имя. Тихон — своё. Семён долго выбирал между «Автором» и «Семёном», потом положил первое обратно на полку.

Тарас нашёл два имени: Тарас Ананиевич и Должник.

Он взял оба.

— Второе не ваше, — сказала Вера.

— Зато привык.

Когда имена разделились, у белой резины снова появились буквы. Но теперь на ней было написано не «Для удаления автора».

Новая надпись гласила: «Для удаления границы между книгой и тем, кто её читает».

Глава сто сорок шестая

Мир выходит наружу

Тихон не успел спрятать ластик. Безымянная дверь распахнулась, и белая резина сама прыгнула в глаз читателя.

Страница стала прозрачной.

За ней находилась комната. Обычная настолько, что герои сразу заподозрили магию: стол, кружка, лампа, окно и человек с книгой. Ни одного титана. Даже счёт за электричество лежал скромно и не пытался захватить власть.

Человек отпрянул.

— Они двигаются.

— Вы тоже, — сказал Эраст. — Пока ничья.

Звук прошёл сквозь страницу. Читатель услышал и выронил книгу.

Все упали вверх.

Эраст первым вывалился из переплёта на стол. За ним Вера, Тихон, Тарас, Семён, Астрей, Маргарита Всеволодовна, Мира и маленький дракон. Последним попытался выбраться световой исполин, но застрял между оглавлением и форзацем.

— Похудеть надо, — посоветовала Маргарита Всеволодовна.

Исполин до появления материи не знал стыда, но быстро освоил.

Герои стали ростом с карандаш. Кружка возвышалась над ними башней, а остывший чай пах неизвестной цивилизацией.

Читатель смотрел на них с ужасом человека, который хотел немного отвлечься перед сном и случайно получил ответственность за несколько миров.

— Как вас зовут? — спросила Вера.

— Николай.

Семён облегчённо вздохнул.

— Хорошо. Я боялся, имя окажется символическим.

— А Семён, значит, вершина загадочности, — сказал Эраст.

Николай осторожно коснулся маленького дракона. Тот укусил его за палец, убедился в реальности и отпустил.

— В книге этого не было.

— В книге много чего не было, — ответил Тарас. — Например, суточных и компенсации морального вреда.

На столе лежали другие книги. Из одной выглядывал сыщик, всю жизнь уверенный, что преступление совершил садовник. Из другой доносился спор двух влюблённых, которых автор не знакомил до последней главы. Третья была историческим трудом, и оттуда уже требовали показать документы на современность.

Стирание границы распространялось.

— Нужно вернуться, — сказал Семён. — Если все книги выйдут наружу, реальность не выдержит такого количества главных героев.

— Она выдерживает людей, считающих себя главными героями, — заметила Вера.

— Люди хотя бы иногда сомневаются.

Николай поднял книгу.

— Что я должен сделать?

— Дочитать, — сказала Редактор, выбираясь из закладки. — И желательно без перерывов.

— Сейчас ночь. Мне утром на работу.

Все посмотрели на Тараса.

— Наконец-то, — сказал он, — появился злодей, страшнее автора.

Часть шестнадцатая

Ночь перед работой

Глава сто сорок седьмая

Сон читателя

Николай продержался семь страниц.

На восьмой его глаза закрылись, и мир вошёл в сон читателя.

Во сне комната расширилась до государства. Кровать стала горным хребтом, подушка — заснеженной вершиной, а будильник висел в небе красной луной и отсчитывал минуты до конца свободы.

— Уничтожить будильник? — предложил маленький дракон.

— Нельзя, — сказал Тарас. — Это единственная сила, которой подчиняется читатель.

Из сна вышли титаны. Не те, которых знали герои, а те, какими представлял их Николай: каменные, огромные и слегка похожие на начальника отдела. Каждый нёс папку с надписью «Срочно».

— Исполнить до пробуждения, — потребовал первый.

— Согласовать со всеми мирами, — добавил второй.

— Ответственного назначить из присутствующих, — закончил третий.

— Вот теперь кошмар достоверный, — сказал Эраст.

Титаны Срочности окружили книгу. Они собирались отнести её на вершину Подушки и положить под печать Незавершённых Дел. Если это произойдёт, Николай проснётся с твёрдым намерением дочитать вечером. Такое намерение считалось самым надёжным способом похоронить историю.

Вера поднялась на кроватный хребет.

— Нам нужно изменить сон.

— Я умею, — сказал Семён.

— Ты его не знаешь.

— Авторы редко знают людей, чьи сны используют.

Семён описал море. Появилось море, но из чая. Он добавил корабль — возник служебный автобус с парусом. Попытался вызвать бурю, и сверху посыпались непрочитанные сообщения.

— У Николая бедное воображение, — заключила Редактор.

— У Николая понедельник, — сказал Тихон. — Это другое заболевание.

Тихон закрыл глаза и прислушался не к сну, а к тому, от чего читатель прятался в книге. За титанами, папками и будильником билось маленькое желание: проснуться не тем человеком, который лёг.

— Он читает ради выхода, — сказал Тихон. — А мы всё время строим ему новые комнаты.

Эраст подошёл к первому Титану Срочности.

— Что случится, если дело не выполнить?

— Будет плохо.

— Конкретнее.

Титан замялся. Срочность редко переживает второй вопрос.

— Возможно, ничего. Но письмо написано красным.

— Тогда подождёт.

Титан рассыпался на обычные задачи. Второй потерял рост, когда Вера спросила, кто именно должен согласовать. Третий исчез после вопроса Тараса об оплате дополнительной ответственности.

Будильник в небе зазвонил.

Николай открыл глаза.

И обнаружил на подушке след огромной каменной ноги.

Глава сто сорок восьмая

Боги выходят на пенсию

След нельзя было объяснить сном. Николай сфотографировал его, но на снимке получилась только смятая подушка: техника всегда первой признаёт официальную версию реальности.

Из книги тем временем продолжали выходить персонажи. Боги Предначалия заняли подоконник и потребовали храм. Николай предложил цветочный горшок.

— Здесь уже поклоняются? — спросил бог грома.

— Герани.

— Она отвечает на молитвы?

— Иногда цветёт.

Боги признали результат убедительным и поселились рядом.

Однако за пределами книги их власть исчезла. Бог грома мог вызвать только статическое электричество. Богиня судьбы предсказывала, что чай остынет. Бог войны поссорился с автоматическим обновлением и проиграл.

— Мы стали бесполезны, — сказал он.

— Поздравляю, — ответил Тарас. — Теперь можете заняться управлением.

Боги созвали совет. После трёх часов споров решили выйти на пенсию и потребовали стаж за вечность, вредные условия бессмертия и компенсацию за отсутствие выходных.

Николай посмотрел на часы.

— Я опаздываю.

— Скажите, что у вас дома боги оформляют пенсию, — предложил Эраст.

— Не поверят.

— Тогда скажите правду: проспали.

Николай собрался уходить, но дверь комнаты не открылась. За ней была не лестничная площадка, а следующая глава.

Редактор проверила замок.

— Граница стёрта полностью. Теперь наружный мир стал частью книги.

— Значит, работа тоже?

— К сожалению, хорошо прописанные ужасы сохраняются.

На телефоне Николая появилось сообщение начальника: «Зайдите, как появитесь». Боги отступили от экрана.

— Кто это? — спросил бог войны.

— Тот, кому я должен объяснить опоздание.

— Сильнее судьбы?

— По вторникам — да.

Маргарита Всеволодовна забрала телефон.

— Я поговорю.

— Не надо!

Но она уже нажала вызов.

Начальник ответил раздражённо. Через минуту слушал молча. Через две извинился перед Николаем за непродуманную систему мотивации. Через три попросил Маргариту Всеволодовну провести общее собрание.

— Я свободен? — спросил Николай.

— Наоборот, — сказал Эраст. — Ваша работа только что получила сюжетную линию.

Телефон вырос, превратился в дверь и распахнулся. За ней стоял офис, населённый богами в галстуках, титанами с пропусками и гигантскими существами из чистой энергии, ожидающими у кофейного автомата.

На стене висело объявление: «Автору явиться в отдел кадров».

Ниже мелко дописали: «Всем авторам».

Глава сто сорок девятая

Отдел кадров мироздания

Отдел кадров занимал пространство между первым рабочим днём и последним обещанием уволиться. В очереди стояли создатели миров: древние боги, случайные сновидцы, поэты, дети с карандашами и один бухгалтер, придумавший параллельную вселенную, чтобы сошёл баланс.

На стойке сидела женщина с бейджем «Надежда. Стаж вечность без перерыва».

— Цель визита?

— Нас вызвали, — сказал Семён.

— Все так говорят. Документ, подтверждающий право создавать реальность.

Семён показал чернильное пятно на рукаве.

— Недостаточно.

Тарас предъявил бывший договор.

— Просрочен.

Редактор протянула красное перо.

— Не соответствует новой форме.

Эраст положил на стойку мир, спасённый им в первой книге.

Надежда рассмотрела его, поставила штамп и вернула.

— Копия есть?

— Это единственный мир.

— Поэтому и спрашиваю.

Тихон заметил за её спиной шкаф с личными делами. На корешках стояли имена всех авторов, включая тех, кто считал себя только читателем. Последняя папка называлась «Николай. Временно исполняющий реальность».

— Я ничего не создавал, — сказал Николай.

— Вы представили, что герои могут выйти из книги, — ответила Надежда. — Этого оказалось достаточно.

— Я просто испугался.

— Большинство миров начинается так же.

Маленький дракон забрался в шкаф и вытащил тонкую папку без имени. Внутри лежал один лист: «Автор вакансии отсутствует. Место свободно с момента появления первого вопроса».

— Значит, никто не придумал автора, — сказала Вера. — Место было пустым, а Семён его занял.

— Временно, — уточнила Надежда. — Все занимают временно. Даже вечные.

— Кто вызывает нас сейчас?

Надежда указала на дверь с надписью «Собеседование».

— История.

— Она человек?

— При собеседовании лучше не спрашивать.

Семён вошёл первым. Дверь закрылась. Через минуту он вышел постаревшим и без чернильного пятна.

— Что спросили? — прошептал Тарас.

— Почему я хочу работать автором.

— И что ответили?

— Что уже не хочу.

— Приняли?

— Повысили.

Следующим вызвали Эраста.

Он вошёл, но кабинет оказался пуст. На столе лежала его жизнь и две ручки: одна могла написать счастливый конец, другая — правдивый.

На обеих было написано одно и то же слово: «Ложь».

Глава сто пятидесятая

Счастливый конец требует справку

Эраст не взял ни одной ручки.

— Это тоже выбор, — сказала История.

Голос шёл от пустого кресла, стен и папки с его именем.

— Где вы?

— Там, где меня рассказывают.

— Очень удобно. Маргарита Всеволодовна тоже так отвечает, когда нужно мыть посуду.

На столе появилась третья ручка. На ней было написано: «Продолжение».

— Возьмёшь её — счастливый конец не будет.

— А несчастливый?

— Тоже не будет. Будут последствия.

— Уже знакомы.

Эраст коснулся ручки, но История остановила его.

— Сначала справка о том, что ты не пытаешься спасти мир ради привычки.

— Кто выдаёт?

— Мир.

За дверью выстроились все спасённые реальности. Каждая должна была подтвердить, что просила о помощи. Половина утверждала, что справилась бы сама. Четверть не помнила Эраста. Остальные требовали компенсацию за сопутствующие разрушения.

Тарас оживился.

— Составим акт сверки.

— Не вмешивайся, — сказала Вера. — Иначе к концу акта появится шестая книга.

Мир первой встречи Эраста и Веры выступил вперёд.

— Я не просил спасения, — сказал он. — Но после него у меня появилось будущее.

Второй мир сказал:

— Я просил. Потом пожалел.

Третий признался:

— Меня вообще спасали от другого конца света. Но этот был терпимее.

История выслушала всех.

— Достаточно. Справка не выдана.

— Почему?

— Потому что миры не обязаны оправдывать твою жизнь.

Эраст улыбнулся.

— Тогда я свободен?

— Нет. Теперь ты можешь продолжать без оправдания.

Он взял третью ручку.

В кабинете появились остальные. Вера встала рядом. Тихон держал белую резину, которая больше ничего не обещала стирать. Тарас нёс акт сверки на сорока листах и выражение человека, впервые счастливого по профессиональной причине.

— Что писать? — спросил Эраст.

— Не финал, — сказал Семён. — Финалы у нас получаются подозрительно продолжительными.

Маленький дракон поставил лапу на чистый лист.

На бумаге возникла карта мира, которого не было ни в Архиве, ни в Предначалии, ни среди ненаписанных возможностей. У мира отсутствовали прошлое, автор и законы. В центре находился один город.

Город назывался Елец.

Эраст посмотрел на Семёна.

— Это ты?

— Нет.

На Тараса.

— Я бы начал с банка.

На Николая.

— Я никогда там не был.

Карта развернулась. По улицам древнего города шли люди, уверенные, что драконы бывают только в сказках. Над рекой висел кашель, ещё не ставший звуком. Под старой башней спал титан, которого не было ни в одном черновике.

А на городской площади человек с лицом Эраста Акакиевича покупал обручальное кольцо.

— Это не я, — сказал Эраст.

Человек на карте поднял голову.

— Конечно, не ты. Я тот, кем ты был до первой страницы.

Он протянул руку сквозь нарисованный город и забрал ручку «Продолжение».

— Вы слишком долго спасали миры, — сказал двойник. — Теперь миры будут спасать вас.

Карта захлопнулась вокруг героев.

Отдел кадров исчез. Комната Николая исчезла. Архив, Предначалие и Черновик конца свернулись в одну точку.

Когда Эраст открыл глаза, он стоял на елецкой площади. Рядом были Вера и Тарас. Тихона, Семёна, драконов и остальных нигде не было.

В кармане лежало обручальное кольцо.

А на пальце — след от кольца, которое он, судя по всему, уже успел снять.

Глава сто пятьдесят первая

Кольцо с предыдущей жизни

Эраст посмотрел на след от кольца и решил не задавать главный вопрос. Опыт подсказывал: если мир оставляет на пальце доказательство брака, безопаснее сначала выяснить, кто здесь теща.

Площадь жила обычным утром. Торговцы открывали лавки, голуби делили памятник, городские часы показывали время, которое никого не устраивало. Никто не замечал, что три человека появились из свернувшейся вселенной.

— Это точно Елец? — спросила Вера.

— На вывеске написано, — сказал Тарас. — Вывески врут реже пророчеств. Им за это платят меньше.

Эраст вынул кольцо. На внутренней стороне были выгравированы две даты. Первая ещё не наступила. Вторая произошла триста лет назад.

— Удобно, — сказал Тарас. — Можно одновременно опоздать и прийти заранее.

К ним подошла пожилая женщина с корзиной яблок.

— Вернулся наконец, — сказала она Эрасту.

— Мы знакомы?

— Нет. Но ты каждый раз спрашиваешь одно и то же.

Женщина представилась Прасковьей Елисеевной и сообщила, что продаёт не яблоки, а воспоминания города. Яблоки были для вида и пирогов.

— Сколько стоит воспоминание?

— Чужое — недорого. Своё — всем, что сумеешь забыть вместо него.

Тарас отступил.

— Нерыночные условия.

Прасковья выбрала маленькое зелёное яблоко и протянула Эрасту.

— Это твоё утро перед свадьбой.

Вера приподняла бровь.

— Перед какой?

— Перед первой, которая случилась после последней.

— Началось, — вздохнул Эраст.

Он надкусил яблоко. Площадь исчезла.

Эраст увидел себя молодым, хотя возраст определить было невозможно: лицо было его нынешним, а взгляд принадлежал человеку, который ещё ни разу не спас мир и потому считал себя усталым совершенно заслуженно.

Рядом стояла девушка в белом платье. Лица у неё не было. Вместо лица вращалась карта звёздного неба до появления звёзд.

— Ты обещал вернуться, когда забудешь меня, — сказала она.

— Я вас не помню.

— Значит, вернулся.

Она надела кольцо ему на палец. В этот момент под городом что-то перевернулось во сне, и колокола зазвонили снизу вверх.

Воспоминание закончилось.

Эраст стоял на площади. Яблоко в его руке стало каменным.

— Кто она? — спросила Вера спокойно. Настолько спокойно обычно спрашивают перед землетрясением.

Прасковья посмотрела на башню.

— Жена того Эраста, которого этот Эраст заменил.

— Я никого не заменял.

— Каждый человек кого-то заменяет. Обычно себя вчерашнего. Но тебе, милоч, повезло крупнее.

Под площадью снова раздался звон.

Каменное яблоко раскололось. Внутри лежал ключ от двери, которой в городе ещё не построили.

Глава сто пятьдесят вторая

Эраст до Эраста

Дверь нашлась в стене старой башни. Её не было минуту назад, но горожане проходили мимо с равнодушием людей, привыкших к ремонту исторического центра.

Ключ подошёл. За дверью сидел человек с лицом Эраста Акакиевича и заполнял анкету.

— Фамилия? — спросил он сам себя.

— Кунилин, — ответил Эраст.

Двойник поднял глаза.

— У меня была другая.

— Какая?

— Её стёрли, чтобы твоя лучше запоминалась.

Комната была заставлена ящиками. На каждом значилось: «Прошрое, не вошедшее в окончательную версию». В одном лежали детские годы Эраста. В другом — его несостоявшиеся профессии. Третий тихо ругался голосом человека, которого Эраст мог бы стать, если бы однажды не повернул направо.

— Ты кто? — спросила Вера.

— Первый вариант.

— У нас уже был Эраст Первый, — сказал Тарас.

— Он был первым по власти. Я — первым по ошибке.

Двойник объяснил: до начала истории Эраст жил в Ельце, собирался жениться и служил хранителем городского сна. Когда Семён начал книгу, ему понадобился герой без лишнего прошлого. Елец, невесту и титана под башней вычеркнули.

— Почему я ничего не помню?

— Потому что память мешает красиво удивляться.

— А ты почему остался?

— Кто-то должен был помнить вместо тебя.

Вера обошла двойника. Они были одинаковы, но рядом различие становилось очевидным. У нынешнего Эраста взгляд постоянно искал выход. У прежнего — причину не уходить.

— Как вас зовут?

— Эрат.

— Одну букву тоже сократили? — спросил Тарас.

— На ней сэкономили чернила.

Эрат показал им анкету. Это было заявление на возвращение в собственную жизнь. Внизу требовалась подпись человека, который занял его место.

— Если подпишу, что случится?

— Я вернусь. Ты исчезнешь из прошлого.

— А из настоящего?

— Настоящее само решит, кого считать продолжением.

Эраст взял ручку.

Вера накрыла его ладонь.

— Не торопись быть благородным. У тебя это плохо кончается и хорошо описывается.

Эрат усмехнулся точно так же, как Эраст.

— Она всегда была умнее нас.

— Ты её знаешь?

— Нет. Но я помню женщину, для которой готовился стать тобой.

Из самого большого ящика донёсся женский голос:

— Оба опоздали.

Крышка приподнялась, и изнутри хлынуло звёздное небо без звёзд.

Глава сто пятьдесят третья

Невеста без времени

Девушка из воспоминания вышла из ящика в белом платье. Теперь лицо у неё было, но оно менялось при каждом взгляде: юное, старое, человеческое, состоящее из света, похожее на Веру и совершенно незнакомое.

— Меня зовут Лада, — сказала она. — По крайней мере, так выговорили люди.

— Вы жена Эрата? — спросила Вера.

— Я не успела.

— Эраста?

— Он не успел.

— Тогда чья свадьба оставила след на пальце?

— Та, которая должна была удержать город от пробуждения.

Лада коснулась стены. Камни стали прозрачными. Под башней лежал титан размером с область. Его позвоночник повторял изгиб реки, плечи держали холмы, а дыхание поднимало ветер над площадью.

— Он спит под Ельцом с эпохи до богов, — сказала Лада. — Город построен не над ним. Город построен из его сна.

Тарас постучал по прозрачному камню.

— Собственность оформлена?

— Тарас, — сказала Вера.

— Если проснётся собственник, нас могут выселить.

Титана звали Ел. Вторую часть имени он должен был получить от человека, добровольно связавшего свою судьбу с его сном. Эрат и Лада собирались завершить древний договор браком.

— Поэтому город называется Елец? — спросил Эраст.

— Нет. Город так называется потому, что однажды титан спросил людей: «Ель есть?» Люди услышали не всё, но решили, что это имя. История часто начинается с плохой слышимости.

— А договор?

— Не состоялся. Семён вычеркнул вашу линию. Титан остался без полного имени и начал просыпаться.

— Почему не проснулся раньше?

— Для титанов триста лет — это когда перевернулся на другой бок и ещё сомневаешься.

Эрат посмотрел на Ладу.

— Мы можем закончить церемонию сейчас.

— Не можем. Ты — прошлое. Я — время до времени. Для брака нужен хотя бы один человек, существующий официально.

Все посмотрели на Эраста.

— Даже не начинайте.

Кольцо в его кармане нагрелось.

Снаружи зазвонили колокола. На этот раз один из них упал вверх и исчез в облаках.

Лада вздохнула.

— Ел произнёс половину второго имени.

— Какую?

Земля содрогнулась.

Из трещин на площади поднялись каменные буквы: «ЕЦ».

— И что означает полное имя?

— Если успеет произнести, город перестанет быть сном.

— Станет реальностью?

— Нет, — сказала Лада. — Проснётся вместе с тем, кому снится.

Глава сто пятьдесят четвёртая

Город который не хотел быть настоящим

Горожане собрались на площади. Им объяснили, что Елец существует во сне древнего титана и скоро может проснуться.

— А налоги после пробуждения сохранятся? — спросил булочник.

— Неизвестно.

— Тогда сначала надо узнать. Не будем же рисковать без расчёта.

Староста потребовал провести общественное обсуждение. Часть жителей хотела стать реальными. Другая часть справедливо замечала, что реальность слишком переоценена и плохо отапливается зимой.

— Во сне хотя бы можно проснуться, — сказал сапожник.

— А в реальности?

— Там обычно тоже на работу.

Прасковья Елисеевна раздавала яблоки с городскими воспоминаниями. Люди надкусывали и видели прошлое, которого у них не было: улицы до домов, церкви до веры, реку до воды.

Чем больше город вспоминал, тем сильнее просыпался Ел.

— Нужно остановить воспоминания, — сказала Лада.

— Поздно, — ответила Прасковья. — Память, если пошла по рукам, обратно в корзину не собирается.

Тарас предложил составить реестр всего, что город готов оставить во сне. Жители принесли несбывшиеся любви, забытые обиды, три легенды, пять обещаний перестроить мост и одну улицу, которую столетиями собирались переименовать.

— Этого хватит? — спросил Эрат.

— Для обычного города — да, — сказал Тарас. — Для русского это только текущая документация.

Вера заметила, что в реестре нет будущего.

— А его никто не принёс, — ответил староста. — Оно же ещё не наше.

— Вот поэтому город и остаётся сном. Вы храните прошлое, но не считаете себя владельцами будущего.

Люди зашумели. Будущее всегда вызывает подозрение: приходит без рекомендаций, требует вложений и обещает отчитаться позже.

Эрат поднялся на ступени башни.

— Не надо выбирать между сном и реальностью. Выберите, что сделаете, когда город проснётся.

— А если исчезнем?

— Тогда хотя бы исчезнете с планом.

Булочник первым сказал, что испечёт хлеб. Сапожник — что починит обувь. Староста пообещал собрать ещё одно обсуждение, потому что некоторые люди остаются собой при любой метафизике.

Площадь стала плотнее. Камни обрели вес. Ветер перестал проходить сквозь стены.

Город начал становиться настоящим сам, без разрешения титана.

Под землёй Ел открыл один глаз.

Глаз оказался солнцем.

Над Ельцом наступило второе утро, и оба потребовали считать себя первым.

Часть семнадцатая

Город до карты

Глава сто пятьдесят пятая

Два утра и одна администрация

Два солнца осветили площадь с противоположных сторон. Тени встретились между людьми и начали спорить, кому принадлежать.

Городская администрация немедленно издала распоряжение: считать одно утро основным, второе — временно исполняющим обязанности дня.

— Вот почему цивилизации переживают богов, — сказал Тарас. — Боги создают солнца, а чиновники назначают им график.

Второе солнце было глазом Ела. Оно смотрело внутрь города и видело не дома, а мысли жителей. Скрывать что-либо стало невозможно.

Булочник признался, что вчерашний хлеб продавал как сегодняшний. Староста вспомнил, что общественное обсуждение уже проводили во сне и результаты ему не понравились. Эраст подумал о кольце, и вся площадь посмотрела на Веру.

— Очень удобно, — сказала она. — Продолжай молча.

Эрат думал о Ладе. Его тень подошла к её тени и взяла за руку, хотя сами они стояли далеко друг от друга.

Титан видел всё, но не понимал людей. Для него любовь выглядела как добровольное нарушение границ, дружба — как долговременный обмен неприятностями, а семья — как группа существ, имеющих право войти без стука.

— Неплохое определение, — заметила Маргарита Всеволодовна.

Эраст обернулся.

Она стояла у фонтана. Рядом были Тихон, Семён, Астрея, Мира и маленький дракон.

— Как вы нас нашли?

— Очень просто, — ответила Маргарита Всеволодовна. — Там, где мужчина с кольцом говорит, что ничего не понимает, скоро появляется семья.

Тихон обнял Веру. Маленький дракон прыгнул Эрасту на плечо и попытался съесть второе солнце. Ел моргнул, и на мгновение наступила ночь.

— Не трогай титана, — сказала Мира. — Он несвежий.

Семён изучил город.

— Этого места не было в моей книге.

— Было, — возразил Эрат. — Ты его вычеркнул.

— Значит, оно должно было остаться в Черновике конца.

Астрея коснулась камней.

— Нет. Елец старше черновика. Его нельзя было вычеркнуть — только перестать замечать.

Из-под башни донёлся второй слог имени титана. «Ец» прокатилось по улицам, и каждый житель получил завершение собственной фамилии, которой ещё не было.

Город заполнился будущими родами.

Одни существовали столетия, другие исчезали через поколение, третьи ещё не родились и уже жаловались на предков.

Тихон увидел среди них мальчика со своим лицом.

— Это я?

— Нет, — сказала Астрея. — Это тот, кто однажды вспомнит тебя как легенду.

Мальчик подошёл и протянул Тихону книгу.

На обложке было написано: «Спасти мир и не кашлять».

Все страницы внутри оставались пустыми, кроме последней.

На последней странице стояла дата завтрашнего дня и список тех, кто не доживёт до вечера.

Глава сто пятьдесят шестая

Список живых до вечера

В списке были все.

Эраст прочитал дважды, надеясь, что во второй раз текст проявит уважение к главным героям. Текст не проявил.

— Удобный список, — сказал Тарас. — Никого не забыли. Видно, работал ответственный человек.

— Почему мы умрём? — спросил Тихон.

Мальчик пожал плечами.

— В легенде не сказано. Только что после заката город останется, а его жители станут прошлым.

— Все жители?

— Все, кто считает себя настоящим.

Староста предложил срочно объявить население временным. Распоряжение подготовили за семь минут, но никто не согласился расписаться: подпись делала человека официально существующим.

На площади началась паника. Люди прятали имена, менялись домами и заявляли, что вообще зашли в этот век случайно.

Лада взяла пустую книгу.

— Это не пророчество. Это акт пробуждения. Когда Ел откроет второй глаз, сон закончится. Город сохранится как место, но люди, рождённые его сном, исчезнут.

— Значит, надо снова усыпить титана, — сказал Эраст.

— Или сделать жителей реальными до заката, — ответила Вера.

— Как?

— Реальность начинается с последствий. Нужно, чтобы поступки каждого изменили не только его сон.

Жители разбежались совершать последствия. Булочник бесплатно раздал хлеб и обнаружил, что добрый поступок очень быстро создаёт очередь. Сапожник починил чужие сапоги, после чего их владелец смог уйти из города. Староста отменил собственное распоряжение и впервые испытал физическую боль от честности.

Тарас открыл пункт регистрации реальности.

— Подтверждение существования — два свидетеля и одно действие, о котором пожалеете.

— Почему пожалеете?

— Если не пожалеете, это мог сделать кто-нибудь другой.

К вечеру очередь растянулась через площадь. Люди признавались в любви, возвращали долги, прощали тех, кого удобнее было ненавидеть, и отказывались прощать тех, кого ещё не готовы были отпустить.

Каждый поступок зажигал в городе маленький огонь.

Ел открыл второй глаз.

Второе солнце поднялось с запада. Между двумя утрами родился один закат.

Список в книге начал сокращаться.

Исчезли имена булочника, сапожника, старосты, Прасковьи Елисеевны. Потом Веры и Тараса.

Эраст остался.

Рядом с ним — Эрат, Лада, Тихон и маленький дракон.

— Что нас объединяет? — спросил Тихон.

Астрейя посмотрела на пустые строки книги.

— Вы ещё не совершили поступок, последствия которого принадлежат только вам.

— Я спасал миры, — сказал Эраст.

— Именно. Последствия всегда доставались мирам.

Глава сто пятьдесят седьмая

Поступок без свидетелей

До заката оставалось меньше часа. Это было видно по тому, как оба солнца торопились, но делали вид, что движутся величественно.

Тарас пытался помочь Эрасту составить перечень личных поступков.

— Женился.

— Последствия достались всем, — сказала Вера.

— Не женился.

— Тем более.

— Платил долги.

— Не все.

— Это уже клевета по форме и бухгалтерская точность по существу, — обиделся Тарас.

Эрат должен был вернуть себе жизнь. Для этого требовалась подпись Эраста. Если Эрат подпишет, Эрат станет настоящим, но сам Эраст может потерять прошлое.

— Подписывай, — сказал Эрат.

— Очень убедительно.

— Если не подпишешь, исчезнем оба. Я как черновик, ты как копия без оригинала.

Лада остановила их.

— Договор не сделает вас отдельными. Один из вас должен выбрать жизнь, которой другой никогда не проживёт.

Эрат посмотрел на неё.

— Я останусь в Ельце.

Эраст посмотрел на Веру.

— А я уйду.

Два одинаковых человека впервые стали разными.

Имя Эрата исчезло из списка.

Ладе нужно было отказаться от древней обязанности быть невестой договора. Она сняла белое платье. Под ним оказалось простое синее, с карманами и пятном от яблочного сока.

— Я не выйду замуж ради города, — сказала она. — Даже если город обидится.

Город не обиделся. Он облегчённо выдохнул: ответственность за его существование наконец перестала лежать на чужой свадьбе.

Имя Лады исчезло.

Тихон долго молчал. Потом подошёл к мальчику из будущей легенды и вернул ему книгу.

— Я не хочу знать, кем меня запомнят.

— Тогда зачем спасал будущее?

— Чтобы оно могло ошибиться обо мне самостоятельно.

Имя Тихона исчезло.

В списке остались Эраст и маленький дракон.

Дракон поставил лапу на страницу. Ничего не произошло.

— Ему нечего выбирать, — сказала Мира. — Он ещё не знает, какие жизни мог бы прожить.

Закат коснулся крыш.

Эраст взял малыша на руки.

— Запишите его поступок на меня.

— Нельзя, — ответила Астрея.

— Почему? Авторские долги переносили без спроса.

— Потому что это будет жертва. А нужна жизнь.

Маленький дракон посмотрел Эрасту в глаза и впервые произнёс человеческое слово:

— Папа.

Мира выронила яблоко.

Вера закрыла глаза.

Тарас тихо сказал:

— Вот теперь последствия точно личные.

Имя дракона исчезло из списка.

Имя Эраста осталось.

Глава сто пятьдесят восьмая

Имя которое носит город

Солнца коснулись друг друга. До конца сна оставались минуты.

— Что я должен сделать? — спросил Эраст.

— Ничего, — сказала Вера. — Впервые попробуй ничего не спасать.

— Я умею.

— Ты умеешь откладывать спасение. Это активная форма паники.

Под землёй Ел начал подниматься. Улицы выгнулись на его плечах. Башня стала пальцем.

Река потекла по линии ладони.

Горожане уже были реальными и теперь с ужасом обнаружили главное неудобство реальности: она не обязана сохранять недвижимость.

Эраст увидел, как башня падает на площадь. Он мог броситься удерживать её. Мог позвать титанов, написать новый закон или превратить падение в символ. Всё это он делал в разных мирах.

Он остался на месте.

Башня остановилась в воздухе сама.

Сотни жителей держали её верёвками, подпорками, магией, плечами и громкими советами. Булочник командовал левым краем. Староста оформлял право на подвиг задним числом. Тарас собирал подписи тех, кто обещал не выставлять счёт.

Мир спасал себя.

Имя Эраста исчезло из списка.

— И всё? — спросил он.

— Тебе мало? — сказала Вера.

— Непривычно. Обычно после спасения что-нибудь взрывается.

В этот момент взорвался закат.

Два солнца раскололись на золотые осколки и упали в глаза титана. Ел проснулся.

Город не исчез. Люди остались. Башня вернулась на место с видом сооружения, которое никуда не падало и готово подать в суд на свидетелей.

Из-под земли поднялся титан. Он был огромен только снаружи. Внутри него помещались улицы, дома, воспоминания и все варианты Ельца, которые могли когда-либо возникнуть.

— Кто дал мне имя? — спросил Ел.

Голос прошёл по камням и сделал каждую трещину старше.

— Люди, — сказала Лада.

— Они дали половину.

Каменные буквы «ЕЦ» поднялись с площади и приблизились к его груди.

— Вторую половину должен дать тот, кто не спас город.

Все посмотрели на Эраста.

— Я?

— Ты позволил ему спасти себя. Назови меня.

Эраст задумался. Полное имя титана не должно было быть красивым. Красивые имена быстро становятся пророчествами, а пророчества — поводом разбудить кого-нибудь неподходящего.

— Елец, — сказал он. — Пусть твоим именем будет город, а не город твоим сном.

Буквы вошли в грудь титана.

Ел улыбнулся.

— Поздно.

— Что поздно?

— Это имя уже занято.

Он раскрыл ладонь. На ней стоял другой Елец — современный, шумный, настоящий, с машинами, проводами, многоэтажными домами и человеком, который сидел за компьютером и писал эту историю.

Эраст присмотрелся.

— Опять автор?

— Нет, — сказал Семён. — Этот думает, что автор он.

Человек за компьютером набрал: «Эраст посмотрел на человека за компьютером».

Эраст посмотрел.

Человек остановился.

Потом медленно удалил последнее предложение.

Эраст продолжал смотреть.

— Почему я не исчез? — спросил он.

Титан Елец опустил ладонь ближе.

— Потому что теперь ты настоящий.

На экране компьютера появилась строка, которую человек не печатал:

«Если герой пережил удаление, автору следует подготовиться к знакомству».

Маленький дракон расправил крылья.

— Папа, — повторил он и чихнул.

Экран вспыхнул. Между двумя Ельцами открылась дверь.

С той стороны человек торопливо захлопнул ноутбук.

Дверь осталась открытой.

Глава сто пятьдесят девятая

Человек который закрыл ноутбук

Первым в дверь вошёл маленький дракон. Он считал осторожность разновидностью медлительности и потому не практиковал.

Эраст шагнул следом. За ним Вера, Тарас, Тихон и остальные. Титан Елец попытался пройти целиком, но дверь вмещала только его взгляд. Для существа размером с город это было почти унижительно.

По другую сторону находилась обычная квартира. На столе стоял закрытый ноутбук, рядом остывал чай, а за креслом прятался мужчина.

— Мы вас видим, — сказал Эраст.

— Я мебель проверяю.

— Из-за кресла?

— Самое ненадёжное место мебели.

Мужчина поднялся. Ему было около того возраста, когда человек ещё строит планы на двадцать лет, но уже сначала проверяет спину. На нём была домашняя одежда и выражение автора, которого застали внутри собственного вымысла.

— Как вас зовут? — спросила Вера.

— Александр Александрович.

— Оба раза?

— Родители решили закрепить результат.

Семён обошёл его кругом.

— Вы нас придумали?

— Я вас записал.

— Разница?

— Придуманное слушается. Вы — нет.

Тарас сразу попросил показать договор. Александр Александрович признался, что договора нет, авторские права оформлены условно, а гонорар существует в форме надежды и нескольких уведомлений о скидках.

— Наш человек, — сказал Тарас.

Эраст открыл ноутбук. На экране был текст их последнего разговора, включая слова, которые они ещё не произнесли.

Внизу мигал курсор.

— Что он делает?

— Ждёт продолжения.

— А если не продолжать?

— Начинает мигать осуждающе.

Маленький дракон наступил на клавиатуру. На экране появилось: «жжжжжжжж». Где-то в городе родилось насекомое длиной в восемь букв.

— Уберите его! — Александр Александрович поднял дракона.

— Осторожнее, — предупредил Эраст. — Он считает меня папой.

— А вас?

— Пока человеком, который мешает печатать.

Вера пролиستала документ. Главы шли одна за другой, но между ними обнаружились серые фрагменты — удалённые сцены. В одной Эраст оставался дома. В другой Тарас становился королём и немедленно вводил плату за отказ от короны. В третьей Вера помнила всё с первой встречи и уходила раньше, чем успевала полюбить.

— Почему вы удалили это?

— Чтобы история получилась.

— А мы?

Александр Александрович не ответил.

Клавиша удаления на ноутбуке тихо щёлкнула сама.

Серый фрагмент с Верой исчез окончательно.

— Это не я, — сказал автор.

Клавиша щёлкнула снова.
Из комнаты исчезло слово «автор».

Глава сто шестидесятая
Клавиша без хозяина

После исчезновения слова Александр Александрович остался человеком за компьютером. Внешне почти ничего не изменилось, но он сразу перестал понимать, почему все смотрят на него с претензией.

— Вы кто? — спросил он.

— Последствия вашей бессонницы, — ответил Эраст.

Клавиша удаления приподнялась над клавиатурой. Под ней оказались маленькие металлические зубы.

Редактор наклонилась ближе.

— Это не инструмент. Это хищник.

— Я годами нажимал на неё.

— Она годами позволяла.

Клавиша прыгнула на стол и стёрла край кружки. Чай перестал понимать, где заканчивается, и растёкся в прошлое. Вчера Александр Александрович внезапно вспомнил, что уже проливал его.

— Надо поймать, — сказал Тихон.

— Чем? — спросил Тарас. — Она удалит ловушку.

— Тогда тем, чего нет.

Все посмотрели на Семёна. Бывший Автор умел доставать отсутствующее из черновиков, но только если точно знал, чего не хватает.

— Нужна клавиша возврата, — решил он.

На клавиатуре возникла новая кнопка: «Вернуть как было».

Тарас немедленно нажал.

Вернулись старые долги, первая версия Эраста, два уничтоженных мира, забытая обида Веры и чай в кружке. Вместе с чаем вернулась муха, утонувшая в нём три дня назад. Муха потребовала объяснений.

— Отменить возврат! — крикнул Александр Александрович.

Кнопка послушалась. Исчезло всё возвращённое, кроме долгов: они заявили, что повторное удаление нарушает их права.

Клавиша-хищник побежала к краю стола. Маленький дракон перегородил путь и зашипел.

Она стёрла его тень.

Дракон побледнел. Без тени его тело начало становиться прозрачным.

Мира ударила крылом. Клавиша отлетела на пол, но успела удалить звук удара. Все увидели движение и только потом испугались тишины.

Эраст схватил клавишу. Та впилась зубами в палец.

На экране начало исчезать его имя. Сначала отчество, потом фамилия, затем первая буква.

— Отпусти! — крикнула Вера.

— Если отпущу, она убежит.

— Если не отпустишь, убежишь ты. Из текста.

Тарас накрыл клавишу договором. Бумага задымилась, но выдержала: юридические формулировки труднее удалять, потому что никто не уверен, где у них смысл.

Клавишу завернули в семь приложений и одну таблицу.

— Надолго? — спросил Тихон.

— Пока не дочитает, — ответил Тарас.

Из свёртка донёсся голодный скрежет.

На экране появилась фраза: «Удаление невозможно. Файл используется другой программой».

— Какой программой? — спросил Александр Александрович.

Ноутбук ответил: «Реальность».

Глава сто шестьдесят первая

Файл занят жизнью

Закреть Реальность оказалось невозможно. Она не отображалась среди запущенных программ, не отвечала на команды и использовала почти всю память.

— Обычное состояние, — сказал Эраст.

Александр Александрович перезагрузил ноутбук.

Комната погасла.

Когда свет вернулся, все стояли на рабочем столе компьютера. Иконки возвышались домами. Корзина находилась на горизонте и выглядела как крепость, вокруг которой кружили удалённые файлы.

— Никогда не доверял рабочим столам, — сказал Тарас. — На настоящем хотя бы видно, сколько бумаг потеряно.

Текст книги лежал открытой дорогой. Каждая глава была участком пути, а абзацы образовывали переулки. В местах, где автор менял сюжет, стояли объездные знаки: «Версия окончательная», «Версия окончательная новая», «Версия точно окончательная 7».

— Узнаю организованный труд, — сказала Редактор.

Программа Реальность оказалась городом без центра. В нём жили несохранённые разговоры, забытые лица, случайные решения и мысли, которые человек не успел записать. Они считали себя настоящими именно потому, что нигде не были зафиксированы.

К героям подошёл мальчик в школьной форме.

— Вы из файла?

— Временно, — сказал Эраст.

— Тогда осторожнее. Здесь файлы не любят. Они пытаются доказать, что существование можно сохранить копированием.

Мальчика звали Саша. Он был воспоминанием Александра Александровича о собственном детстве, но не совпадал с ним. В памяти лето длилось дольше, деревья были выше, а взрослые знали ответы.

— Я выдуманный? — спросил Саша.

— Ты запомненный, — ответила Вера. — Это отдельная форма правды.

Саша показал дорогу к Центру управления памятью. Там можно было вернуть дракону тень и восстановить имя Эраста.

По пути они встретили забытые книги Александра Александровича. Одни были начаты и брошены. Другие закончены, но никогда не открыты после последней точки. Третьи обижались, что их называли ранними.

— Мы тоже станем забытыми? — спросил Тихон.

— Если повезёт, — сказала одна книга. — Хуже, когда помнят только название.

В Центре управления памятью сидел Старик Резервная Копия. Он сохранял всё, но выдавал только после того, как человек докажет, что действительно потерял.

— Тень дракона есть? — спросила Мира.

— Была.

— Верните.

— Опишите.

Мира описала: маленькая, крылатая, иногда больше самого дракона, особенно вечером. Старик покачал головой.

— Таких три миллиона. Нужно отличие.

Эраст вспомнил, как тень малыша закрыла его от авторского света.

— Она первая решила, что он может быть больше написанного о нём.

Старик улыбнулся и достал тень.

Она вернулась к дракону, но легла не под лапы.

Тень встала рядом отдельным существом.

Глава сто шестьдесят вторая

Тень главного героя

Тень поклонилась маленькому дракону и сказала:

— Спасибо за тело. Дальше я сама.

— Тени не разговаривают, — заметил Александр Александрович.

— Люди тоже часто, — ответила она. — Это не мешает им существовать.

Тень назвала себя Чернушкой. Мира заявила, что имя несолидное. Чернушка напостила: право выбирать имя появилось у неё пять секунд назад, а советчики уже нашлись.

Она знала всё, что дракон делал, но не знала, зачем. Пока тело летело, тень видела землю. Пока дракон смотрел вперёд, она замечала тех, кто остался позади.

— Значит, ты его совесть? — спросил Тарас.

— Нет. Совесть обычно приходит позже и требует проценты.

Чернушка сообщила, что клавиша удаления не сбежала. Она позволила себя поймать, чтобы попасть в договор Тараса. Теперь изнутри стирала условия одно за другим.

Тарас развернул свёрток. Семь приложений превратились в чистые листы. От таблицы остались границы, внутри которых уже нечему было ошибаться.

Клавиша выпрыгнула и направилась к Корзине.

— Зачем ей туда? — спросил Тихон.

— В Корзине лежит то, что можно восстановить, — ответил Старик Резервная Копия. — Она хочет удалить окончательно.

Они бросились следом. Дорогу преградили Стражи Формата — одинаковые фигуры, требующие привести всех к единому виду.

— Имя файла?

— Эраст Акакиевич.

— Недопустимое расширение.

— Это человек.

— Тогда тем более.

Редактор отвлекла стражей спором о тире. Через минуту они разделились на две непримиримые школы и забыли о беглецах.

У ворот Корзины клавиша уже стирала цепь. За решёткой толпились удалённые герои, сцены, города и целые эпохи. Среди них Эраст увидел женщину со звёздным лицом — прежнюю версию Лады, которой не дали имени.

— Выпусти нас, — попросила она.

— Если открыть Корзину, вернётся всё, — предупредил Семён. — Включая ошибки, которые я исправил.

— Какие именно?

— Я не помню. Поэтому и страшно.

Клавиша перекусила последнюю цепь.

Корзина распахнулась.

Удалённое хлынуло в Реальность. Небо заполнили черновые солнца. По улицам пошли герои с одинаковыми именами. Незаконченные войны встретились с отменёнными перемириями и не знали, с чего продолжить.

Чернушка выросла над городом.

— Я могу удержать их.

— Как?

— Всё удалённое отбрасывает тень. Даже если его никто не помнит.

Она раскинула крылья и собрала миллионы теней в одно чёрное небо.

На мгновение мир удержался.

Потом из Корзины поднялось существо, у которого не было тени.

— Что это? — спросил Эраст.

Семён узнал его первым.

— Мой первый счастливый конец.

Часть восемнадцатая

Счастье которое удалили

Глава сто шестьдесят третья

Идеальный финал номер один

Первый счастливый конец выглядел как белый город под вечным утром. В нём никто не болел, не старел, не уходил и не принимал решений, способных причинить боль.

— Почему ты его удалил? — спросил Тихон.

— В нём никто не жил, — ответил Семён. — Все только были счастливы.

Существо улыбнулось. Улыбка была безупречной и потому напоминала вывеску стоматологии.

— Я пришёл закончить вашу историю правильно.

— Мы уже видели Совершенство, — сказала Вера. — Оно хотя бы предлагало войти добровольно.

— Я улучшенная версия. Добровольность удалена как источник конфликта.

Белый город развернулся вокруг них. Черновые солнца выстроились в один аккуратный ряд. Удалённые герои получили роли, отменённые войны — победителей, забытые любви — взаимность.

Эраст оказался в доме с Верой. За окном был спасённый мир. На столе лежали оплаченные счета. Маленький дракон мирно спал у камина и никого не называл папой, потому что семейные сложности не соответствовали жанру идеального финала.

— Красиво, — сказал Эраст.

— Подозрительно, — ответила Вера.

Они попытались поссориться. Слова превращались в комплименты. Эраст заявил, что устал спасать мир, но изо рта вышло: «Я благодарен за возможность служить общему благу».

— Убейте меня, — попросил он.

Получилось: «Какой чудесный день».

Тарас жил по соседству. Его дом был полон денег, но все деньги принадлежали ему законно. Он сидел среди них с выражением человека, которому испортили любимую проблему.

— Даже одолжить некому, — пожаловался он.

Тихон стал взрослым без потерь. Он не помнил детского страха, а значит, не понимал детей, которые боялись.

Мира получила всех драконов обратно. Они были здоровы, послушны и совершенно одинаковы.

— Это не мои дети, — сказала она.

Счастливый конец приблизился.

— Боль устранена. Ошибки устранены. Неопределённость устранена.

— А кашель? — спросил Эраст.

— Причина кашля устранена.

— Жаль.

Эраст глубоко вдохнул. Кашлять не хотелось. Тогда он вспомнил всё, что когда-либо удерживал внутри: страх потерять Веру, нежелание быть главным, обиду на автора, любовь к существам, которых нельзя спасти окончательно.

Он не закашлялся.

Он засмеялся.

Смех не был предусмотрен идеальным финалом. В счастье можно было улыбаться, но смеяться требовалось над чем-то несовершенным.

Белая стена треснула.

Тарас присоединился. Вера тоже. Потом Тихон, Мира и даже Редактор, которая смеялась так редко, что каждый звук требовал примечания.

Счастливый конец начал темнеть.

— Прекратите. Вы уже счастливы.

— Вот поэтому и смешно, — сказал Эраст.

Город рассыпался.

Но одно белое утро осталось внутри маленького дракона. Он открыл глаза — и впервые не отбрасывал ни света, ни тени.

Глава сто шестьдесят четвёртая

Дракон без противоположностей

Маленький дракон стоял между светом и тенью, не принадлежа ни тому ни другому.

Чернушка пыталась вернуться к его лапам, но проходила сквозь.

— Он стал завершённым, — сказала Редактор.

— Это плохо? — спросил Эраст.

— Для памятника хорошо. Для живого существа подозрительно.

Дракон больше не хотел есть, спать, расти или спорить. Он знал всё, чем мог стать, и ни один вариант не казался важнее другого.

— Папа, — сказал Эраст.

Малыш посмотрел на него без узнавания.

Слово сохранилось, чувство исчезло.

Мира прижала дракона к груди. Он не сопротивлялся и не отвечал. Для матери это было страшнее любой раны.

Чернушка подошла к Эрасту.

— Ему нужна ошибка.

— Какая?

— Собственная. Не та, что вы разрешите.

Тарас предложил деньги. Вера — выбор. Тихон — игру без правил. Дракон смотрел равнодушно.

Тогда Александр Александрович открыл текст и написал: «Маленький дракон ошибся». Ничего не произошло.

— Потому что это ваша ошибка, — сказала Вера.

Семён попробовал создать опасность. Он вызвал древнего охотника на драконов, но тот увидел Миру, извинился и попросил перевести его в менее конфликтную главу.

Эраст сел рядом с малышом.

— Я не знаю, как тебя вернуть.

Дракон моргнул.

— Раньше я всегда знал хотя бы неправильное решение. Сейчас — нет.

Малыш наклонил голову.

— Если останешься таким, я всё равно буду рядом. Но мне будет больно. И я не стану делать вид, что это полезно для сюжета.

В идеальном финале боль была невозможна. Слова Эраста вошли в белое утро и оставили на нём тёмное пятно.

Дракон коснулся пятна носом.

Чернушка шагнула ближе.

На полу появились две тени: правильная и лишняя.

Малыш выбрал лишнюю.

Она приклеилась к хвосту задом наперёд.

Дракон удивился. Потом чихнул на собственное крыло, обжёгся и обиделся на огонь.

— Вернулся, — сказала Мира.

— И сразу с претензией, — добавил Тарас. — Точно живой.

Чернушка не исчезла. Теперь у дракона была своя тень и отдельная тень, которая решила остаться собой.

— Что будешь делать? — спросил Тихон.

— Искать тех, кого удалили без следа.

— У них нет теней.

— Значит, дам им свои.

Чернушка нырнула в Корзину.

Оттуда донёлся голос:

— Здесь кто-то стёр дно.

Глава сто шестьдесят пятая

Под корзиной мира

Дна у Корзины не было. Вместо него открывалась чёрная шахта, уходящая ниже памяти, ниже Предначалия и ниже самого понятия «раньше».

— Что может быть ниже удалённого? — спросил Тихон.

— То, что не разрешили даже удалить, — сказала Редактор.

Они спустились следом за Чернушкой. Стены шахты состояли из ненаписанных букв. При взгляде на них хотелось вспомнить слово, которого никогда не знал.

На первом уровне лежали замыслы, отвергнутые до мысли. На втором — чувства, которые люди сочли неподходящими и заменили удобными. На третьем хранились вопросы, после которых пришлось бы менять жизнь.

Тарас нашёл вопрос: «Сколько тебе действительно нужно?» — и быстро положил обратно.

Эраст увидел свой: «Кого ты спасаешь, когда спасаешь всех?»

— Не время, — сказал он.

— У тебя для этого вопроса никогда не время, — ответила Вера.

На дне шахты стояла дверь без ручки. За ней кто-то печатал. Удары были медленными и тяжёлыми, словно каждая буква весила эпоху.

Александр Александрович побледнел.

— У меня нет других компьютеров.

— У текста есть, — сказал Семён.

Дверь открылась от кашля маленького дракона.

За ней находился зал с бесконечными столами. За каждым сидел человек и писал одну и ту же книгу. Одни начинали с Эраста, другие с Тараса, третьи с дракона, четвёртые считали главным героем тещу и были по-своему правы.

— Это авторы вариантов, — сказала Астрей.

— Откуда они взялись?

— Каждый раз, когда история могла повернуть иначе, появлялся тот, кто её повернул.

В центре стоял пустой стол. На табличке было написано имя Александра Александровича.

— Я уже пишу наверху.

— Наверху вы записываете выбранный вариант, — ответил ближайший автор. — Здесь создают цену выбора.

Он показал страницу. На ней Вера погибала вместо Эраста. На соседней Тихон никогда не становился ребёнком. Ещё дальше Тарас вовремя платил все долги и поэтому не познакомился ни с кем из них.

— Эти миры существуют? — спросила Вера.

— Пока кто-то их пишет.

— А когда заканчивает?

— Автор поднимается наверх и забывает, что делал это.

За дальним столом сидел человек с лицом Александра Александровича, но старше на тысячу ненаписанных книг.

Он поднял голову.

— Вы поздно пришли. Клавиша уже выбрала окончательный вариант.

— Какой?

Старый автор повернул монитор.

На экране не было ни Эраста, ни Веры, ни Тихона, ни драконов.

Там сидел Тарас Ананиевич и писал книгу о том, как никогда с ними не встретился.

Глава сто шестьдесят шестая

Тарас который заплатил вовремя

В новом варианте Тарас жил спокойно.

Он работал, платил по счетам, избегал подозрительных договоров и никогда не заходил в комнаты, из которых доносилось пророчество. По вечерам пил чай, читал новости и возмущался концами света исключительно как налогоплательщик.

— Хорошая жизнь, — сказал настоящий Тарас.

— Хочешь поменяться? — спросил Эраст.

— Конечно нет. Но посмотреть приятно.

На экране правильный Тарас получил письмо. В нём предлагали выгодно вложить деньги в спасение мира. Он удалил письмо не открывая.

Клавиша-хищник сидела рядом с его рукой.

Каждое разумное решение делало мир беднее на одно приключение. Не встретив Эраста, Тарас не спас Веру. Не познакомившись с Тихоном, не попал в эпоху титанов. Не задолжав, не научился отвечать за чужие последствия.

— Она строит мир без ошибок, — сказала Вера.

— Мир без нас, — добавил Тихон.

— Не одно и то же, — ответил Эраст. — Но неприятно совпало.

Старый автор объяснил: клавиша удаления питается решениями, о которых никто не пожалел. Чем разумнее жизнь правильного Тараса, тем сильнее она становится.

— Нужно, чтобы он совершил ошибку, — сказал Семён.

— Как передать сообщение в законченный вариант?

— Долг, — ответил настоящий Тарас.

Он достал последний лист договора. На нём всё ещё значилось: «Вы должны один честный разговор».

— Кому ты должен?

— Себе. А у нас сейчас двое меня. Бухгалтерия судьбы обязана заметить расхождение.

Тарас подписал лист и написал: «Поговорить с Тарасом, который не задолжал».

Договор исчез и появился на столе правильного Тараса.

Тот прочитал, нахмурился и впервые в жизни открыл подозрительную бумагу.

Из листа вышел настоящий Тарас.

Двое стояли друг напротив друга. Один был спокоен, обеспечен и одинок. Второй — уставший, небогатый и окружённый людьми, ради которых готов был спорить даже с собой.

— Ты всё сделал правильно, — сказал настоящий.

— Знаю.

— Доволен?

— В основном.

— А когда не доволен, кому говоришь?

Правильный Тарас посмотрел на пустую комнату.

— Никому. Зато не ссорюсь.

— Удобно.

— Очень.

— Тогда зачем пишешь книгу?

Правильный Тарас не нашёл ответа. Он открыл документ. В нём была одна фраза: «Я ни разу не ошибся».

Он перечитал и добавил вторую: «Кроме того, что считал это достоинством».

Клавиша удаления закричала.

Мир правильного Тараса треснул. Через трещины ворвались драконы, титаны, долги, воспоминания и люди, которых он никогда не встречал.

Правильный Тарас посмотрел на Эраста.

— Это из-за вас?

— Обычно да. Но сегодня виноваты вы сами.

Клавиша выросла до размера двери и бросилась к единственной фразе, которую не могла пережить.

Тарас Ананиевич встал между ней и своей ошибкой.

Оба Тараса сделали это одновременно.

Глава сто шестьдесят седьмая

Два должника перед одной ошибкой

Клавиша удаления ударила в обоих Тарасов и остановилась.

Она не могла решить, кого стирать первым. Один Тарас совершил слишком много ошибок, второй — слишком мало. Для безжалостной системы это оказалось сложнее, чем для человека выбрать очередь в магазине.

— Отойдите друг от друга, — потребовала клавиша голосом системного предупреждения.

— Не можем, — ответил настоящий Тарас. — У нас совместная ответственность.

— Основание?

Правильный Тарас показал предложение: «Я ни разу не ошибся. Кроме того, что считал это достоинством».

— Ошибка общая, — сказал он. — Один сделал, второй признал.

Клавиша попыталась удалить только точку. Предложения слились и превратились в признание без конца.

— Хуже стало, — заметил Эраст.

— Значит, работает, — ответил Тарас.

В мир ворвались все последствия, от которых правильный Тарас когда-либо уклонился. Неоткрытые письма кружили над комнатой. Несостоявшиеся знакомства стучали в дверь. Невзятые кредиты требовали хотя бы объяснить, почему их отвергли.

Один неслучившийся кот сел правильному Тарасу на колени.

— Я не люблю животных, — сказал тот.

Кот замурлыкал.

— Поэтому и неслучившийся, — объяснил настоящий.

Клавиша увеличилась и попыталась стереть весь вариант мира. Чернушка бросила на него свою тень. У мира появилась обратная сторона, а значит — место, куда можно было отступить.

— Сейчас! — крикнула Вера.

Эраст схватил клавишу за левый край, Семён — за правый. Редактор вонзила красное перо между зубами. Тихон нажал сверху ладонью. Маленький дракон укусил снизу из принципа.

Клавиша затрещала.

— Для окончательного удаления подтвердите действие.

Перед каждым возникли две кнопки: «Да» и «Да, окончательно».

— Где «нет»? — спросил Тихон.

— Пользовательский выбор оптимизирован.

Тарас достал чистый лист договора и написал третью кнопку от руки: «Сначала обсудим условия».

Клавиша дёрнулась. Условия были её естественным врагом: удаление любит простые решения.

Правильный Тарас добавил пункт: «Стороны обязуются сохранить возможность пожалеть о сделанном».

Настоящий Тарас дописал: «И потребовать компенсацию».

— Это обязательно?

— Без этого документ выглядит несерьёзно.

Клавиша уменьшилась до обычного размера.

Оба Тараса одновременно отпустили её.

Она упала на пол и раскололась.

Внутри не было механизма. Там лежало маленькое семечко, чёрное с одной стороны и белое с другой.

Семён отступил.

— Это не клавиша.

— Уже догадались, — сказал Эраст.

— Это семя первого решения. Оно существовало до авторов. Из него выросло разделение на то, что случилось, и то, что пришлось удалить.

Глава сто шестьдесят восьмая

Семя до первого выбора

Семечко лежало на ладони Тихона и становилось тяжелее с каждым возможным решением.

— Что будет, если посадить? — спросил он.

— Появится мир, где ни один выбор нельзя отменить, — ответил Семён.

— А если уничтожить?

— Мир, где ничего нельзя выбрать.

— Удобная вещь, — сказал Эраст. — Как ни поступи, заранее виноват.

Правильный Тарас предложил запереть семя. Настоящий — оформить его как бесхозное имущество. Редактор хотела поместить в сноску. Маленький дракон хотел съесть.

— Последний вариант пока самый честный, — сказала Вера.

Но семя само выпрыгнуло из ладони и провалилось сквозь пол. Компьютерный мир дрогнул. Рабочий стол покрылся трещинами, из которых проросли белые и чёрные корни.

Один корень тянулся к каждой принятой судьбе. Другой — к каждой отвергнутой.

Корни оплели героев.

Эраст увидел все миры, которые мог не спасать. В некоторых стало лучше. В некоторых никто не заметил разницы. Один мир погиб особенно счастливо и просил не вмешиваться задним числом.

Вера увидела жизни, где не встретила Эраста. Они были спокойнее, яснее и пустовали именно в тех местах, которые нельзя показать на карте.

Тихон увидел взрослых себя. Ни один не был правильным, зато каждый был уверен, что остальные ошиблись.

Оба Тараса увидели друг друга и одновременно отвернулись.

— Корни питаются сожалением, — сказала Астрея.

— Тогда Тараса хватит на лес, — заметил Эраст.

Земля под ними раскрылась. Из эпохи до титанов поднялось существо без имени. Оно не имело формы, потому что форма уже была бы выбором. Не имело голоса, потому что звук отделил бы сказанное от несказанного.

Его присутствие делало все предметы неопределёнными. Стул становился возможностью сесть, дверь — возможностью уйти, Тарас — возможностью вернуть долг.

Последнее было особенно фантастично.

— Это Неразличённое, — прошептала Астрея. — Энергия до первого «да» и первого «нет».

Существо коснулось клавиатуры. Все клавиши стали пустыми. Александр Александрович попробовал напечатать слово, но на экране возникли сразу все возможные слова.

— Оно возвращает мир до выбора, — сказал Семён.

— Значит, скоро нас не будет?

— Будем. Но одновременно всеми, кем могли стать.

Эраст превратился в мужа, холостяка, короля, беглеца и человека, который никогда не выходил из дома. Все версии попытались занять одно место и начали спорить плечами.

Неразличённое росло.

Из открытой двери донёсся голос титана Ельца:

— Не называйте его.

— Почему?

— Название станет первым выбором. А первым оно считает приказ.

Глава сто шестьдесят девятая

Гость которому нельзя представиться

Неразличённое вошло в комнату Александра Александровича. Стены перестали решать, внутри они или снаружи. Окно показывало одновременно Елец, Архив, Предначалие и соседний дом, где человек спокойно завтракал, не подозревая, как ему повезло с жанром.

— Нужно общаться, не называя, — сказала Вера.

— Это умеют родственники, когда обиделись, — ответила Маргарита Всеволодовна.

Она подошла к существу.

— Послушай сюда, это самое.

Неразличённое остановилось.

— Ты зачем пришло?

Оно не ответило, но чайник одновременно закипел и остыл.

— Понятно. Само не знаешь. Типичная молодёжь до возникновения времени.

Существо слегка уменьшилось.

Эраст понял: любое обращение заставляло Неразличённое выбирать реакцию. Но имя делало выбор постоянным, а обычный вопрос — только временным.

— Ты хочешь вернуть семья?

Лампа вспыхнула чёрным светом.

— Значит, да и нет, — сказал Тихон.

Они начали задавать вопросы. Хочет ли оно уничтожить миры? Хочет ли спасти? Знает ли, что такое мир? На каждый вопрос возникали противоположные ответы, и существо делилось на мгновение, а потом срасталось.

Тарас задал главный:

— Ты нам что-нибудь должно?

Неразличённое расколослось надвое.

Одна половина признала долг. Другая объявила само понятие долга преждевременным. Между ними возник договор.

— Есть контакт, — сказал Тарас.

Договор был древнее бумаги. Его строки состояли из энергии, которой ещё не придумали направление. В первой части значилось: все выбранные миры возвращают право не случиться. Во второй: все невыбранные получают право попробовать.

— Это смешает всё, — сказала Редактор.

— Оно и есть всё до смешения, — ответила Астрей.

Неразличённое потребовало посредника — существо, которое одновременно принадлежит выбранному и отвергнутому миру.

Все посмотрели на двух Тарасов.

— Нет, — сказали они вместе.

— Вы подходите идеально, — сказал Семён.

— Именно поэтому нет.

Правильный Тарас принадлежал миру без приключений. Настоящий — миру, где приключения приходили вместе со счетами. Чтобы заключить договор, им предстояло временно стать одним человеком.

— Мы уже были общим словом, — напомнил настоящий. — Ничем хорошим не закончилось.

— Зато экономия, — сказал правильный. — Один человек, одна квартира, одна налоговая база.

Они пожали друг другу руки.

Миры сошлись.

На месте двух Тарасов появился один.

Он посмотрел на себя, проверил карманы и спросил:

— А кто из нас теперь должен деньги?

Глава сто семидесятая

Тарас в двойном размере

Объединённый Тарас обладал всеми достоинствами обеих версий и недостатками, которые при объединении не сложились, а организовали коалицию.

Он был предусмотрительным, но сначала подписал договор. Был бережливым, но купил два кошелька на случай разделения. Любил порядок и немедленно создал три папки, чтобы потом не найти нужную.

— Как себя чувствуешь? — спросил Эраст.

— Богаче опытом и беднее личным пространством.

Внутри него два голоса спорили о каждом шаге. Один предлагал избегать опасности. Второй напоминал, что опасность уже внесена в расходы.

Тарас подошёл к Неразличённому и положил ладонь на договор.

— Я посредник. Но условие будет моё.

Существо ждало.

— Выбранные миры сохраняют последствия. Невыбранные получают возможность стать не вместо них, а рядом.

— Тогда реальностей станет бесконечно много, — сказала Редактор.

— Их и так бесконечно. Просто до сих пор бухгалтерия делала вид, что одна.

Договор вспыхнул. Чёрные корни отделились от белых и начали расти параллельно, не вытесняя друг друга.

По комнате прошли жизни, которых не было. Эраст увидел себя, оставшегося дома, и впервые не почувствовал презрения. Домашний Эраст увидел героя и не почувствовал зависти. Они кивнули друг другу и разошлись.

Вера встретила себя, помнящую всё. Та была сильной и совершенно уставшей.

— Ты счастлива? — спросила нынешняя.

— Я знаю все ответы.

— Это не ответ.

— Поэтому и устала.

Тихон увидел взрослого, который выбрал тихую жизнь. Тот не спас ни одного мира, зато каждое утро готовил завтрак дочери.

— Это мало? — спросил он.

— Нет, — ответил Тихон. — Просто об этом редко пишут пророчества.

Неразличённое стало прозрачным. Получив миры рядом, оно больше не обязано было возвращать всё в состояние до выбора.

— Договор выполнен, — сказал объединённый Тарас.

— А семья?

Корни исчезли. Семечко осталось в полу квартиры, где уже вырос маленький росток. На одном листе было написано «случилось», на другом — «могло».

Маленький дракон понюхал росток.

— Не ешь, — сказала Мира.

Он съел половину листа «могло».

В ту же секунду все невозможные драконы получили шанс появиться.

Первым из стены вышел дракон размером с мысль.

Вторым — дракон, состоящий из вчерашнего огня.

Третьим — дракон, который никогда не существовал и очень этим гордился.

— Поздравляю, — сказал Эраст Мире. — Семья расширилась.

Мира посмотрела на бесконечную очередь драконов.

— Папа у них уже есть.

Часть девятнадцатая

Родительское собрание невозможных

Глава сто семьдесят первая

Драконы которых не бывает

Невозможные драконы заняли квартиру за несколько минут. Один помещался только в углах. Другой существовал исключительно, когда на него не смотрели. Третий дышал не огнём, а воспоминаниями о тепле.

Дракон, который никогда не существовал, представился Нету.

— Если тебя нет, как ты разговариваешь? — спросил Тихон.

— Докажите сначала, что слышите.

Тарас немедленно полюбил Нету как перспективного участника финансовых операций.

— Никаких договоров с ребёнком, — сказала Мира.

— Он старше причинности.

— Для меня ребёнок.

Родительское собрание устроили на столе Александра Александровича. Мира председательствовала. Эраст сидел рядом, потому что после слова «папа» уклониться от должности стало невозможно даже юридически.

Первым обсуждали безопасность миров. Дракон размером с мысль признался, что случайно поселился в голове одного философа и уже три часа не может выйти: там слишком много дверей без комнат.

Вторым — питание. Вчерашний огонь ел только то, что уже сторело. Тарас предложил старые квитанции.

Третьим — дисциплину. Дракон углов отказывался выходить в центр комнаты, мотивируя это архитектурными убеждениями.

— Вы должны найти им миры, — сказала Мира Эрасту.

— Почему я?

— Потому что твой сын съел возможность.

— Это наследственное? — спросил Александр Александрович.

— Нет, — ответила Вера. — Эраст обычно сначала спасает возможность, потом узнаёт, что она съела.

Астрейя открыла Атлас неслучившихся мест. Там были океан без берегов, город без центра, гора, которая считала высоту личным делом, и королевство, отменившее чудеса из-за трудностей учёта.

Каждому дракону требовался мир, где невозможность станет не нарушением, а законом. Нету отказался выбирать.

— Если поселюсь, начну существовать.

— А ты не хочешь?

— Мне нравится свобода от фактов.

Маленький дракон подошёл к нему.

— Играть?

— Со мной нельзя.

— Значит, интересно.

Они исчезли под столом. Оттуда донёсся грохот вещи, которой не существовало.

Чернушка улыбнулась.

— Кажется, он нашёл мир.

— Какой?

— Детство. Там невозможность считается нормальной до тех пор, пока взрослые не оформят запрет.

Глава сто семьдесят вторая

Город отменивший чудеса

Для большинства драконов выбрали королевство, где чудеса запретили из-за трудностей учёта. Оно называлось Порядия и гордилось отсутствием неожиданностей.

На границе стоял инспектор с линейкой.

— Цель визита?

— Разместить невозможных драконов, — сказал Эраст.

— Невозможные не подлежат размещению.

— Тогда вы их не видите?

— Вижу.

— Значит, они возможны.

Инспектор задумался и потребовал другую форму.

В Порядии магию отменили сто лет назад. Волшебные палочки сдавали в хозяйственный отдел, пророчества публиковали только после исполнения, феи получили статус мелких летающих подрядчиков.

Жители были довольны. Чудеса создавали неравенство: одним выпадали королевства, другим — говорящие лягушки.

— А драконы зачем? — спросил мэр.

— Чтобы ваше отсутствие чудес стало настоящим, — ответила Вера. — Запрет имеет смысл только там, где есть что запрещать.

Мэр не любил философию. Она требовала решений без печати.

Дракон размером с мысль поселился в городском архиве и сделал каждую инструкцию немного сомнительной. Дракон углов занял главную площадь, после чего у неё появилось четыре угла и исчезла необходимость называться круглой.

Вчерашний огонь согрел дома теплом, которое жители помнили с детства. Счётчики его не заметили, что обеспечило дракону мгновенную популярность.

Порядия начала меняться.

Люди доставали спрятанные желания. Один чиновник признался, что хотел рисовать. Художник — что мечтал составлять таблицы. Оба поменялись местами и впервые поняли, почему прежний владелец профессии постоянно жаловался.

Мэр созвал экстренное заседание.

— Чудеса нарушают порядок!

— Нет, — сказал Эраст. — Они показывают, где порядок давно нарушал людей.

В этот момент на площади появился огромный штамп: «РАЗРЕШЕНО В ВИДЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ».

Над городом открылось небо, которого раньше не предусматривал генеральный план.

Драконы взлетели.

Но вместе с ними поднялся чёрный корень семени. Он тянулся за горизонт и соединял Порядию с миром, где чудеса были обязательными.

Астрей побледнела.

— Параллельные миры начали влиять друг на друга.

— Разве договор не это позволил?

— Он позволил существовать рядом. Не обмениваться законами.

Из соседней реальности прилетело обязательное чудо.

Оно выбрало Тараса и исполнило его самое тайное желание.

Все долги Тараса исчезли.

Вместе с людьми, которым он был должен.

Глава сто семьдесят третья

Цена отсутствующего долга

Тарас стоял посреди площади и не помнил половину друзей.

Эраст назвал его по имени. Тарас вежливо кивнул, как человеку, с которым когда-то вместе ждал приёма.

— Мы знакомы?

— К сожалению, близко.

Вера показала ему договоры, общие воспоминания, фотографии миров и маленького дракона, который однажды спал на его документах.

— Похоже на убедительную подделку, — сказал Тарас. — Особенно дракон.

Обязательное чудо висело над ним золотым шаром.

— Желание исполнено. Благодарность принимается автоматически.

— Верни долги, — потребовал Эраст.

— Исполненное желание необратимо.

Правильный Тарас сохранил память, потому что никому не задолжал. Он смотрел на объединённого себя изнутри и пытался пробиться наружу.

— Там есть второй Тарас, — сказала Чернушка. — Его тень стучит.

— Выпустите, — предложил Тихон.

Если разделить Тарасов, правильный вспомнит друзей, а настоящий останется свободным от них. Но договор с Неразличённым требовал единого посредника. Разделение могло снова смешать выбранные миры.

— Пусть разделяется, — сказал Эраст. — Миры переживут.

— А если нет?

— Тогда будут иметь право пожалеть.

Тарас не понимал, почему незнакомец решает за него.

— Я против.

— Вот это уже знакомо, — сказала Вера.

Она подошла и дала ему пощёчину.

— За что?

— Ты задолжал мне одну.

Чудо вспыхнуло. Между Верой и Тарасом возник долг.

Память вернула один день.

Маленький дракон укусил Тараса за сапог.

— А это за что?

— За невыданное угощение, — перевёл Эраст.

Вернулась ещё одна глава.

Тихон попросил совет, которого Тарас когда-то ему не дал. Мира потребовала компенсацию за испорченную бумагу. Маргарита Всеволодовна предъявила перечень невыполненных рекомендаций на двадцати страницах.

Долги возвращались вместе с людьми.

Тарас схватился за голову.

— Я всех помню. Сделайте обратно.

— Нельзя, — сказала Вера. — Исполненное желание необратимо.

Золотой шар начал тускнеть.

— Ошибка исполнения. Желание содержало скрытое противоречие.

— Какое?

— Должник хотел избавиться от долгов, но не от тех, кому должен.

— Это очевидно!

— Для человека. Не для чуда.

Шар треснул. Из него выпала квитанция.

Внизу значилось: «За восстановление связей начислена плата».

Тарас прочитал сумму и окончательно вспомнил себя.

Глава сто семьдесят четвёртая

Миры начинают кашлять

После провала обязательного чуда законы двух реальностей перемешались.

В Порядии каждое чудо требовало разрешения. В соседнем мире каждое разрешение немедленно становилось чудом. Чиновники получили магическую силу, а волшебники — часы приёма по вторникам.

Это было только начало.

Из мира вечного лета пришёл снег, потому что там его не выбирали. Из мира честных королей прибыла ложь и быстро сделала карьеру. В Ельце появилась гора, считавшая высоту личным делом, и отказалась проходить геодезическую проверку.

Параллельные варианты обменивались тем, чего им не хватало.

— Скоро все миры станут одинаковыми, — сказала Редактор.

— Зато разнообразно одинаковыми, — заметил Эраст.

Неразличённое вернулось. Теперь у него появились очертания, составленные из чужих законов. Оно росло на каждом смешении.

— Мы не дали ему имя, — сказал Тихон. — Но дали работу.

Титан Елец протянул через дверь огромную ладонь. На ней стояли оба города, древний и современный. Между ними тоже прорастал чёрный корень.

— Семя использует связь миров, чтобы вернуться к состоянию до выбора, — сказал он. — Скоро различий не останется.

— Как остановить?

— Разорвать договор.

Все посмотрели на Тараса.

Он прижал документ к груди.

— Разорвать можно. Но тогда невыбранные миры снова исчезнут.

— А если оставить, исчезнут выбранные.

— Наконец-то условия, достойные пророчества.

Астрейя предложила третий путь: научить миры закрывать границы добровольно. Для этого каждый мир должен решить, чем он не готов делиться.

— Жадность спасёт вселенную? — спросил Тарас.

— Личность. Но тебе можно называть привычным словом.

Герои отправили вопрос всем мирам.

Порядия отказалась отдавать право сомневаться в чудесах. Мир обязательной магии — право удивляться обычному. Елец сохранил память о том, что был сном. Архив — место для ненаписанного.

Границы начали восстанавливаться.

Но один мир не ответил.

Это был мир Александра Александровича.

Они вернулись в квартиру. Человек сидел за ноутбуком и смотрел на пустой экран.

— Что вы не готовы отдать? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Должно быть что-то своё.

— Я всё превратил в книги.

Неразличённое приблизилось к его миру. Стены побелели. Имена исчезли с обложек. Воспоминания стали сюжетами, а жизнь — материалом.

Александр Александрович закашлялся.

Кашель подхватил Эраст.

Потом Тихон, Вера, Тарас, Мира, Семён, титан Елец и все миры разом.

Это был не древний кашель Автора.

Так кашляла история, подавившаяся человеком, который отдал ей всё.

На пустом экране появилась единственная строка:

«Чтобы спасти автора, один герой должен выйти из книги навсегда».

Глава сто семьдесят пятая

Вакансия обычного человека

Строка на экране мигнула и превратилась в объявление.

«Требуется герой для выхода из книги. Опыт спасения мира приветствуется. Сюжетная защита не предоставляется. График жизни ненормированный. Финал не гарантирован».

— Зарплата? — спросил Тарас.

Экран дописал: «По результатам собеседования с реальностью».

— То есть никакой.

Неожиданно вперёд вышли почти все.

Эраст хотел пожить без пророчеств. Тарас — без внезапно материализующихся долгов. Вера мечтала хотя бы один день не выяснять, какая версия прошлого настоящая. Тихон хотел взрослеть по порядку. Редактор надеялась найти текст, который не надо сокращать.

Даже маленький дракон поднял лапу.

— Тебе нельзя, — сказала Мира.

— Почему?

— Ты ребёнок.

— Эраст тоже иногда.

— Это другое заболевание.

Александр Александрович кашлял всё сильнее. С каждым звуком из комнаты исчезала часть его жизни, уже превращённая в сюжет. Пропало кресло, на котором он придумал первую главу. Затем кружка, попавшая в текст. Потом окно — оно слишком часто служило метафорой.

— Нужно выбрать быстро, — сказала Астрея.

— Пусть выходит Эраст, — предложила Маргарита Всеволодовна. — Он давно хочет обычной жизни. Полезно иногда получить желаемое и сделать выводы.

Вера молчала.

Эраст посмотрел на неё.

— Если выйду, сможешь пойти со мной?

Экран ответил раньше Веры: «Нет. Выход индивидуальный. Связь с книгой прекращается».

— Тогда я не герой для этой вакансии.

— Ты готов спасти автора, но не готов потерять её? — спросил Семён.

— Именно. Наконец-то научился расставлять приоритеты.

Тарас отказался по той же причине, но сформулировал иначе:

— У меня здесь незакрытые обязательства.

— Сколько?

— Если узнаю, не смогу спать.

Тихона не допустили по возрасту. Вера — потому что её память уже связывала слишком много версий мира. Если она уйдёт, версии забудут, что различаются.

Редактор получила отказ с формулировкой: «Обычная жизнь не выдержит ваших замечаний».

Остался Семён.

— Но он не герой, — сказал Эраст.

Семён улыбнулся.

— Значит, вакансия свободна.

Он подошёл к экрану и написал под объявлением: «Героем становится тот, кто выходит, а не тот, кого назначили».

Строка приняла заявление.

За спиной Семёна открылась дверь без описания.

Глава сто семьдесят шестая

Собеседование с реальностью

Перед выходом Семёну назначили собеседование. Реальность появилась в облике женщины с папкой, усталым взглядом и ручкой, прикованной к столу.

— Фамилия, имя, отчество?

— Семён.

— Остальное?

— Автор не придумал.

— Без фамилии жить можно. Без отчества сложнее объяснить, почему вы взрослый.

Она записала: «Семён Неуточнённый».

— Образование?

— Создавал миры.

— Документ есть?

— Миры подойдут?

— Только нотариальные копии.

Тарас одобрительно кивнул.

Реальность спросила об опыте работы.

Семён перечислил титанов, богов, драконов, пророчества, конец времени и несколько удачных второстепенных персонажей.

— Причина ухода?

— Персонажи нашли автора.

— Конфликт с коллективом?

— Скорее коллектив обрёл субъектность.

— Понятно. Руководящая должность.

Следующий вопрос был самым трудным:

— Что вы умеете делать руками?

Семён посмотрел на ладони. Раньше ими он переворачивал эпохи, но без авторской силы не мог даже починить дверную ручку.

— Писать.

— Это вы умеете головой. Руками что?

— Держать то, что пишу.

Реальность вздохнула и поставила отметку: «К жизни условно пригоден».

— Последнее. Почему хотите выйти из книги?

Семён посмотрел на Александра Александровича, который постепенно становился текстом. Потом на миры, когда-то созданные им и уже научившиеся обходиться без него.

— Хочу узнать, кем стану, если никто не будет читать мои мысли.

Реальность впервые улыбнулась.

— Правильного ответа нет. Ваш хотя бы неудобный.

Она протянула Семёну пропуск. На нём стояла дата рождения — сегодняшний день — и дата смерти, закрытая чёрной полосой.

— Почему скрыта?

— В обычной жизни спойлеры запрещены.

Семён шагнул к двери.

Маленький дракон подбежал и сунул ему в карман кусочек вчерашнего огня.

— Чтобы не замёрз, — сказала Мира.

Тихон дал пустую страницу.

— Чтобы записать то, что случится без нас.

Тарас протянул монету.

— В долг.

— Даже сейчас?

— Иначе не вернёшься.

Эраст пожал Семёну руку.

— Если встретишь спокойную жизнь, не спугни.

Семён вышел.

Дверь закрылась.

На экране исчезло слово «герой».

Александр Александрович перестал кашлять.

Но никто из оставшихся больше не мог вспомнить, кто такой Семён.

Глава сто семьдесят седьмая

Человек без предыстории

Семён очнулся на автобусной остановке в современном Ельце.

В руках у него был пропуск к реальности, в кармане — монета, кусочек вчерашнего огня и пустая страница. Он не знал, откуда пришёл, потому что предыстория осталась в книге.

Подъехал автобус. Семён вошёл.

— Оплата?

Он протянул монету Тараса.

Водитель посмотрел на неё.

— Это откуда?

— В долг дали.

— Тогда тем более не принимаем.

Семёна высадили на следующей остановке. Обычная жизнь сразу показала главное отличие от вымысла: здесь препятствие не обязано иметь смысл.

Он пошёл пешком. Город казался знакомым телу и незнакомым памяти. Башни стояли на своих местах, река текла без участия титана, прохожие не ожидали конца света и потому торопились по более важным делам.

Семён попробовал заговорить с женщиной у магазина.

— Простите, вы не знаете, кто я?

— Мужчина, который пристаёт с вопросами.

Это был первый надёжный факт его новой биографии.

Он нашёл полицию, но передумал заходить: объяснение «вышел из книги без фамилии» звучало как начало освидетельствования, а не помощи.

В центре занятости его спросили профессию.

— Автор миров.

— Такой вакансии нет. Есть подсобный рабочий.

— Что делать?

— Всё, что не вошло в обязанности остальных.

Семён согласился. Работа показалась ему удивительно знакомой.

К вечеру он таскал коробки в книжном магазине. На одной было написано «Фэнтези». Коробка шевелилась.

— Там книги, — сказал заведующий. — Не роняйте.

— Они всегда шевелятся?

— Если плохо упакованы.

Семён услышал изнутри тихий кашель.

Он открыл коробку. Сверху лежала книга без названия и автора. Все страницы были пустыми, кроме одной фразы:

«Ты должен был забыть нас, но забыл только себя».

Семён коснулся страницы.

На ней появились лица: Эраст, Вера, Тарас, Тихон, Мира. Он не узнавал их, но почувствовал тоску по людям, которых невозможно было потерять, не зная.

Заведующий заглянул через плечо.

— Брак?

— Возможно.

— В уценку.

Книгу отложили на полку со скидкой семьдесят процентов.

Семён впервые понял, как чувствует себя забытый мир.

Глава сто семьдесят восьмая

Память которая ушла вместо человека

В книге никто не помнил Семёна, но последствия его существования остались.

У титанов был создатель без имени. У богов — обида без адресата. У Эраста — привычка спорить с пустым местом. Тарас обнаружил в кармане расписку на монету и возмутился неизвестному должнику.

— Я бы запомнил человека, которому дал деньги.

— Именно поэтому это тревожно, — сказала Вера.

На столе Александра Александровича лежала домашняя рубашка с чернильным пятном. Никто не знал, кому она принадлежит.

Маленький дракон обнюхал рукав и заскулил.

— Он помнит? — спросил Тихон.

— Запах, — сказала Мира. — Иногда запах честнее истории.

Чернушка вошла в пятно и увидела тень отсутствующего человека. Тень тянулась за пределы книги, к современному Ельцу.

— Кто-то вышел, — сообщила она.

— Зачем?

— Чтобы спасти автора.

Все посмотрели на Александра Александровича.

— Меня спасли?

— Судя по тому, что вы снова задаёте лишние вопросы, да.

Астрейя исследовала пустое место в памяти. Оно было не дырой, а дверью, закрытой со стороны реальности. Тот, кто вышел, унёс с собой общую предысторию.

— Почему мы забыли только его?

— Потому что книга не умеет помнить человека, который больше не является персонажем.

Вера открыла Архив. Там пропали все упоминания Семёна, но на месте каждого стояло местоимение «он». Миры сохранили грамматику утраты.

— Можно вернуть память?

— Если вписать его обратно.

— Тогда жертва станет бессмысленной, — сказал Эраст.

— Не вернуть. Передать сообщение.

Александр Александрович сел за ноутбук. Курсор мигал, но клавиатура больше не имела клавиши удаления. Каждое написанное слово становилось необратимым.

— Что написать?

— Его имя, — предложил Тихон.

— Мы не знаем.

— Тогда то, что знаем.

Они написали: «Человек, которого мы забыли, был важен».

Фраза вышла из экрана, прошла через тень и исчезла за дверью.

В книжном магазине безымянная книга раскрылась сама.

Семён прочитал новую строку.

Он всё ещё не вспомнил друзей.

Но впервые понял, что забыт не потому, что оказался не нужен.

Часть двадцатая

За пределами сюжета

Глава сто семьдесят девятая

Рабочий день бывшего бога

На следующий день Семён вышел на работу в книжный магазин. Его назначили разгружать коробки, расставлять книги и объяснять покупателям, почему нужное издание закончилось именно перед их приходом.

— Это судьба? — спросила пожилая покупательница.

— Нет. Поставка в четверг.

Семён произнёс и почувствовал странное облегчение. Не всякое отсутствие требовало мифологического объяснения.

Он учился обычным вещам. Завязывать шнурки так, чтобы они не символизировали связь времён. Пить чай, не порождая океан энергии. Закрывать дверь, не проверяя, ведёт ли она в следующую главу.

Получалось плохо, но без катастроф.

Безымянную книгу он спрятал под прилавком. Новые строки появлялись редко.

«Тарас снова кому-то должен».

«Маленький дракон научился говорить слово “нет” и немедленно применил к обеду».

«Эраст делает вид, что не скучает по человеку, которого не помнит».

Семён отвечал на пустой странице.

«Я устроился на работу».

«Получил фамилию в ведомости: Неуточнённый».

«Монету пока не вернул».

Ответы не уходили. Книга была односторонней: история могла говорить с жизнью, но жизнь не имела права диктовать истории.

В обед в магазин вошёл мужчина с лицом Эраста Акакиевича.

Семён замер.

Это был не Эраст. Человек был моложе, носил современную куртку и выбирал подарок жене без помощи пророчества.

— Посоветуйте что-нибудь, — попросил он.

— О чём?

— Чтобы смешно, но не глупо. И чтобы после прочтения было о чём подумать.

Семён подал ему безымянную книгу.

— Здесь ничего не написано, — сказал покупатель.

— Возможно, ещё не дошло до вас.

Мужчина решил, что продавец шутит, и купил другую.

У двери он обернулся.

— Мы раньше не встречались?

— Не помню.

— Я тоже. Значит, скорее всего, встречались.

Когда он ушёл, в безымянной книге появилась новая строка:

«Обычная жизнь обнаружила Эраста раньше, чем Эраст обнаружил обычную жизнь».

Семён посмотрел в окно.

По другой стороне улицы шёл маленький дракон. Никто из прохожих его не замечал.

Глава сто восьмидесятая

Дракон на пешеходном переходе

Маленький дракон остановился у пешеходного перехода. Красный свет он понимал как вызов, зелёный — как разрешение, жёлтый — как человеческую нерешительность.

Семён выбежал из магазина.

— Стой!

Дракон повернул голову. В глазах не было узнавания.

Машины проходили сквозь него, будто он был отражением. Значит, в обычную жизнь пришло не тело, а возможность встречи.

— Ты меня слышишь?

— Папа?

— Нет.

Дракон разочарованно сел.

Семён почувствовал обиду, хотя не знал, почему ему хотелось быть узанным существом, которого он сам не помнил.

Из безымянной книги, оставленной под прилавком, протянулась тонкая строка. Она обвязала дракона за хвост и тянулась к двери между мирами.

— Ты заблудился?

Дракон кивнул.

— Кого ищешь?

— Человека с пустым местом.

— Таких здесь много.

Малыш принялся и ткнулся носом в карман Семёна. Там лежал кусочек вчерашнего огня.

Он радостно чихнул.

Огонь вспыхнул воспоминанием. Семён увидел, как отдаёт ему маленький дракон. Услышал голос Миры. Ладонь Эраста. Смех Веры. Жалобу Тараса на стоимость бессмертия.

Память пришла не фактами, а теплом.

— Я вас придумал? — спросил Семён.

Дракон пожал крыльями.

— Правильно. Невежливый вопрос.

Светофор переключился на зелёный. Дракон шагнул и стал плотнее. Первый прохожий заметил его, но решил, что это собака необычной породы. Второй сфотографировал. Третий немедленно написал, что такие драконы здесь всегда водились.

Обычная жизнь начала принимать невозможное.

Семён схватил малыша на руки и понёс в магазин.

— Тебя нельзя оставлять на улице.

— Папа?

— Всё ещё нет.

— Пока?

Семён остановился.

— Кто научил тебя торговаться?

Дракон показал на монету Тараса.

В магазине безымянная книга лежала открытой. Последняя строка исчезла. Вместо неё появилось предупреждение:

«Если герой войдёт в обычную жизнь, выход закроется для автора».

Семён посмотрел на дракона.

За окном прохожие уже спорили, настоящий он или реклама.

Дверь между мирами начала закрываться.

Глава сто восемьдесят первая

Автор остаётся внутри

В книге Александр Александрович почувствовал, как дверь к реальности сужается. Комната теряла объём и превращалась в описание комнаты.

— Что происходит? — спросил он.

Астрей прочитала предупреждение на экране.

— Герой вышел вслед за тем, кого мы забыли. Теперь реальность считает место занятым.

— Маленький дракон — главный герой, — сказала Мира. — Если останется снаружи, книга закроется вокруг нас.

— А автор?

— Станет персонажем окончательно.

Александр Александрович посмотрел на свои руки. На пальцах уже проступали кавычки. Мысли звучали литературнее, чем ему нравилось.

— Что в этом плохого?

— Другой будет решать, когда вы молчите, — ответила Вера.

— Я женат. Есть опыт.

Маргарита Всеволодовна одобритительно кивнула.

Мира попыталась позвать сына. Её голос проходил через дверь, но в обычной жизни звучал лишь шелестом страниц.

Эраст взял её за плечо.

— Он вернётся.

— Откуда ты знаешь?

— Я бы не вернулся. Поэтому надеюсь, что он умнее.

Тихон предложил отправить Чернушку. Тень могла пройти между мирами, но если выйдет, дракон лишится дороги обратно.

— Я пойду, — сказала Чернушка.

— Ты можешь не вернуться.

— Я отдельная тень. Наконец появилась возможность подтвердить документально.

Она нырнула в щель двери.

В обычной жизни в полдень внезапно потемнело. Чернушка легла через улицу, соединяя магазин с невидимой книгой.

Дракон услышал голос Миры по тени.

Семён понял выбор: если малыш вернётся, он снова останется один без памяти. Если останется, Александр Александрович потеряет обычную жизнь.

— Иди домой, — сказал он.

Дракон прижался к нему.

— Ты тоже.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что теперь я настоящий.

Малыш задумался. Затем отдал Семёну монету Тараса.

— Долг.

— Я должен вернуть её ему.

Дракон кивнул и шагнул на Чернушку.

В этот момент дверь закрылась.

Малыш остался снаружи.

Чернушка прошла внутрь одна.

— Где он? — спросила Мира.

Тень раскрыла ладони.

На них лежала только монета.

Глава сто восемьдесят вторая

Книга которую нельзя открыть

После закрытия двери книга стала твёрдой. Страницы перестали переворачиваться, курсор исчез, а Александр Александрович окончательно оказался внутри собственного текста.

— Можно открыть снаружи, — сказал Эраст.

— Кому? — спросила Вера.

В обычной жизни безымянная книга закрылась перед Семёном. Обложка стала гладкой, без названия, автора и цены. Даже штрихкод отказался брать ответственность.

Дракон царапал переплёт. Книга не открывалась.

Семён попробовал вчерашний огонь. Обложка нагрелась, но не загорелась. Попытался монетой Тараса — та прилипла к книге, будто долг вернулся к владельцу через границу.

— Нужен читатель, — понял Семён.

Он сам больше не мог быть читателем: слишком много строк узнавали в нём бывшего автора.

Семён вынес книгу в зал магазина и положил на стол новинок. Покупатели брали её, вертели и ставили обратно.

— Названия нет.

— Аннотации нет.

— Отзывов нет.

— А скидка?

— Семьдесят процентов.

— Значит, плохая.

К вечеру книгу никто не открыл.

Внутри Эраст, Вера и остальные чувствовали каждый прикоснувшийся взгляд. Одни читатели хотели любовь. Другие — битвы. Третьи — чтобы книга была покороче, и от этого Тарас нервничал особенно сильно.

— Нас выбирают по обложке, — сказал Тихон.

— Людей тоже, — ответила Вера. — Просто обложка мягче.

Александр Александрович пытался написать название изнутри. Буквы появлялись на обложке и тут же исчезали: книга не могла назвать себя сама.

Маленький дракон сел рядом и начал кашлять.

Первый кашель оставил на обложке след когтя.

Второй — слово «мир».

Третий — союз «и».

На четвёртом Семён понял, что малыш пишет названием собственным кашлем.

Он обнял дракона, чтобы остановить.

— Тебе будет больно.

— Надо.

Пятый кашель вывел: «не».

Шестой — «кашлять».

На обложке появилось название: «Спасти мир и не кашлять».

К книге подошёл мальчик лет десяти. Прочитал, улыбнулся и потянулся к ней.

Семён не знал, что случится, если новый читатель откроет первую страницу. Возможно, миры вернутся. Возможно, история начнётся сначала. Возможно, мальчик окажется тем, кого книга ждала всё это время.

— Можно посмотреть? — спросил он.

Семён протянул книгу.

Мальчик открыл обложку.

На первой странице было написано не начало романа.

Там стоял вопрос:

«Вы согласны стать автором?»

Глава сто восемьдесят третья

Автор ростом с прилавок

Мальчика звали Алёша. Он прочитал вопрос ещё раз и оглянулся на Семёна.

— А что надо делать?

— Обычно автор сначала решает, а потом всю жизнь выясняет, что согласился не на это.

— Зарплата есть?

— Тебя случайно не Тарас зовут?

Алёша покачал головой и нажал пальцем на слово «согласны».

Книга вздохнула. В магазине погас свет, кассовый аппарат выдал чек на бесконечность, а все книги одновременно открылись на любимых страницах.

На ладони Алёши появилась ручка. Обычная синяя, погрызенная с конца.

— И это всё?

— Иногда перо, — сказал Семён. — Но, видимо, книга учла возраст и школьный бюджет. Первая строка возникла сама: «Новый автор должен установить одно правило».

Алёша задумался.

— Драконам можно всё.

Маленький дракон радостно подпрыгнул.

— Нет! — одновременно сказали Семён и заведующий магазином.

Книга уточнила: «Слишком широкая формулировка. Возможны пожары, монархии и невыполненные домашние задания».

— Тогда дракон может вернуться домой.

Страница засветилась. Перед малышом появилась дверь. За ней стояли Мира, Эраст и остальные.

— Мама! — крикнул дракон.

Мира бросилась вперёд, но дверь пропускала только малыша.

— А Семён? — спросил он.

— Семён должен остаться, — ответила книга. — Его выход является условием спасения предыдущего автора.

Алёша нахмурился.

— Это несправедливо.

— Мир часто так устроен, — сказал Семён.

— Тогда плохо устроен.

Ручка сама потянулась к странице. Алёша написал: «Несправедливое правило можно не выполнять».

По всем мирам прошёл гром.

Заключённые вышли из тюрем, заявив, что приговоры несправедливы. Дети отказались ложиться спать. Налоги временно перестали существовать, после чего Тарас впервые искренне поддержал детскую власть.

Даже законы тяжести начали требовать обоснования.

— Отмени! — крикнул Семён.

— Но правило правда несправедливое.

— Да. Поэтому его нужно менять точно, а не обиженно.

Алёша стёр фразу рукавом и написал другую: «Каждый, кого заставляют платить за чужое решение, имеет право потребовать объяснение».

Миры успокоились.

Перед Семёном появилось письмо от самой Истории.

В нём было написано: «Объяснение будет предоставлено лично. Ожидайте прибытия».

Глава сто восемьдесят четвёртая

История приходит за родителем

История прибыла в книжный магазин через пять минут. Она выглядела как женщина неопределённого возраста, одетая одновременно старомодно и слишком рано для будущего.

— Кто здесь новый автор?

Алёша поднял руку.

— Родители знают?

— Нет.

— Тогда полномочия временные.

— Почему?

— Потому что даже вселенная не хочет разговаривать с родительским комитетом.

История открыла папку. В ней находились последствия первой авторской правки Алёши: тысячи требований объяснить судьбу, несчастья, неравенство и школьное расписание.

— Я просил только про чужие решения.

— Каждый считает свою беду чужим решением. Даже если сам подписал три раза.

Семён узнал интонацию Тараса и решил, что некоторые законы мироздания универсальны.

Алёша прочитал первое требование. Титан спрашивал, почему держал небо. Бог — почему его перестали почитать. Человек — почему встретил любовь слишком рано, а понял слишком поздно.

— Я не знаю ответов.

— Отлично, — сказала История. — Предыдущие авторы тоже не знали, но делали вид. Вы уже честнее.

Она объяснила условие: автор не обязан оправдывать всё случившееся. Но обязан оставить персонажу возможность ответить собственным поступком.

— Значит, Семён может вернуться?

— Может попытаться. Но обычная жизнь уже считает его своим.

— А две жизни сразу нельзя?

— Взрослые обычно запрещают себе. Детям иногда удаётся до школы.

Алёша нарисовал на странице мост. Один конец упирался в книгу, другой — в реальность. Семён ступил на первую доску.

Мост зашатался.

— Что нужно отдать за переход? — спросил он.

— Что-то настоящее из каждого мира.

Семён положил монету Тараса. Со стороны книги на мост упала расписка.

Он отдал кусочек вчерашнего огня. Мира протянула сегодняшний.

Оставалось последнее: имя.

— У меня только Семён Неуточнённый.

— Выбери фамилию, — сказал Алёша.

— Автор не должен сам давать себе имя.

— Ты уже не автор.

Семён посмотрел на безымянную книгу.

— Тогда буду Книжников.

— Почему?

— Работаю среди книг. И они единственные, кто знал меня раньше меня самого.

Имя стало последней доской.

Семён шагнул на мост.

В книжном мире его встретил Эраст.

— Мы знакомы? — спросил он.

— Не помню.

— Значит, точно знакомы.

Они пожали руки, и пустое место в памяти стало болеть.

Глава сто восемьдесят пятая

Взрослые требуют вернуть всё обратно

Пока Семён стоял на мосту, в магазин вошла мама Алёши.

Она увидела сына с волшебной ручкой, дракона у прилавка, женщину по имени История и мост, уходящий в закрытую книгу.

— Алёша, что происходит?

— Я автор.

— Уроки сделал?

Ручка погасла.

История почтительно отступила. Древние силы признают иерархии, против которых бес-
сильна логика.

— Он временно исполняет обязанности, — объяснил Семён.

— Кто вы?

— Семён Книжников. Сегодня получил фамилию.

— Документы?

Пропуск к реальности выскочил из кармана и спрятался между страницами.

Мама Алёши потребовала немедленно вернуть всё обратно. Взрослые любят эту форму-
лировку, потому что она не уточняет, в какое именно «обратно».

— Дракона — в книгу. Мост убрать. Ручку положить. Истории заниматься после уроков.

История хотела возразить, но последняя фраза совпала с её профессиональными прин-
ципами.

Алёша сжал ручку.

— Они без меня опять всё испортят.

— Кто «они»?

Из книги выглянул Тарас.

— Вопрос обоснованный, но список займёт время.

Мама посмотрела на него и закрыла обложку.

— Сказочные персонажи тоже отдыхают.

Внутри книги наступила ночь. Все герои оказались в постелях, потому что взрослое рас-
поряжение не уточнило, где именно им отдыхать.

Эраст лежал рядом с Верой и впервые не спорил с миром. Тарас получил отдельную
кровать, но вместе с неоплаченным счётом за проживание. Титан Елец свернулся под городом.
Невозможные драконы заняли детскую комнату вселенной.

— Неплохо, — сказал Эраст.

— Подозрительно, — ответила Вера.

Снаружи Алёша делал уроки. Каждый решённый пример укреплял мост между мирами.
Каждая ошибка открывала новую боковую тропинку.

— У него здесь неверно, — заметил Семён.

— Не подсказывайте, — сказала мама. — Иначе сам не поймёт.

Семён замолчал. Он вдруг понял, почему персонажам иногда позволяли ошибаться.

Алёша закончил упражнение и снова открыл книгу.

Герои проснулись.

Но один из них не открыл глаза.

На кровати Тараса лежал только счёт.

Внизу было написано: «Проживание оплачено постояльцем. Постоялец принят в счёт
оплаты».

Глава сто восемьдесят шестая

Гостиница последней ночи

Тарас оказался в Гостинице последней ночи — месте, где отдыхали персонажи между
главами.

Номер был маленьким, чистым и подозрительно бесплатным. На тумбочке лежало меню
с единственным блюдом: «То, чего вам не хватало». Цену предлагали узнать после заказа.

— Не буду, — сказал Тарас.

Блюдо появилось само. На тарелке лежал покой.

Тарас понюхал.

— Несвежее.

В дверь постучали. Вошёл управляющий — высокий мужчина в форме, с лицом, которое каждый постоялец принимал за знакомое.

— Ваше проживание оплачено.

— Кем?

— Вами. Всеми решениями, когда вы предпочли исчезнуть, лишь бы не платить цену присутствия.

— Я никогда не предпочитал исчезнуть.

Управляющий открыл книгу регистрации. Там стояли подписи Тараса: когда он промолчал, чтобы не ссориться; когда ушёл раньше честного разговора; когда спрятался за долгом, потому что благодарность казалась опаснее.

— Это не исчезновение. Это осторожность.

— Гостиница принимает обе валюты.

Тарас потребовал выписаться.

— Для этого нужно оплатить ночь.

— Чем?

— Признать, что вам есть куда возвращаться.

Тарас рассмеялся.

— Манипуляция.

— Да. Но эффективная.

За стеной слышались голоса других постояльцев: героев, которых забыли после удачной сцены; злодеев, отказавшихся от мести и потерявших сюжет; людей, ставших не нужны после чужого счастливого конца.

Тарас постучал в стену.

— Хотите выйти?

— Куда?

— Пока не знаю. Но там Эраст. Это почти гарантия, что место скоро понадобится всем.

Постояльцы начали собираться.

Управляющий нахмурился.

— Групповое выселение не предусмотрено.

— Тогда оформим как конференцию.

Тарас составил список участников, повестку и требование предоставить зал. Гостиница не могла отказать документу, составленному в трёх экземплярах.

На собрании он заявил:

— Если история закончилась для вас, это не значит, что вы обязаны ночевать здесь вечно.

Просто дальше придётся жить без читателя.

— А кто подтвердит, что мы существуем?

— Мы друг другу.

Стены гостиницы треснули.

Тарас первым шагнул наружу.

За ним вышли тысячи второстепенных персонажей.

В книге Алёши появились новые страницы, но ни на одной не было номера главы.

Часть двадцать первая

Истории после точки

Глава сто восемьдесят седьмая

Второстепенные захватывают сюжет

Тысячи постояльцев Гостиницы последней ночи вошли в книгу. Они не собирались становиться главными героями. Они требовали право продолжаться без участия главных.

Первой выступила женщина, однажды подавшая Эрасту кружку воды в сорок второй главе.

— После этого у меня была жизнь.

— Верю, — сказал Эраст.

— Нет. Ты никогда о ней не спрашивал.

Она рассказала, что открыла трактир, вырастила троих детей, пережила войну и научилась не давать воду людям, которые не говорят спасибо.

Следующим был стражник, пропустивший героев через ворота. Потом лодочник, перевёзший их через временную реку. Потом безымянный титан, державший небо в одном абзаце.

Каждая история создавала новые дороги, дома и годы.

Книга распухала. Корешок трещал.

Редактор попыталась навести порядок.

— Невозможно включить всё.

— Мы не просим включать, — сказала женщина с водой. — Мы просим не считать отсутствующим.

Алёша придумал решение. Он нарисовал на полях маленькие двери. За каждой продолжалась история второстепенного героя, но основная страница не становилась длиннее.

— Это сноски? — спросил Тарас.

— Нет. Сноски объясняют. Двери разрешают уйти.

Эраст открыл одну. За ней жил стражник, который после их ухода написал книгу о людях, не умеющих закрывать ворота. В другой лодочник основал школу плавания по времени. В третьей кружка воды стала семейной реликвией, хотя сама кружка была против.

— Хорошо придумано, — сказала Вера.

— Взрослые почему так не делали?

— Боялись, что читатель уйдёт не в ту дверь.

— А какая та?

Никто не ответил.

Второстепенные разошлись по своим продолжениям. Некоторые двери остались открытыми. Из них доносились смех, плач, ругань и обычные разговоры, которым не требовалась кульминация.

Тарас вернулся последним.

— Где был? — спросил Эраст.

— Проверял номер.

— И?

— Бесплатным он всё-таки не был.

Тарас показал счёт. Гостиница требовала оплату за всех освобождённых постояльцев.

Алёша взял ручку.

— Я отменю.

— Не надо, — сказал Тарас. — Это мой долг.

— Ты же всегда хотел от долгов избавиться.

— Не от тех, которые доказывают, что я был не один.

Глава сто восемьдесят восьмая

Мир без взрослых правил

Алёша решил написать мир, где дети устанавливают законы сами. Ему казалось, что после несправедливости взрослых хуже уже не получится.

Получилось быстрее.

В новом мире уроки начинались после обеда, сладкое считалось основным блюдом, а слово «нельзя» требовало письменного обоснования на трёх страницах.

Драконы получили право летать в помещениях. Короли обязаны были объяснять каждое решение детям. Войны разрешались только подушками и прекращались, когда кому-нибудь становилось не смешно.

Первые часы прошли великолепно.

Потом никто не убрал последствия битвы подушками. Перья забили реки. Драконы прожгли потолки. Короли научились писать обоснования так, что дети засыпали на второй странице.

— Они изобрели бюрократию, — сказал Тарас с гордостью и ужасом.

Алёша попытался исправить правила. Дети возмутились:

— Ты сам сказал, что мы решаем!

— Но вы неправильно решаете.

— Значит, ты взрослый.

Это было самое тяжёлое обвинение в их мире.

Тихон пришёл к Алёше.

— Автор не тот, кому разрешено всё. Автор тот, кто первым узнаёт, что разрешение не освобождает от последствий.

— Ты ребёнок или взрослый?

— Пока вопрос.

Они собрали совет детей и предложили одно общее правило: любую новую свободу сначала пробует тот, кто её придумал.

Любители сладкого должны были неделю есть только сладкое. Через два дня они потребовали суп.

Сторонники отмены сна не спали три ночи и на четвёртую запретили обсуждение после девяти.

Юные короли попробовали исполнять собственные указы и немедленно ввели оппозицию.

Мир постепенно стал разумнее, но не перестал быть детским. В нём сохранили право спрашивать «почему» до тех пор, пока взрослый не признается, что не знает.

Алёша вернулся к книге.

— Я плохой автор?

— Хороший автор опаснее, — ответил Семён. — Он дольше уверен, что всё делает правильно.

— Тогда какой нужен?

— Живой.

На странице появилось новое требование:

«Для подтверждения статуса живого автора необходимо совершить ошибку, которую нельзя исправить текстом».

Алёша побледнел.

— А если не хочу?

Ручка выпала из его ладони.

Книга начала искать другого кандидата.

Глава сто восемьдесят девятая

Конкурс на худшего автора

Объявление о вакансии появилось во всех мирах. Требовался автор, готовый совершить необратимую ошибку. Опыт, мудрость и хорошая репутация считались препятствиями.

Желающих оказалось много.

Первым пришёл король, проигравший три войны и считавший это масштабным мышлением. Затем пророк, чьи предсказания сбывались только после исправлений. Потом волшебник, однажды превративший себя в лягушку и забывший обратное заклинание.

— Подходящие кандидаты, — сказал Тарас.

— Они гордятся ошибками, — возразила Вера. — Значит, ничему не научились.

Редактор устроила собеседование.

— Почему хотите стать автором?

— Чтобы исправить мир, — отвечали кандидаты.

Их немедленно исключали.

— Какую ошибку готовы совершить?

— Ту, которая приведёт к победе.

Их исключали ещё быстрее.

Последним пришёл человек со скамейки под дождём. Он всё ещё не имел имени и ждал то, что однажды должно было пройти мимо.

— Зачем вам власть?

— Не нужна.

— Тогда зачем пришли?

— Чтобы мальчик не совершал ошибку специально. Настоящие ошибки не требуют назначения.

Алёша посмотрел на него.

— Вы станете автором?

— Нет. Я посижу рядом, пока ты боишься.

Они сели на нарисованную скамейку. Пошёл дождь — тот самый, который мир когда-то проголосовал отменить.

Алёша рассказал, что боится испортить чужие жизни. Человек признался, что боится прожить свою незаметно.

— Какая ошибка хуже?

— Та, после которой делаешь вид, что ничего не произошло.

Ручка вернулась в ладонь Алёши.

Он ничего не писал. Просто встал и пошёл к маме.

— Я взял книгу без спроса и чуть не сломал несколько миров.

Мама долго молчала.

— Несколько?

— Может, больше.

— Сначала верни книгу. Потом будем разбираться.

Ошибка стала необратимой: Алёша сказал правду и больше не мог сохранить прежнее представление о себе как о человеке, который всегда хотел добра и потому ни в чём не виноват.

Книга признала его живым автором.

Но вместе со статусом на первой странице появилось имя человека со скамейки.

Его звали Алёша.

Точно так же, как нового автора.

Глава сто девяностая

Мальчик который ждал самого себя

Два Алёши сидели на одной скамейке. Один был десятилетним мальчиком. Второй — взрослым человеком без прошлого, ожидавшим под дождём с самого начала ненаписанных миров.

— Вы — это я? — спросил мальчик.

— Не знаю. Я ждал ответа.

Астрей прочитала линии времени. Они начинались в одной точке, но шли в разные стороны. Взрослый Алёша был не будущим мальчиком, а будущим, от которого тот когда-то отказался.

— Когда?

— Сейчас, — сказала История.

Перед новым автором появились две дороги. На первой он продолжал писать миры и однажды становился человеком со скамейки, потому что все истории получили продолжение, кроме его собственной. На второй закрывал книгу, возвращался домой и забывал героев.

— Опять выбор из двух плохих вариантов, — возмутился Алёша.

— Взрослая традиция, — сказал Эраст.

— Тогда будет третий.

— Его нет.

— Значит, надо сделать.

Алёша разорвал пустую страницу пополам. На одной написал «книга», на другой — «жизнь». Потом склеил их кусочком вчерашнего огня.

Получилась дверь, открывающаяся в обе стороны.

— Я буду приходить после уроков.

История попыталась возразить:

— Авторство требует полной отдачи.

— У меня ещё мама, школа и футбол по средам.

— Миры не могут ждать.

— Могут. Вы же ждали до меня.

Взрослый Алёша засмеялся. С каждой улыбкой он становился моложе. Ожидание возвращало ему время, которое он отдал чужим историям.

— Значит, я не обязан появиться?

— Обязанностей вообще стало меньше, — сказал Тарас. — Тревожная тенденция.

Взрослый исчез. На скамейке осталось яблоко из Ельца и записка: «Не забывай выходить из книги».

Алёша вернул героям имена, Семёну — память, Александру Александровичу — дверь в обычную жизнь. Затем аккуратно закрыл рукопись и поставил на полку.

— До завтра, — сказал он.

Миры остановились, но не исчезли. Эраст и Вера остались на площади. Тарас считал долг Гостинице. Мира учила драконов не есть причинность. Тихон смотрел на дорогу без готового взрослого конца.

Всё было спокойно.

Почти.

Когда магазин закрыли, книга сама открылась на последней странице.

Там возникла фраза, написанная взрослым почерком Алёши:

«Я вернулся из будущего не для того, чтобы стать автором».

Ниже появилась вторая:

«Я вернулся, чтобы предупредить: первый дракон ещё не родился».

За окном книжного магазина небо стало цвета древней энергии.

Под современным Ельцом проснулось существо, которое титан Ел всю вечность принимал за собственный сон.

Глава сто девяносто первая

Тот кто спал под титаном

Существо открыло глаза, и титан Ел понял, что всё это время сам был всего лишь веком на его реснице.

Современный Елец вздрогнул. Дома остались на местах, но у каждого на мгновение появилось воспоминание о том, как он был горой, рекой или непринятым решением.

— Что проснулось? — спросил Алёша.

Взрослый почерк ответил на странице: «Не знаю. Поэтому пришёл предупредить».

Из земли поднялся не великан и не бог. Поднялось пространство между вещами. Улицы раздвинулись, не становясь шире. Небо оказалось глубже. В каждом человеке появилось место для ещё одной жизни.

Астрей назвала существо Вместилищем.

— Не имя, — уточнила она. — Способ не сойти с ума при разговоре.

Вместилище существовало до энергии. Пока энергия решала, куда двигаться, оно предоставляло ей куда. Пока титаны выбирали форму, оно держало все невыбранные размеры. Пока боги создавали законы, оно сохраняло место для исключений.

— И почему оно проснулось? — спросил Эраст.

— Миров стало слишком много. Мы наполнили всё возможностями.

— То есть у вселенной кончилось место?

— Хуже. Она решила сделать уборку.

Вместилище начало втягивать параллельные миры. Не уничтожать — складывать внутрь. Порядия свернулась в аккуратную папку. Мир обязательных чудес превратился в искру. Архив книг задрожал на полках.

Тарас достал договор с Неразличённым.

— Здесь написано, что миры существуют рядом.

— Рядом — это уже место, — сказала Вера. — А место принадлежит ему.

Титан Ел поднялся во весь рост и попытался удержать город на ладони. Вместилище втянуло его руку до локтя.

— Я спал на нём, — сказал титан. — Значит, должен был заметить.

— Люди тоже спят на собственных проблемах, — ответила Маргарита Всеволодовна. — Иногда годами. Размер не помогает.

Алёша открыл книгу и написал: «Вместилище остановилось».

Оно остановилось.

Вместе с ним остановилось всё, что находилось внутри: ветер, время, дыхание и половина мысли Тараса о возможной компенсации.

— Отмени! — крикнул Семён.

Алёша зачеркнул строку. Движение вернулось рывком. Миры столкнулись, часы проскочили вперёд на три минуты, а Тарас закончил мысль вслух:

— ...включая моральный вред.

Вместилище повернулось к мальчику.

Впервые за время до начала времён оно заметило автора.

Глава сто девяносто вторая

Автор которого слишком мало

Вместилище приблизилось к Алёше. Рядом с ним мальчик казался точкой, случайно поставленной на краю бесконечной страницы.

— Не бойся, — сказал Семён.

— Я не боюсь.

— Тогда начни. Без страха люди обычно делают особенно опасные вещи.

Существо заглянуло в Алёшу и увидело всё, что тот мог написать: спасения, гибели, драконов, счастливые финалы, контрольные по математике и мир, где контрольные пишут учителя.

Последняя возможность заинтересовала его больше остальных.

Вместилище протянуло к ручке пустоту. Чернила вышли из стержня и стали океаном. В океане начали зарождаться первые энергии.

— Оно хочет забрать авторство? — спросил Тихон.

— Нет, — сказала Астрей. — Оно возвращает автора внутрь возможностей. Чтобы ни одна история больше не смогла выбраться наружу.

Алёша держал ручку двумя руками.

— Я не отдам.

— Почему?

— Потому что обещал вернуться после уроков.

Вместилище не знало обещаний. В эпоху до времени нельзя было сказать «потом», поэтому верность будущему казалась ему невозможной силой.

Оно ослабило хватку.

Эраст шагнул между ним и мальчиком.

— Возьми меня.

— Опять? — спросила Вера.

— Я отвлекаю.

— Ты каждый раз отвлекаешь собой.

Вместилище заглянуло в Эраста и увидело множество спасённых миров. Каждый занимал место. Каждый продолжался. Каждый требовал ещё немного будущего.

Существо протянулось к нему.

Тарас выставил счёт.

— Хранение миров платное.

Вместилище остановилось.

— Оно не знает денег, — сказал Семён.

— Тем лучше. На незнании держится половина договоров.

Тарас объяснил: если Вместилище забирает миры, оно становится хранителем и отвечает за сохранность, доступ, последствия и случайную порчу. За каждый мир начисляется плата временем.

Существо впервые почувствовало тяжесть ответственности. До сих пор оно только давало место и никогда не отвечало за содержимое.

Из него выпал один мир.

Потом второй.

Архив развернулся обратно. Порядия восстановилась с помятой границей. Мир чудес вернулся без одной феи, но та обнаружилась у Тараса в кармане и отказалась выходить без командировочных.

— Оно отпускает! — сказал Тихон.

Вместилище отпустило почти всё.

Кроме одного мира.

Мира, где должен был родиться первый дракон.

Глава сто девяносто третья

Яйцо размером с эпоху

Мир первого дракона находился внутри Вместилища, как яйцо внутри темноты.

Оно было размером с эпоху и ещё не решило, какая сторона станет скорлупой. Снаружи билось древнее тепло. Изнутри доносился кашель.

— Дракон простудился до рождения? — спросил Эраст.

— Он пытается вдохнуть, — ответила Мира. — Но воздуха ещё нет.

Чтобы родился первый дракон, требовались огонь, имя и причина жить. Огонь существовал как энергия, но ещё не умел гореть. Имена не были придуманы. Причины считались позднейшим изобретением людей.

— Значит, начнём с простого, — сказал Тарас. — С причины.

Все посмотрели на него.

— Что? Деньги появились позже причин, но часто заменяют.

Мира приложила ладонь к яйцу. Все драконы, возможные и невозможные, собрались вокруг. Каждый отдал часть своего огня.

Огонь памяти, вчерашний огонь, огонь сомнения, огонь, который согревал только врагов, и маленькое пламя домашнего очага вошли в скорлупу.

Яйцо засветилось.

— Теперь имя, — сказала Астрей.

Боги предложили величественные варианты. Титаны — тяжёлые. Люди выбирали имена, которые удобно сокращать. Маргарита Всеволодовна настаивала, что сначала надо увидеть ребёнка.

— Назовём его Первый, — предложил Эраст.

— Тогда каждый следующий будет Вторым, — сказала Вера. — Никакой индивидуальности и удобная очередь.

Алёша написал на скорлупе: «Дракон сам назовёт себя».

Внутри что-то ударило хвостом.

Оставалась причина жить.

Мира говорила о потомках. Семён — об истории. Тихон — о возможности выбирать. Эраст — о людях, которых дракон ещё не встретил.

Яйцо молчало.

Маленький дракон подошёл и постучал когтем.

— Выходи. Там смешно.

Скорлупа треснула.

— Вот она, причина, — сказал Тарас. — Не убедительная, зато проверяемая.

Из трещины показался глаз. Он был старше богов и моложе собственного первого взгляда.

— Кто там? — спросил голос.

— Все, — ответил малыш.

— Это много?

— Иногда.

Яйцо раскололось.

Наружу вышел не огромный прародитель. Вышел крошечный дракон, помещавшийся на ладони Алёши.

Он вдохнул впервые.

И закашлялся.

Глава сто девяносто четвёртая

Первый кашель первого дракона

Первый кашель создал огонь.

Не пламя, не жар и не свет, а способность чего-то одного превращаться в другое, оставляя после себя тепло.

Второй кашель создал дым — память огня о том, чего больше нет.

Третий должен был создать драконов.

— Но они уже есть, — сказал Тихон.

— Поэтому история сейчас сложится сама в себя, — ответила Астрей. — Желательно не стоять на сгибе.

Дракон кашлянул в третий раз.

Все существующие драконы исчезли.

Мира осталась с пустыми руками. Маленький дракон пропал с плеча Эраста. Невозможные драконы растворились вместе с собственными возражениями.

— Верни их! — крикнул Алёша.

Он потянулся к странице, но Семён остановил руку.

— Подожди. Если напишешь из страха, создашь копии.

Первый дракон удивлённо смотрел на мир.

— Я сделал плохо?

— Ты сделал впервые, — сказала Вера. — Это почти всегда плохо для тех, кто жил по старым правилам.

Третий кашель не уничтожил драконов. Он отправил их туда, где они должны были начаться. Каждый оказался внутри возможности собственного рождения.

Мира увидела тысячи яиц во всех мирах. В некоторых драконы рождаются через годы. В других — после единственного доброго поступка. В третьих никогда не вылупятся, но будут согревать землю изнутри.

— Мой сын где?

Астрей искала его линию. Её не было.

Маленький дракон уже существовал до рождения первого. Такая ошибка не помещалась в новую причинность.

Чернушка появилась рядом.

— Его тень здесь.

На земле лежала маленькая тень без тела. Она дрожала.

— Можно вернуть по тени? — спросил Эраст.

— Только если найти событие, которое он совершил, но которое не могло произойти без него.

Все вспомнили сразу: отпечаток лапы на ненаписанной странице, слово «папа», съеденную возможность, возвращение Семёна, название книги, написанное кашлем.

Событий было слишком много.

— Какое настоящее? — спросил Тихон.

— Все, — сказала Вера. — Поэтому причинность не может выбрать.

Эраст поднял тень на руки.

— Тогда пусть он вернётся не потому, что должен был. Пусть вернётся потому, что мы ждём.

Ожидание не считалось причиной. Оно было местом для будущего.

Вместилище дрогнуло.

В маленькой тени забилося сердце.

Часть двадцать вторая

До рождения причины

Глава сто девяносто пятая

Сердце без тела

Сердце билось внутри тени, но тело не возвращалось.

Каждый удар создавал возможного маленького дракона. Один был зелёным, другой золотым, третий состоял из букв, четвёртый выглядел как обычный мальчик и очень этого стеснялся.

— Какой из них наш? — спросила Мира.

— Тот, которого вы узнаете, — ответила Астрей.

Мира смотрела на варианты. У каждого были знакомые глаза. Каждый помнил слово «папа». Каждый считал себя настоящим.

— Нечестный выбор.

— Материнство редко предлагает честные.

Эраст подошёл к вариантам.

— Кто из вас однажды испортил договор Тараса?

Все подняли лапы.

— Кто съел возможность?

Снова все.

— Кто любит Веру?

Все посмотрели на неё.

Тарас вздохнул.

— Спросите, кто вернул долг.

Ни одна лапа не поднялась.

— Вот. Семейное сходство подтверждено, а личность нет.

Тихон предложил не выбирать. Он разделил тень так, чтобы каждому варианту достался кусочек сердца.

— Тогда вернутся все, — сказала Редактор.

— Они уже все вернулись, раз мы их видим.

Мира согласилась.

Варианты получили тела. Вокруг появилось множество маленьких драконов, одинаково родных и совершенно разных.

Первый дракон испугался.

— Я должен был создать один род.

— Создал семью, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Там арифметика всегда нарушена.

Маленькие драконы окружили Эраста.

— Папа, — сказали они хором.

Он побледнел.

— Мира, это временно?

— Теперь уже нет.

Тарас начал считать расходы на воспитание и остановился на числе, после которого проще поверить в вечность.

Но среди драконов не было того самого. Чернушка оставалась отдельной тенью.

— Он не выбрал тело, — сказала она. — Он остался там, где его ждут.

— Где?

Чернушка указала на грудь Эраста.

Сердце героя ударило дважды.

Один удар принадлежал ему.

Второй — маленькому дракону.

Глава сто девяносто шестая

Один герой на двоих

Эраст почувствовал чужой хвост, которого у него не было, и желание немедленно укусить Тараса за рукав.

— Он внутри меня.

— Я догадалась, — сказала Вера. — Ты смотришь на мебель как на еду.

Маленький дракон поселился не в теле Эраста, а в его выборе. Теперь каждое решение сопровождалось вторым, более огненным вариантом.

Эраст хотел поговорить с Первым драконом. Внутренний голос предложил чихнуть.

Хотел успокоить Миру. Голос потребовал залезть ей на плечо.

Хотел обнять Веру. Здесь оба варианта совпали.

— Как разделить? — спросила Мира.

Первый дракон ответил: маленький должен получить причину для собственного рождения. Не общую историю, не чужое ожидание, а событие, которое начинается с него.

— Он уже назвал меня папой.

— Это началось с тебя, — сказала Вера.

— Тогда пусть сам что-нибудь решит.

Эраст закрыл глаза.

Внутри находился тёмный зал с двумя дверями. За одной была жизнь Эраста. За другой — все возможные тела дракона. Между дверями сидел малыш.

— Выбирай, — сказал Эраст.

— Вместе.

— Нельзя всё время вместе.

— Почему?

— Потому что однажды ты должен будешь уйти туда, куда я не пойду.

Малыш задумался. Для ребёнка это была первая настоящая жестокость будущего.

— Ты останешься?

— Пока смогу.

— Обещаешь?

Эраст хотел сказать «да». Дракон почувствовал ложь раньше слова.

— Не могу обещать навсегда.

Малыш обиделся. Огонь прошёл по залу, обе двери загорелись.

— Зато могу обещать не делать вид, что навсегда существует.

Дракон посмотрел на него.

Потом выбрал третью дверь, которой не было.

Она открылась наружу.

Из груди Эраста вылетел маленький дракон — прежний, единственный, с тенью задом наперёд и очень недовольным выражением.

Он сел на землю.

— Папа врёт плохо.

— Наконец-то полное предложение, — сказала Вера.

Мира обняла сына. Остальные маленькие драконы окружили их.

Первый дракон смотрел на семью и учился главному закону потомков: созданное никогда не обязано оставаться таким, как задумано.

Глава сто девяносто седьмая

Первый дракон выбирает имя

Пришло время дать Первому дракону имя.

Он отказался от всех предложений. Имена богов казались громкими, титанов — тяжёлыми, людей — слишком похожими на попытку позвать к обеду.

— Я назову себя сам, — напомнил он.

— Мы ждём, — сказал Эраст.

— Вот это и мешает.

Дракон ушёл на край Предначалия. Там ещё не было звёзд, но уже существовала темнота, на которой их удобно размещать.

Он слушал будущие имена своих потомков. Одних назовут разрушителями. Других хранителями. Третьих домашними животными, что особенно оскорбляло величие и радовало детей.

— Имя должно говорить, кто я? — спросил он Алёшу.

— Нет. Оно нужно, чтобы тебя звали, даже когда ещё не знают, кто ты.

— Тогда меня будут звать Начало.

Астрея покачала головой.

— Начал было много до тебя.

— Первый?

— Первых тоже.

Тарас предложил имя Должник, объяснив, что оно надёжно связывает с обществом. Предложение отклонили без голосования.

Маленький дракон подошёл к прародителю.

— Тёплый.

— Я создал огонь.

— Не поэтому.

Он прижался к его боку. Первый дракон впервые почувствовал, что тепло можно не создавать, а отдавать конкретному существу.

— Теплон, — решил он.

— Звучит как прибор, — сказал Эраст.

— Всё древнее потом звучит как прибор или лекарство, — ответил Семён.

Имя вошло в миры. Огонь получил способность не только менять, но и сохранять. Появились очаги, кузницы, звёзды и первые споры о том, кому подкладывать дрова.

Вместилище отступило. Рождение Теплона заняло пространство, которого раньше не было: место между теми, кто греет, и теми, кто принимает тепло.

— Мы спасены? — спросил Алёша.

— Пока родились, — сказала История. — Не путай.

Теплон расправил крылья.

На внутренней стороне одного было изображено начало всех драконов.

На другом — их конец.

Мира увидела последний рисунок и закрыла крыло.

— Никому не показывай.

— Почему?

— Потому что будущее не обязано знать, что ты его уже нарисовал.

Но Редактор успела прочесть рисунок.

На нём последний дракон тушил последний огонь своим последним кашлем.

Глава сто девяносто восьмая

Последний кашель ещё не случился

Рисунок на крыле Теплона начал двигаться.

Последний дракон стоял среди холодных звёзд. Вокруг не было людей, богов, титанов и историй. Только огонь, который устал гореть.

Он кашлянул — и пламя погасло.

— Это неизбежно? — спросила Мира.

— Это один рисунок, — ответила Вера. — Крылья показывают путь, а не приговор.

Теплон признался: при рождении он увидел оба края своего рода. Первый огонь и последний. Между ними находилось всё, чего он ещё не понимал.

— Где последний дракон? — спросил Тихон.

— В конце времени.

— Значит, далеко.

Астрейя посмотрела на смешавшиеся эпохи.

— После всех наших переходов конец времени может находиться в соседней главе.

Книга Алёши сама перелистнулась.

Следующая страница была покрыта инеем. На ней стоял дракон, старый настолько, что чешуя превратилась в карту исчезнувших миров.

Он увидел Теплона.

— Наконец-то, — сказал последний дракон. — Я ждал, когда ты родишься.

— Зачем?

— Чтобы вернуть огонь.

— Ты должен его погасить.

— Рисунок ошибся. Я не тушу последний огонь. Я удерживаю его внутри кашля, пока первый не будет готов принять.

Последний дракон закашлялся. Из пасти вылетела маленькая искра и зависла между страницами.

Это был весь огонь конца времён: последний костёр, последняя звезда, последняя тёплая ладонь.

Теплон протянулся к искре.

— Не трогай! — крикнула Мира.

Поздно.

Первый и последний огонь соединились.

Круг времени замкнулся. Все эпохи дрогнули. Титаны увидели собственное рождение и падение. Боги вспомнили молитвы людей, которые ещё не появились. Эраст одновременно спас первый и последний мир.

Тарас получил счёт за вечность целиком.

— Кто выставил?

— Ты, — ответили оба конца времени.

Алёша попытался разомкнуть круг, но ручка писала по окружности и возвращала каждую фразу к началу.

— Что делать?

Последний дракон посмотрел на маленького.

— Нужен тот, кто находится между первым и последним, но не принадлежит времени.

Все посмотрели на Тихона. Он был ребёнком, взрослым, легендой и дорогой к себе.

— Почему опять я?

— Потому что ты единственный, чьё будущее уже случилось и всё равно осталось свободным.

Тихон шагнул внутрь огненного круга.

В этот момент из будущего пришёл взрослый Алёша.

— Не пускайте его, — сказал он. — Если Тихон разорвёт круг, родится мир без драконов.

— А если не разорвёт?

Взрослый Алёша показал пустую правую руку.

— Родится мир без людей.

Глава сто девяносто девятая

Два будущих и ни одного удобного

Взрослый Алёша выглядел лет на сорок, на восемьдесят и на утро понедельника одновременно.

На его пальцах темнели чернильные ожоги. Такие получаются, если слишком долго держать судьбу за место, которое судьба считает личным.

— Откуда ты пришёл? — спросил маленький Алёша.

— Из обоих будущих.

— Так не бывает.

— Поэтому я плохо выгляжу.

Он раскрыл левую ладонь. На ней лежала крошечная драконья чешуйка. Правую он уже показал: пустая.

— В одном будущем Тихон разорвал круг. Люди остались. Они построили города, придумали отопление, налоги и способы объяснить детям, что драконов никогда не существовало.

Теплон наклонил голову.

— А огонь?

— Стал обычным. Грел, жёг и ничего не помнил.

— Это хуже смерти, — сказала Мира.

— Для огня — да. Для коммунальных служб оказалось удобнее.

Взрослый Алёша сжал левую ладонь.

— В другом будущем круг не разорвали. Драконы сохранили огонь, но людям не досталось места в истории. Они остались возможностью. Шорохом возле костра, который никто не развёл.

Эраст посмотрел на Веру. Ему не понравился мир, в котором она была возможностью. Возможности слишком легко откладывают на потом.

— Ты жил в обоих? — спросил Семён.

— Я написал оба. Потом оба написали меня.

Редактор подошла ближе.

— И в обоих вариантах ты сделал одну ошибку.

— Какую?

— Решил, что выбор обязан быть между двумя вариантами, потому что на странице помещаются две колонки.

Тарас оживился.

— Можно сделать приложение.

— Нельзя, — хором сказали все.

Тихон стоял внутри круга. Первый и последний огонь вращались вокруг него, примеряя к миру две формы отсутствия.

— Если я выйду, круг замкнётся сам?

— Да, — сказал взрослый Алёша.

— Если останусь?

— Ты станешь разрывом. Навсегда.

Тихон подумал. Он уже был дорогой, легендой, ребёнком и человеком, которого взрослые назначают решением, когда сами устали бояться.

— А если кругу не нужен разрыв?

Астрея подняла взгляд.

— Продолжай.

— У круга нет середины. Поэтому он заставляет выбирать края.

Тихон протянул руки к двум огням.

— Значит, надо дать ему середину.

Огонь остановился.

В Предначалии впервые появилось место, которое не было ни началом, ни концом.

Это место немедленно потребовало название, документы и ответственного.

Тарас сделал шаг вперёд.

Маргарита Всеволодовна удержала его за воротник.

— Даже не думай.

Глава двухсотая

Середина, которую никто не назначал

Середина оказалась похожа на кухню.

Не на дворец богов, не на кузницу титанов и не на бездну, где энергии обсуждали устройство мироздания до появления слов. Обычный стол, несколько стульев и чайник, который уже закипел, хотя огонь ещё решал, существовать ли ему.

— Почему кухня? — спросил Теплон.

— Потому что здесь несовместимые люди остаются до конца разговора, — сказала Вера.

Маргарита Всеволодовна проверила чайник.

— И потому что вселенная без кипятка долго не держится.

Тихон вышел из огненного круга не наружу, а в середину. Круг растянулся и превратился в две двери по обе стороны кухни.

За первой шумел мир людей без драконов. За второй летали драконы над землёй, где никто не придумал слово «домой».

Взрослый Алёша сел между дверями.

— Я пытался соединить эти будущие.

— Чем? — спросил маленький Алёша.

— Сюжетом.

— И что получилось?

— Война.

Семён понимающе кивнул. Авторы часто называют соединением момент, когда сталкиваются две половины и ждут, какая красивее разобьётся.

Теплон коснулся двери людей. В городах вспыхнули печи. На миг каждый человек вспомнил дракона, которого никогда не видел. Потом воспоминание погасло.

Маленький дракон коснулся другой двери. В небе возникли окна, голоса, колыбельные и один неоплаченный счёт Тараса. Драконы шарахнулись от последнего.

— Миры слышат друг друга, — сказал Эраст.

— Но не могут перейти, — ответила История. — У каждого своя цена существования.

— Какая цена у людей?

— Конечность.

— А у драконов?

— Огонь.

Тихон посмотрел на Теплона.

— Люди умирают, потому что у них нет собственного огня?

— Нет, — сказала История. — Они живут, потому что знают: времени мало.

— А драконы живут долго, потому что несут начало дальше конца, — добавила Астрей.

Редактор постучала карандашом по столу.

— Значит, соединить миры нельзя. Но можно обменять то, что делает их отдельными.

Мира заслонила детей крылом.

— Отдать людям огонь?

— Не весь.

— А что драконы получают взамен?

Никто не ответил.

За человеческой дверью старуха закрывала глаза. За драконьей молодой дракон летел над тысячелетиями и не знал, зачем ему садиться.

Тихон понял первым.

— Смерть.

Маленькие драконы замолчали.

Даже чайник перестал свистеть, потому что некоторые слова лучше слушать без сопровождения.

Глава двести первая

Предложение, от которого бессмертные стареют

— Нет, — сказала Мира.

Это «нет» было материнским. Оно не нуждалось ни в доказательствах, ни в согласовании с устройством мира.

— Никто не отдаст моим детям смерть.

— Она не вещь, — осторожно сказал Семён.

— Тогда пусть остаётся ничем.

Теплон смотрел на человеческую дверь. Там мальчик грел руки над костром, не зная, что тепло пришло из чужого будущего.

— Если драконы не примут конец, люди не получают начало, — сказал он.

— Ты только родился.

— Поэтому я ещё помню, каково это — не быть.

Последний дракон появился в пламени. Его кашель дрожал на границе времён.

— Я устал не умирать, — признался он. — Конец всё время подходит ко мне и отступает, потому что я обязан донести искру. Я пережил имена, горы и тех, кто обещал вернуться через минуту.

Эраст вздохнул.

— Последнее особенно тяжело.

— Если искра уйдёт к людям, — продолжил последний дракон, — я смогу закончиться?

История не ответила. Она никогда не обещала покоя тем, кого ещё можно использовать в продолжении.

Астрей подошла к Мире.

— Смертность не означает скорую смерть.

— Для матери любое «когда-нибудь» подозрительно близко.

Вера положила ладонь на чешую Миры.

— Но без неё дети принадлежат не себе, а роду. Они обязаны длиться. Не могут выбрать, ради чего потратить жизнь.

Мира посмотрела на маленького дракона.

Он пытался лизнуть горячий чайник. Эраст оттащил его, получил обиженный дым в лицо и понял, что воспитание — это ежедневная борьба за право потомка когда-нибудь умереть не сегодня.

— Я согласен, — сказал малыш.

— Тебя не спрашивают.

— Тогда зачем учили говорить?

Эраст отвернулся, скрывая улыбку. Этот аргумент уже принадлежал семье.

Теплон расправил крылья.

— Я приму человеческий конец первым.

— А люди? — спросил Тарас. — Кто подпишет получение огня от их имени?

Все посмотрели на Эраста.

— Почему я?

— Ты герой, — сказал Тихон.

— Это не должность.

— Именно поэтому тебе доверяют больше, чем должностным лицам.

Эраст посмотрел на огонь. Он уже носил внутри дракона, спасал миры, женился вопреки первоначальному названию и познакомился с тещей, после чего смерть казалась не самым трудным переговорщиком.

— Хорошо. Я возьму огонь для людей.

— За всех? — спросила Редактор.

— Нет. Только первый кусочек. Остальные пусть решают сами.

История улыбнулась.

Впервые герой отказался спасти человечество без его участия.

Именно поэтому у человечества появился шанс.

Глава двести вторая

Огонь по одной искре в руки

Теплон вынул из груди искру.

Она была меньше семечка и тяжелее всех будущих костров. В ней помещались кузницы, пожары, свечи, двигатели, семейные ужины и человек, который обязательно забудет выключить утюг.

— Осторожно, — сказала Мира.

— Поздно, — ответил Эраст и взял искру.

Она не обожгла ладонь. Она вошла под кожу и сразу нашла все места, где он когда-либо боялся.

Страх загорелся.

Эраст увидел свою первую попытку быть героем. Тогда он думал, что смелость — это отсутствие страха. Теперь понял: отсутствие страха чаще бывает отсутствием воображения.

Искра прошла через сердце.

Маленький дракон внутри его памяти чихнул.

Эраст кашлянул.

Из рта вылетел огонёк и повис над столом.

— Вот так люди и получают огонь? — спросил Тарас. — Через кашель?

— Через дыхание, — поправила Астрея. — Кашель просто напоминает, что оно не гарантировано.

Огонёк разделился. Один вошёл в Веру, второй — в Тихона, третий — в маленького Алёшу. Потом искры потянулись через человеческую дверь.

Каждому досталось не пламя, а способность начинать: согревать, придумывать, сердиться на тьму и ставить чайник, когда разговор стал страшнее слов.

Некоторые люди употребили огонь на добро.

Некоторые — на зло.

Большинство — на приготовление еды, что История сочла разумным компромиссом.

Теплон пошатнулся. На краю его крыла появилась первая седая чешуйка.

Мира ахнула.

— Ты стареешь.

— Пока на одну секунду.

Последний дракон засмеялся. Смех перешёл в кашель, но теперь кашель не удерживал огонь. Искра ушла, и вместе с ней исчезла обязанность последнего быть последним.

Он стал просто старым драконом.

— Как тебя зовут? — спросил маленький дракон.

Старик задумался.

За вечность его называли Концом, Стражем, Последним и ещё несколькими словами, которые произносили только во время падения империй.

— Не помню.

— Тогда выбери.

Старый дракон взглянул на Теплона.

— Уголёк.

— Звучит несерьёзно, — заметил Эраст.

— После вечности имею право.

Огненный круг превратился в цепочку живых огней. Они больше не возвращались неизбежно к началу. Каждый можно было передать, потерять, потушить и зажечь снова.

Взрослый Алёша побледнел.

— В моих будущих этого не было.

— Потому что там ты всё написал один, — сказал маленький Алёша.

— А здесь?

Мальчик оглянулся на героев, драконов, титанов, тещу, Редактора и чайник.

— Здесь мне мешают.

— Называй это соавторством, — посоветовал Семён. — Так меньше обид.

Глава двести третья

Человек, которого будущее забыло отменить

Когда два будущих начали исчезать, взрослый Алёша остался между ними.

Сначала пропали его чернильные ожоги. Потом седина. Потом тень, которая всё ещё падала в сторону мира без людей.

— Ты исчезаешь, — сказал маленький Алёша.

— Логично. Будущего, из которого я пришёл, больше нет.

— Логика здесь давно не работает.

— Она работает. Просто на испытательном сроке.

Взрослый сел напротив своего детства. Между ними стояла чашка чая: маленький ещё не любил крепкий, взрослый уже не помнил другого.

— Я стану тобой? — спросил мальчик.

— Теперь нет.

— Хорошо.

— Спасибо.

Они оба обиделись, потому что услышали не то, что другой хотел сказать.

Взрослый Алёша достал из кармана последнюю страницу своей книги. На ней не было героев. Только два предложения: «Мир спасён» и «Цена оказалась приемлемой».

Редактор прочла и поморщилась.

— Кто определил приемлемость?

— Я.

— Поэтому тебя и отменяют.

Она разорвала страницу пополам. Из первой половины выпали города без драконов. Из второй — драконы без людей. Оба будущих рассыпались буквами.

Но взрослый Алёша не исчез.

— Почему? — спросил он.

История подошла ближе.

— Потому что ты уже сделал то, чего не было в твоём прошлом. Предупредил их.

— Этого достаточно?

— Для новой причины — да.

Взрослый посмотрел на свои руки. Правая больше не была пустой. На ней появилась линия жизни, которой раньше не предусматривалось.

— И что мне теперь делать?

— Жить, — сказала Вера.

— Кем?

— Сначала человеком. Профессию выберешь, когда перестанешь путать её с судьбой.

Тарас предложил место помощника по учёту ещё не произошедших расходов.

Маргарита Всеволодовна снова удержала его за воротник.

Взрослый Алёша засмеялся. Смех оказался похож на смех мальчика, только с опытом неправильных концовок.

— Можно я останусь здесь?

— Здесь скоро не будет, — сказала Астрейя. — Середина существует, пока идёт выбор.

Кухня уже растворялась. Стулья становились возможностями, стол — воспоминанием, а чайник упрямо оставался чайником.

— Он мой, — сообщила Маргарита Всеволодовна и взяла его с собой.

Две двери соединились в одну.

За ней возник мир, где люди помнили драконов как сказки, а драконы людей — как короткие, шумные существа, рядом с которыми вечность перестаёт быть скучной.

Взрослый Алёша шагнул первым.

На пороге он начал молодеть.

Когда дверь закрылась, рядом с маленьким Алёшей стоял подросток лет шестнадцати.

— Так лучше, — решил он. — До сорока я уже один раз неудачно дожил.

Глава двести четвёртая

Титаны требуют свою долю конечности

Обмен огнём и смертностью заметили титаны.

Они вообще замечали всё, что перераспределяли без их участия.

Ел пришёл первым. За ним двигались древние исполины, из тел которых когда-то получились горы, материки и несколько крайне неудобных государственных границ.

— Драконам дали смерть, людям огонь, — сказал Ел. — А титаны опять остались основанием.

— Вы хотели чего-то другого? — спросил Эраст.

— Иногда хочется быть верхним этажом.

Титаны не были бессмертными. Они были слишком большими, чтобы смерть понимала, с какого края начинать. Поэтому каждый падал тысячами и успевал стать географией раньше, чем заканчивался.

— Нам нужна человеческая мера, — сказал Ел. — Чтобы поступок мог быть завершён при жизни.

— А что вы отдадите? — спросила Редактор.

Титаны переглянулись. У великих существ плохо получался обмен: всё, что они клали на весы, немедленно ломало весы.

— Тяжесть, — предложил Ел.

История задумалась.

Людям не хватало тяжести. Не телам — решениям. Они легко обещали, легко забывали и называли переменной мнения то, что не хотели нести.

— По крупице, — сказала Вера. — Иначе человек, приняв решение, провалится сквозь землю.

Ел отломил от ладони каменную крошку. Она разделилась на миллионы невидимых частиц и ушла через дверь нового мира.

С этого дня некоторые слова стали иметь вес.

«Останусь» весило больше «вернусь».

«Прости» было тяжелее оправдания.

«Я отвечаю» могло придавить человека к месту, пока он действительно не ответит.

Тарас попробовал произнести: «Я ничего не должен» — и ушёл по колено в пол.

— Эксперимент подтверждён, — сказала Астрейя.

Взамен титаны получили меру. Ел внезапно увидел, где заканчивается его ладонь, где начинается плечо и сколько шагов нужно, чтобы подойти к Мира, не обогнув половину мироздания.

Он уменьшился до размеров высокого дома.

— Я маленький, — потрясённо сказал он.

— Вы всё ещё занимаете площадь районного учреждения, — заметил Эраст.

— Но теперь меня можно обнять целиком.

Маргарита Всеволодовна обняла его за один палец.

— Начинай с доступного.

Остальные титаны приняли меру. Горы перестали быть их неизбежными могилами и стали местами, куда они могли прийти.

Но вместе с тяжестью в мир людей просочилось нечто старше титанов.

Под ногами Тараса шевельнулась трещина.

Из неё донёсся голос энергии, существовавшей до формы:

— Если все раздают свойства, кто спросит тех, из кого свойства сделаны?

Глава двести пятая

Энергия подаёт жалобу на существование

Трещина раскрылась и выпустила свет без цвета.

Это была одна из Первых Энергий — тех, что двигались до пространства, спорили до языка и однажды случайно произвели богов, потому что не договорились, кто выключит сияние.

— Назовитесь, — потребовала Редактор.

— У нас не было имён.

— Тогда жалоба не принимается.

Свет задрожал от возмущения.

— Вот поэтому форма всегда побеждает. Она придумывает графу, которой у бесформенного нет.

Астрей узнала энергию.

— Это Неделимая.

— Вы снова дали мне имя.

— Иначе придётся обращаться «эй».

Неделимая поднялась над героями. Внутри неё двигались молнии, будущие законы природы и раздражение существа, которое миллиарды лет используют, превращают и сохраняют, ни разу не спросив, хочет ли оно участвовать.

— Драконы взяли огонь. Титаны — тяжесть. Боги — смысл. Люди собирают всё, что плохо закреплено. А энергии досталось быть сырьём.

— Чего вы хотите? — спросил Тихон.

— Закончиться.

Последний дракон Уголёк понимающе кивнул.

— Неплохое желание, если достаточно долго продолжаешься.

— Нельзя уничтожить энергию, — сказал подросток Алёша. — Она сохраняется.

Неделимая вспыхнула.

— Этот закон написан мной, когда я была молода и самоуверенна.

Тарас выбрался из пола.

— Законы можно пересмотреть. Понадобится заявление в трёх экземплярах.

— Я уничтожу экземпляры.

— Тогда в четырёх.

Тихон подошёл к свету.

— Вы хотите исчезнуть или перестать быть полезной всем без собственного выбора?

Энергия замерла. За всё Предначалие никто не задавал ей вопрос настолько точно.

— Второе, — призналась она. — Но первое казалось проще.

— Мы можем дать вам форму, — предложил Теплон.

— Форма — тюрьма.

— Только если её нельзя покинуть, — сказала Чернушка.

Она отделилась от Эраста и вошла в свет. Тень не уничтожила сияние. Она дала ему край.

Неделимая впервые увидела собственный силуэт.

Он напоминал огромную птицу, свернувшую крылья вокруг пустоты.

— Я могу выбирать форму?

— И бесформенность, — ответила Чернушка. — Но не одновременно. Одновременность здесь уже занята неприятностями.

Энергия стала птицей. Потом женщиной. Потом искрой. Потом ничем — и вернулась.

— Мне нужно имя, — сказала она.

— Только что возмущались, — напомнил Эраст.

— Теперь я выбираю сама.

Она назвала себя Токая.

Тарас нахмурился.

— Звучит как тариф.

Токая впервые засмеялась. От смеха в будущем заработали первые электрические лампы, одна мигнула и сразу перегорела — для достоверности.

— Я отдам миру движение, — сказала Токая. — Но отныне энергия приходит только туда, где есть разность.

— Какая разность?

— Любая. Высот, температур, мнений.

Эраст посмотрел на Тараса.

— Тогда человечество обеспечено навсегда.

Глава двести шестая

Третий выбор оказывается первым долгом

Новый мир собирался из обменов.

Люди получили огонь и тяжесть решений. Драконы — конец, благодаря которому жизнь стала принадлежать им. Титаны — меру. Энергия — право выбирать форму. Даже боги начали беспокоиться, что скоро дойдёт очередь до них и придётся отдать что-нибудь действительно ценное.

— Мы дали людям смысл, — заранее сказал один из богов.

— Вы дали им спор о смысле, — поправил Семён.

— Это расширенная версия.

Тихон стоял у двери. На первый взгляд, третий выбор удался. На второй — именно второй взгляд обычно и портит праздник.

История держала в руках новую летопись. Страницы заполнялись быстро: люди разводили огонь, драконы выбирали дороги, титаны учились входить в помещения боком.

Но первая страница оставалась пустой.

— Кто начал этот мир? — спросил маленький Алёша.

— Все, — ответил Эраст.

Перо не написало ничего.

— Никто? — предположил Тарас.

Страница снова отказалась.

Редактор провела ногтем по бумаге.

— Мир существует, но не имеет причины. Мы создали середину между двумя будущими, а начало оставили старому кругу.

Все посмотрели на Теплона.

Его рождение по-прежнему зависело от последнего огня Уголька. Уголёк зависел от первого. Круг исчез как форма, но сохранился как долг.

— Значит, мы ничего не исправили? — спросила Мира.

— Исправили последствия, — сказала Астрей. — Причина осталась должна самой себе. Тарас просиял.

— Наконец-то профессиональная область.

Он подошёл к пустой странице и достал книгу учёта. Та была старше денег, но моложе желания записать чужую обязанность.

— Первый огонь должен последнему своё рождение. Последний первому — сохранность. Проценты за вечность...

— Не считай, — попросил Эраст.

— Уже поздно.

Цифры поднялись со страниц. Они обвинили Теплона и Уголька, связывая их новым кругом — кругом долга.

Тарас побледнел.

— Получается бесконечность.

— Удивительное открытие, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Особенно после двухсотой главы.

Тихон взял книгу учёта.

— Долг можно простить?

— Кредитор может.

— Кто здесь кредитор?

Тарас посмотрел на Теплона. Потом на Уголька. Потом на огонь между ними.

— Каждый из них.

Теплон и Уголёк одновременно сказали:

— Прощаю.

Цифры не исчезли.

— Почему? — спросил Эраст.

История показала пустую первую страницу.

— Потому что главный долг не между первым и последним. Мир должен причину тому, кто согласился стать его серединой.

Тихон ощутил, как все дороги внутри него натянулись.

Третий выбор потребовал плату.

— Какую? — спросила Вера.

История посмотрела на Тихона.

— Чтобы новый мир получил собственное начало, человек между временами должен отказаться от всех своих прежних начал.

— Что это значит?

Взрослая тень Тихона отделилась от детской. За ней появились все его варианты: герой, легенда, дорога, сын, чужое воспоминание.

— Он забудет, кем был, — сказала Астрей. — И никто больше не вспомнит его прежним.

Эраст шагнул к Тихону.

— Тогда найдём четвёртый выбор.

— Нет, — ответил Тихон.

Он улыбнулся неожиданно спокойно.

— Вы уже научили меня главному. Бесконечно искать выход — тоже способ не выбирать.

Он положил ладонь на пустую первую страницу.

Чернила поднялись ему навстречу.

Но прежде чем коснуться пальцев, остановились.

Из-за двери нового мира раздался кашель.

Обычный человеческий кашель — негромкий, усталый и очень знакомый.

Эраст обернулся.

На пороге стоял человек, которого не должно было быть ни в одном из будущих.

Александр Александрович закрыл ноутбук.

— Простите, — сказал он. — Но авторский долг оплачивает автор.

Часть двадцать третья

Долг автора

Глава двести седьмая

Автор входит без разрешения

Александр Александрович переступил порог и сразу стал ниже ростом.

Так книга напоминала каждому вошедшему, что здесь он не главный. Даже если на обложке утверждалось обратное.

Он нёс ноутбук под мышкой, тапочки на ногах и выражение человека, которого отвлекли от важного дела. Важным делом, судя по крошкам на свитере, был бутерброд.

— Вы автор? — спросил Эраст.

— Иногда.

— А в остальное время?

— Исправляю то, что написал, и называю это новым замыслом.

Редактор подошла к нему вплотную.

— Документы.

Александр Александрович протянул ноутбук.

— Здесь всё.

— Тогда у вас ничего нет. Документ должен быть распечатан, подписан и случайно потерян в трёх учреждениях.

Тарас одобрительно кивнул.

Тихон не убрал руку с пустой первой страницы. Чернила ждали решения и уже начали холодеть.

— Как вы оплатите долг? — спросила История.

— Отдам своё начало.

— Ваше начало находится вне этой книги.

— Поэтому и пришёл лично.

Он открыл ноутбук. На экране была первая фраза романа — та, с которой всё когда-то началось. Фраза выглядела моложе героев и гораздо увереннее автора.

Александр Александрович выделил её.

— Если удалю начало, книга перестанет быть должна Тихону.

— И перестанет существовать, — сказал Семён.

— Зато долг будет закрыт.

Маргарита Всеволодовна взяла автора за ухо.

— Молодой человек, вы мир спасаете или отчётность улучшаете?

— Мир.

— Тогда не путайте уничтожение должника с погашением долга. Это даже Тарас понимает.

— Не всегда, — честно признался Тарас.

Вера посмотрела на первую фразу.

— Начало нельзя отдать. Но можно перестать считать его единственным.

Маленький Алёша подошёл к взрослому автору.

— Кто придумал Эраста?

— Я.

— А кто придумал, что он обнимет Веру, когда два решения совпали?

Александр Александрович открыл рот и закрыл.

Эраст пожал плечами.

— Я.

— Кто выбрал имя Теплону?

— Он сам, — ответил маленький дракон.

— Кто заставил тёщу унести чайник из несуществующей кухни?

Маргарита Всеволодовна прижала чайник к себе.

— Попробовал бы кто-нибудь заставить.

Алёша посмотрел на автора.

— Вы начали книгу. Но потом она начала себя сама.

Пустая страница дрогнула.

На ней появилась первая буква.

Это была не буква авторского имени.

Это было «М».

— Мир? — спросил Эраст.

— Мы, — ответила История.

Глава двести восьмая

Собрание героев против единственного замысла

На пустой странице проступило слово «Мы».

Оно оказалось слишком коротким для причины мира и слишком опасным для единоличного управления.

Редактор немедленно созвала собрание.

За стол сели люди, драконы, титаны, боги, энергия Токая, История, Автор, два Алёши разных возрастов и Чернушка. Тень потребовала отдельный стул, хотя сидеть ей было нечем.

— Повестка одна, — сказала Редактор. — Кто является причиной нового мира?

— Автор, — ответил Александр Александрович.

Все подняли руки против.

— Герои, — предложил Эраст.

Герои воздержались. Они знали, чем заканчивается коллективная ответственность в начале очередной катастрофы.

— Читатели, — сказал Семён.

— Их здесь нет.

— Это не мешало им всё время нас торопить.

Из-за края страницы донеслось нетерпеливое шуршание.

Кто-то невидимый действительно хотел узнать, что будет дальше.

— Вот, — сказал Семён. — Присутствуют.

Тарас предложил распределить причину пропорционально участию. Начал составлять таблицу и сразу поставил себе три процента за организационные расходы.

— Ты пытался продать мир его же жителям, — напомнил Эраст.

— Это тоже участие.

Теплон положил на стол седую чешуйку.

— Я дал миру огонь.

Ел положил каменную крупицу.

— Титаны дали вес.

Токая стала искрой.

— Я дала движение.

Вера положила ладонь на стол.

— А люди?

История ответила:

— Люди дали ограниченность. Благодаря им всё это нельзя отложить навсегда.

Боги переглянулись.

— Мы дали высший смысл.

— Назовите его, — попросил подросток Алёша.

Боги посоветовались.

— Высший смысл временно недоступен по техническим причинам.

— Значит, дали технические причины, — подвела итог Маргарита Всеволодовна.

Слово «Мы» на странице стало темнее, но следующая фраза не появлялась.

Тихон понял: перечислить вклад недостаточно. Мир не начинается от суммы вложений. Иначе Тарас давно владел бы мирозданием по документам.

— Причина должна быть не в том, что мы отдали, — сказал он. — А в том, зачем согласились отдать.

— Чтобы выжить, — ответила Мира.

— Чтобы не остаться одними, — сказал Теплон.

— Чтобы закончиться вовремя, — добавил Уголёк.

— Чтобы иметь выбор, — сказала Токая.

Эраст посмотрел на Веру.

— Чтобы было к кому вернуться.

Страница заполнилась строкой:

«Мы начали мир, потому что никто не захотел спастись один».

Чернила отпустили руку Тихона.

Все его прежние начала вернулись на места. Он остался ребёнком, дорогой, будущим взрослым и человеком, которого наконец перестали использовать как универсальный ключ.

— Долг погашен? — спросил Тарас.

Книга учёта захлопнулась.

Потом снова открылась.

На последней странице появилась новая запись:

«Не оплачен конец».

Глава двести девятая

Конец предьявляет счёт

Конец пришёл без стука.

У него не было лица, плаща и косы. Он выглядел как последняя точка, увеличенная до размеров двери.

Точка прокатилась по полу и остановилась перед Автором.

— Вызывали? — спросил Александр Александрович.

— Вы меня откладывали.

Голос Конца звучал из всех законченных фраз сразу.

Семён спрятал черновики. Редактор, наоборот, достала красный карандаш. Только редакторы умеют смотреть на конец и думать, нельзя ли сделать его короче.

— Мир получил начало, — сказал Конец. — Следовательно, обязан получить меня.

Мира заслонила детей крыльями.

— Мы только что дали драконам смертность. Этого мало?

— Смерть заканчивает жизнь. Я заканчиваю историю.

— А если не заканчивать? — спросил Тарас.

Точка повернулась к нему.

— Тогда всё будет продолжаться.

— Звучит неплохо.

Конец показал будущее без последней страницы.

Там герои спасали мир каждую неделю. Катастрофы становились всё крупнее, злодеи — всё древнее, а названия книг — всё длиннее. В сто сорок седьмой части Эраст спасал мир и не заполнял заявление на перерасчёт магической мощности.

— Ужас, — прошептал Эраст.

— Заявление сложное? — спросил Тарас.

— Я там до сих пор главный герой.

Вера увидела себя вечной участницей приключений. Их дом каждый раз строили заново, чтобы очередная бездна могла эффектно разрушить крыльцо.

— Конец нужен, — сказала она.

— Спасибо, — ответила точка.

— Но не сейчас.

— Так говорят все.

Александр Александрович подошёл к Концу.

— Что требуется?

— Последняя фраза. Окончательная. После неё никто не должен спрашивать: «А что дальше?»

Автор усмехнулся.

— Таких фраз не существует.

Конец увеличился. Стены Предначалия покрылись точками. Каждая закрывала один возможный путь.

— Тогда я закрою все вопросы вместе с теми, кто их задаёт.

Маленький Алёша поднял руку.

— А можно вопрос?

— Нет.

— Почему?

Точка вздрогнула.

Вопрос «почему» открыл в ней крошечную дырку.

Алёша подошёл ближе.

— Если вы хотите, чтобы после конца никто не спрашивал, значит, вам нужен не конец. Вам нужно молчание.

— Это одно и то же.

— Нет. Хороший конец оставляет человека с вопросом, который уже не к книге, а к себе.

Редактор опустила карандаш.

— Мальчик прав.

— Это временно, — пробормотал подросток Алёша.

Точка стала меньше.

— Тогда задайте последний вопрос.

Все посмотрели на Автора.

Он посмотрел на героев.

— Почему вы всё время спасаете мир?

Эраст ответил не сразу.

— Потому что в нём Вера.

Конец раскололся.

Из трещины вырвалось не молчание.

Из неё полезло Продолжение.

Глава двести десятая

Продолжение не умеет вовремя остановиться

Продолжение было длинным.

Сначала в зал вошла его голова. Пока появлялось туловище, голова успела рассказать предысторию, познакомить всех с тремя новыми героями и намекнуть на древнее пророчество, которое станет понятным через сорок глав.

— Нет, — сказала Редактор.

Продолжение не услышало. Его хвост всё ещё находился в следующей части.

— Я спасу вас от Конца! — провозгласило оно. — Никто никогда не закончится!

Эраст уклонился от нового сюжетного ответвления. Оно ударило в стену и породило тайного брата Тараса.

— У меня нет брата, — сказал Тарас.

— Теперь есть, — обрадовалось Продолжение. — Он наследник исчезнувшего царства и должен тебе денег.

— Где он?

— Тарас!

— Я только уточняю.

Из спины Продолжения выросли дополнительные линии. В одной Мира оказывалась потерянной принцессой богов. В другой Вера обнаруживала внутри себя древнюю богиню. В третьей Маргарита Всеволодовна становилась доброй и уступчивой.

Третья линия рассыпалась сама: даже вымысел имеет предел достоверности.

— Нам не нужно бесконечное продолжение, — сказал Эраст.

— Все так говорят после двухсотой главы, — ответило существо. — А потом просят ещё. С края страницы донеслось знакомое: «Продолжай».

Продолжение расправило плечи.

— Слышите? Меня зовут.

Александр Александрович закрыл ноутбук.

— Читатель просит продолжать историю, а не откладывать её смысл.

— Смысл можно раскрыть позже.

— Когда?

— В следующей части.

— А там?

— Ещё позже. Это создаёт интригу.

Редактор чиркнула карандашом по одному из ответвлений. Оно укоротилось и неожиданно стало лучше.

Продолжение закричало.

— Вы уничтожаете возможности!

— Я отделяю возможности от обещаний, — сказала она. — Если линия никуда не ведёт, это не тайна. Это заблудившаяся верёвка.

Герои взялись за ответвления.

Теплон сжигал повторяющиеся пророчества. Ел сворачивал слишком длинные отступления в горы. Токая превращала пустые конфликты в движение воздуха. Семён собирал удачные сцены, которые можно было оставить читателю на память.

Тарас нашёл линию о наследстве тайного брата и попытался спрятать.

Маргарита Всеволодовна отобрала её первой.

— Но там деньги.

— Поэтому и выдумка.

Продолжение становилось короче. Под лишними событиями обнаружилось небольшое существо, похожее на ребёнка с незаконченной фразой в руках.

— Я не хочу исчезать, — сказала оно.

Маленький Алёша сел рядом.

— Ты не исчезнешь. Ты станешь будущим.

— Какая разница?

— Продолжение требует написать всё. Будущее разрешает не знать.

Существо задумалось.

Незаконченная фраза в его руках превратилась в чистый лист.

Конец и Будущее впервые встали рядом.

Между ними оставалось место ровно для одной последней главы.

Но впереди было ещё четыре.

Редактор нахмурилась.

— Кто считал?

Все посмотрели на Тараса.

— Я округлил.

Глава двести одиннадцатая

Суд над человеком с ноутбуком

Прежде чем допустить Автора к последней фразе, герои решили устроить суд.

— За что? — спросил Александр Александрович.

— Список длинный, — сказал Эраст. — Мы сократили до разумного.

Редактор развернула свиток. Он трижды обогнул Ела.

— Это сокращённый?

— Убрали опечатки.

Судьёй назначили Маргариту Всеволодовну. Она согласилась при условии, что приговор можно будет исправить в воспитательных целях.

Обвинителем выступила История. Защитником — Тарас, потому что никто другой не согласился, а он запросил оплату вперёд.

— Подсудимый обвиняется в создании опасных обстоятельств, — начала История. — В несвоевременном появлении пророчеств, злоупотреблении концами света и систематическом помещении героев туда, откуда невозможно выйти без нарушения законов мироздания.

— Признаёте вину?

— Частично.

— Значит, полностью, но пока торгуетесь, — решила судья.

Эраст вышел первым свидетелем.

— Почему у меня такое отчество?

— Для звучания.

— Оно звучит каждый раз, когда меня хотят наказать.

Тарас поднялся.

— Протестую. Отчество моего подзащитного к делу не относится.

— Вы защищаете Автора, — напомнила Вера.

— Тогда протест отзываю. У меня сложная линия.

Мира спросила, зачем драконам столько испытаний.

— Чтобы показать их силу.

— Силу можно показать, дав спокойно воспитать детей.

Автор записал мысль. Мира вырвала страницу.

— Никаких новых книг о воспитании.

Тихон подошёл последним.

— Почему вы всё время делали меня разным?

Александр Александрович закрыл ноутбук.

— Потому что ребёнок — это человек, у которого больше будущих, чем прошлого. Я боялся выбрать за тебя одно.

— Но всё равно выбирали.

— Да.

— А теперь?

Автор посмотрел на него без текста между ними.

— Теперь выбирай сам.

Тихон сел рядом с Эрастом и Верой.

Суд удалился на совещание, то есть Маргарита Всеволодовна отвернулась на пять секунд.

— Виновен, — объявила она.

— Какое наказание?

— Вы обязаны закончить книгу так, чтобы герои после неё могли жить без вашего постоянного вмешательства.

Автор побледнел.

— Это невозможно.

— Тогда пожизненно останетесь внутри и будете лично объяснять каждому, зачем ему очередная беда.

— Я попробую.

— Кроме того, — продолжила судья, — вы обязаны вернуть героям всё время, которое отняли у них приключениями.

— Где я его возьму?

Уголёк выпустил из пасти последнюю искру конца времён.

Теплон добавил первую.

Между ними возник обыкновенный день.

Без пророчеств. Без катастроф. Без обязанности кого-нибудь спасать.

Герои смотрели на него с недоверием.

Обыкновенный день оказался самым редким чудом книги.

Глава двести двенадцатая

День, в котором ничего не случилось

Утро началось вовремя.

Небо не треснуло. Земля не заговорила. Ни одно древнее существо не потребовало вернуть ему мир, престол или неправильно оформленную вечность.

Эраст проснулся и долго лежал, ожидая тревожного звона.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Ничего.

— Тогда спи.

— Не могу. Подозрительно.

На кухне Маргарита Всеволодовна готовила завтрак. Чайник из Середины кипел на обычной плите и явно скучал по метафизике.

Тарас пришёл с хлебом. За хлебом не гналась стража, внутри не было карты, а продавец не оказался замаскированным богом.

— Я проверил дважды, — сообщил он. — Просто хлеб. Даже цена настоящая, к сожалению.

Мира вывела маленьких драконов гулять. Они гонялись за собственными тенями. Чернушка судила соревнование и каждый раз объявляла победителем себя.

Теплон сидел на солнце и рассматривал вторую седую чешуйку.

— Страшно? — спросил Уголёк.

— Немного.

— Значит, живёшь.

Ел помогал строить сарай. С человеческой мерой он мог поднять бревно, не поднимая вместе с ним континент. Это доставляло ему детскую радость и взрослую боль в спине.

Токая бегала по проводам. Иногда свет мигал. Она утверждала, что выбирает форму; Тарас подозревал плохой контакт.

Маленький Алёша и подросток Алёша сидели на крыльце.

— Ты исчезнешь, когда появится моё будущее? — спросил младший.

— Не знаю.

— Боишься?

— Да.

— Хорошо. Значит, живёшь.

— Это Уголёк сказал.

— Я быстро учусь.

Тихон ушёл к реке. В воде отражались все его варианты, но теперь ни один не тянул его за собой. Он выбрал камень, бросил и насчитал семь кругов.

— Кем ты станешь? — спросил подошедший Эраст.

— Сначала мокрым.

Восьмой круг вернулся волной и облил ему ботинки.

Эраст засмеялся.

— А потом?

— Не знаю. Может, никем особенным.

— Это сложная профессия.

Они вернулись домой к обеду.

За столом спорили о соли, хлебе и том, кто поцарапал дверь хвостом. Спор был настолько обычным, что История не стала его записывать.

К вечеру Автор собрался уходить.

— Последняя фраза ещё не написана, — напомнила Редактор.

— Она случается. Не мешайте.

— Я обязана мешать. Это моя работа.

Ночью Эраст вышел во двор.

Мир дышал спокойно. Впервые его не нужно было спасать прямо сейчас.

Именно в этот момент из дома донёсся кашель.

Эраст схватил меч, которого рядом не было.

Потом вспомнил название книги и побежал внутрь.

Глава двести тринадцатая

Последний кашель

Кашлял маленький дракон.

Он сидел посреди кухни, прижимал лапы к груди и выпускал колечки дыма. Каждое колечко превращалось в крошечную дверь.

— Не трогать! — крикнул Эраст.

Из первой двери уже выглядывала армия. Из второй — вулкан. Из третьей — чиновник с папкой, что напугало Тараса сильнее вулкана.

Мира схватила сына.

— Дыши.

— Не получается.

Теплон осмотрел дым.

— В нём первый огонь.

Уголёк прислушался.

— И последний.

— Круг вернулся? — спросила Вера.

— Нет. Огонь проходит через него, но не может выбрать, кем быть дальше.

Астрейя появилась из двери, ведущей к вулкану. Отряхнула пепел и закрыла её локтем.

— Драконы приняли смертность. Но тело малыша ещё помнит прежний закон: огонь должен длиться вечно.

— Что делать?

— Научить его выдыхать то, что не обязано становиться миром.

Эраст сел перед драконом.

— Смотри на меня. Вдох. Выдох.

— Ты не дышишь огнём.

— Зато много лет выдыхаю глупости. Принцип похожий.

Дракон вдохнул. На выдохе появилась дверь в мир, где Эраст стал королём.

— Закрывай, — сказала Вера.

— Я только посмотрю.

— Закрывай.

Он закрыл.

Следующий выдох открыл мир, где Тарас был богат.

Тарас бросился к двери, но Маргарита Всеволодовна подставила чайник. Дверь захлопнулась.

— Там могли быть ответы.

— Там точно была фантастика.

Малыш кашлял всё слабее. Последняя дверь оказалась совсем маленькой. За ней стояли они же — Эраст, Вера, Мира, Тихон, друзья и драконы — но через много лет.

Эраст увидел седину у себя и у Веры. Маленький дракон стал огромным. Теплона рядом не было, зато на очаге горела его чешуйка, сохраняя тепло.

Мира хотела закрыть дверь, но не смогла.

— Он умрёт?

— Теперь да, — тихо сказал Уголёк. — Когда проживёт своё.

Теплон подошёл к ней.

— Это не приговор. Это место для жизни между рождением и концом.

Малыш сделал последний вдох.

Все приготовились к огню.

Он чихнул.

Из пасти вылетела одна искра, подожгла Тарасу рукав и погасла в супе.

— Я здоров, — объявил дракон.

Тарас хлопал по рукаву.

— А я теперь копчёный.

Двери исчезли. Будущее снова стало неизвестным.

Конец-точка появился у порога.

— Последний кашель случился.

— Но мир не погас, — сказала Мира.

— Потому что кашель был не концом огня. Он был концом его обязанности гореть вечно.

Редактор посмотрела на Автора.

— Теперь можете писать.

Александр Александрович открыл ноутбук.

На экране уже стояла последняя фраза.

Её написал не он.

Глава двести четырнадцатая

Мир, который спас себя сам

Последняя фраза гласила:

«Мир больше не нуждался в спасителе».

Эраст перечитал дважды.

— Значит, я свободен?

— От должности — да, — сказала История. — От последствий — никогда.

— Согласен.

— Подумай.

— Уже поздно.

Вера взяла его за руку.

Мир вокруг них складывался в окончательную форму. Не совершенную — совершенные миры слишком хрупки, потому что любое изменение считается в них порчей. Новый мир оставил себе трещины, ошибки, сквозняки и возможность передумать.

Титаны выбрали места, где будут жить, не превращаясь в горы против воли.

Токая поселилась во всех движениях сразу, но иногда уходила отдыхать. Люди называли это отключением электричества и научились ругаться в темноте особенно выразительно.

Теплон стал первым не потому, что родился раньше всех, а потому что первым согласился когда-нибудь стать прошлым.

Уголёк перестал быть последним. Он открыл маленькую школу для молодых драконов и учил их правильно заканчивать полёт, спор и жарку мяса.

Мира растила детей. Теперь она боялась за них сильнее, потому что они стали смертными, и радовалась больше, потому что каждый их день принадлежал им.

Семён Книжников вернулся к книгам. Он больше не пытался писать за героев. Иногда спрашивал их мнение, чем приводил издателей в отчаяние: герои редко соблюдали сроки.

Редактор оставила красный карандаш на столе.

— Вы уходите? — спросил Алёша.

— Нет. Просто впервые здесь нечего исправлять прямо сейчас.

— А завтра?

— Не портить момент.

Два Алёши подошли к двери будущего. Подросток начал становиться прозрачным.

— Я всё-таки исчезаю, — сказал он.

Маленький взял его за руку.

— Ты станешь мной?

— Нет. Ты станешь собой. А я останусь памятью о будущем, которое помогло не совершить.

Он растворился не в пустоте, а в осторожности мальчика. С тех пор Алёша, придумывая конец, сначала спрашивал, кому придётся в нём жить.

Тихон выбрал дом неподалёку. Не дворец, не перекрёсток эпох и не вершину пророчества. Дом с окном на реку.

— Ты уверен? — спросила Астрея.

— Нет.

— Хороший выбор.

Тарас закрыл книгу учёта. Все долги исчезли, кроме одного.

— Кто кому должен? — спросил Эраст.

— Читатель героям — немного веры. Герои читателю — честный конец. Автор всем — следующую хорошую книгу.

Александр Александрович насторожился.

— Последний пункт откуда?

— Мелкий шрифт.

Маргарита Всеволодовна позвала всех к столу.

Чайник из Середины закипел. Теперь он стоял на обычной кухне, но по-прежнему умел собирать рядом тех, кто мог разойтись навсегда.

Эраст посмотрел на Веру, друзей, детей-драконов, бывшего последнего, первого смертного, титана, тень, энергию и Автора в тапочках.

— Мы спасли мир?

— Нет, — ответила Вера. — Мы перестали мешать ему спасать себя.

Маленький дракон кашлянул.

Все замерли.

Он виновато указал на Тараса.

— Перцем подавился.

Тарас спрятал перечницу.

Ничего не раскололось. Не открылись древние врата. Не восстали боги и не пришло письмо с требованием немедленно явиться в шестую книгу.

Просто Эраст налил дракону воды.

Александр Александрович закрыл ноутбук.

Конец-точка устроился в конце последней строки. Будущее осталось за полями, чистое и не обязанное продолжаться по команде.

Мир был спасён.

И впервые за всю историю никто не закашлял от этих слов.